

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1989



КИНОКУХНЯ:
ИДЕОЛОГИЯ
И КОММЕРЦИЯ

ДИАЛЕКТИКА ГЛУПОСТИ



В ЭКСПЕДИЦИИ — МИЛЛИОНЫ УЧАСТНИКОВ

ОЧАРОВАНИЕ ? ПО РЕГЛАМЕНТУ!



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 7 (3212)

11 — 18 ФЕВРАЛЯ

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Международный конкурс «Мисс Очарование-89», проходивший в Москве. (См. в номере стр. 29.)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

**Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.**

Сдано в набор 23.01.89. Подписано к печати 07.02.89. А 08813. Формат 70×108½. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 77. Цена 40 копеек.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

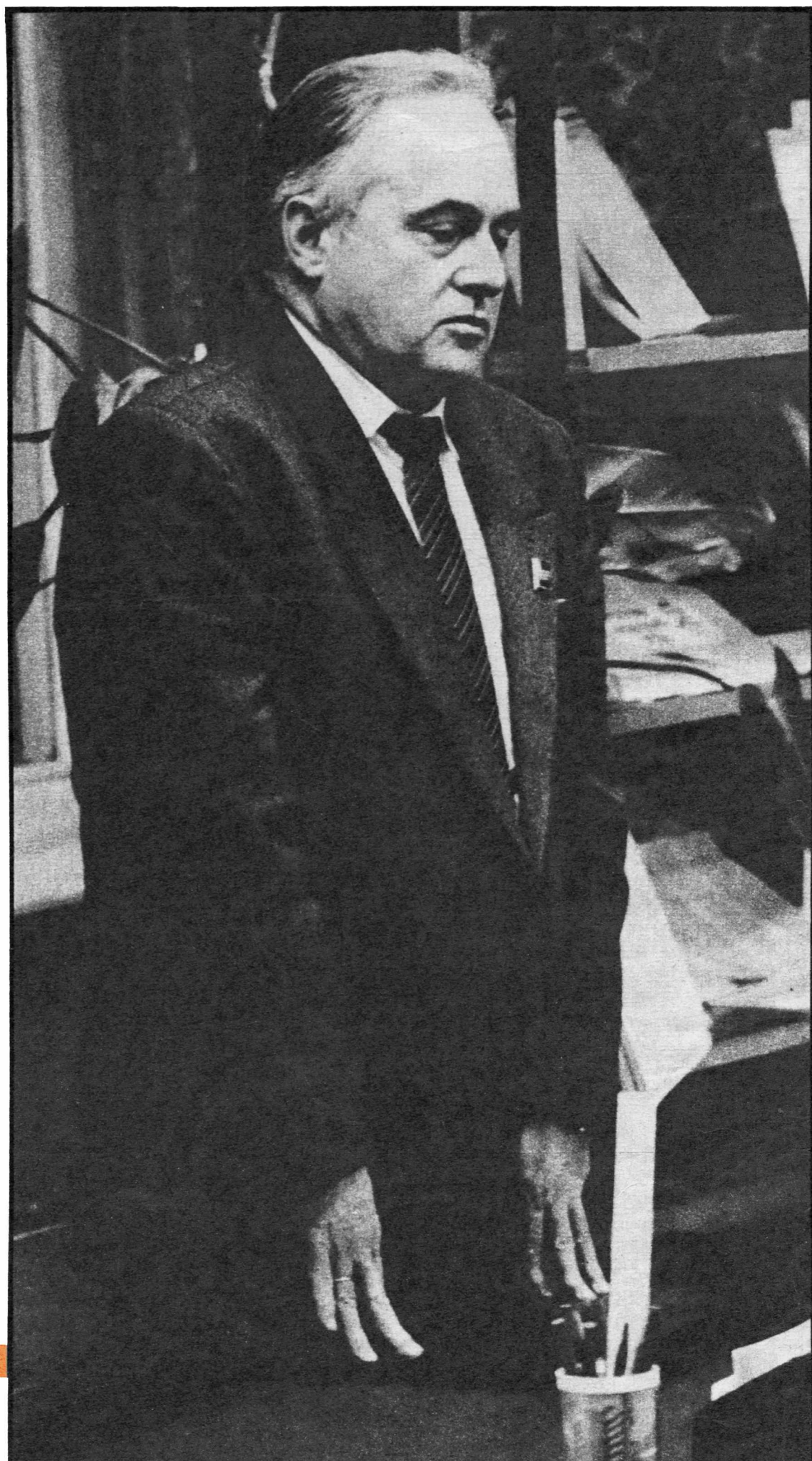
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-59; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В.И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

РАСКОВАНН



ОСТЬ

РЕГЛАМЕНТ, ПОД КОТОРЫМ ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ЧУВСТВО НАВЯЗАННОГО СВЕРХУ ПОРЯДКА, ОЧЕВИДНО, ГЕНЕТИЧЕСКИ ЗАКОДИРОВАН ВНУТРИ КАЖДОГО ИЗ НАС. ПОЭТОМУ, КОГДА ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЛС» БОРИСУ ИВАНОВИЧУ БОНДАРЕВУ МЯГКО НАМЕКНУЛИ, МОЛ, НАДО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СВОЕЙ КАНДИДАТУРЫ ПРИ ВЫДВИЖЕНИИ В НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ СССР, ТОТ ПОСЛУШНО КИВНУЛ. ДОВОДЫ ЕМУ УЖЕ БЫЛИ ЗНАКОМЫ. АНАЛОГИЧНАЯ СИТУАЦИЯ СКЛАДЫВАЛАСЬ НА ВЫБОРАХ ДЕЛЕГАТА НА ВСЕСОЮЗНУЮ ПАРТИЙНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ. ТОГДА ТОЖЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МАСШТАБНЕЕ, АВТОРИТЕТНЕЕ, ЧТО ВЫХОДЫ НА «ВЕРХИ» У НЕГО ШИРЕ, А ЗНАЧИТ, И ПОЛЬЗА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРСПЕКТИВЕ СУЩЕСТВЕННЕЕ... НО СЛУЧИЛОСЬ НЕОЖИДАННОЕ, БОНДАРЕВ В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ ОТКАЗАЛСЯ ОТ САМООТВОДА И ПОДАВЛЯЮЩИМ БОЛЬШИНСТВОМ ГОЛОСОВ БЫЛ ВЫДВИНУТ КАНДИДАТОМ В НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ ПО КУНЦЕВСКОМУ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ОКРУГУ № 13 ГОРОДА МОСКВЫ.

Б. Бондарев:
«Готов работать для людей!»

Голос из зала:
«Требуем радикальных перемен».

Александр БОЛОТИН,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото),
специальные
корреспонденты
«Огонька»



Политическая смелость — абсолютно новая нравственная категория, рожденная перестроечным мышлением. Именно она решительно размывает контуры привычных догм и стереотипов, расковывает энергию людей, закручивает неожиданные, а порой и крайне неудобные для аппарата коллизии. Ну, подумайте, мог ли Бондарев еще несколько лет назад послушаться «высочайшего повеления», тем самым сорвав никем не оспариваемый «расклад»? Вряд ли... В нынешней же избирательной кампании нет-нет да и раздаются хлесткие

пощечины по блеклому лику казенного стандарта.

— Когда я вышел на трибуну конференции, — рассказывает Борис Иванович, — и увидел реакцию зала, то внешне понял, что собравшиеся представители коллектива «хотят» именно меня. Я никого не отталкивал локтями, не хитрил, не передергивал, просто предоставил людям право выбора... И они его сделали.

Очень не простой и не безболезненный процесс — смещение акцентов в пользу здравого смысла. Не плавное течение, а торчащие из воды камни и рифы неудовлетворенных амбиций, личных обид, демагогических всхлипов.

Кто за просто так сдает позиции? Не кто-нибудь, а сам генеральный директор научно-производственного объединения «ВИЛС» Николай Иванович Корягин на уже софтоявшемся после выборов неофициальном заседании парткома выговорил своему первому заместителю: «Нетактично ведешь себя, Борис Иванович, в отношении рабочих, надо будет разобраться, как ты там руководишь коллективом, какие решения принимаешь?» То ли упрек, то ли угроза — поди разберись?

Присутствовавший на этом заседании тот, о ком шла речь, — сталевар Владимир Иванович Крылов, тоже выставивший свою кандидатуру, недоумен-

но пожал плечами: он-то, мол, причем, я честно проиграл, он достойно выиграл... Чего же здесь огород городить? Но напряженная обстановка в парткоме продолжала накаляться. И это стало известно в цехах. Пошли, как водится в таких случаях, разговоры, пересуды... Раздался и в нашей редакции телефонный звонок. Настойчивый голос на том конце провода требовал: «Приезжайте немедленно, сложилась экстремальная ситуация: «строптивому кандидату» выкручивают руки».

Научно-производственное объединение «ВИЛС» имеет свою специфику. Здесь выпускают, как нынче принято говорить, наукоемкую продукцию. Рабо-

чие спецовки сталеваров соседствуют локоть в локоть с «белыми воротничками» ученых. Да и Борис Иванович Бондарев не просто руководитель, но и доктор, профессор с известным в мире науки именем. Генеральный директор объединения Николай Иванович Корягин тоже имеет докторскую степень, в районе и Москве известен больше как крупный организатор производства, опытный хозяйственник — его заслуги в становлении предприятия несомненны. И вдруг неудавшийся пассаж с навязанным самоотводом: зачем, почему, для чего?..

Альтернативные выборы в противовес отнюдь не забытому бесконфликтному «единодушию» — явление новое и многих застало врасплох. По-прежнему нередко делают ставку на удобную в подобных случаях податливость, пассивность и инерцию «низов». Оказывается, и альтернативность можно записать в заранее спланированную схему (мы, как все) — сначала несколько кандидатов, которые затем поочередно отзывают свою кандидатуру в пользу первого лица. «Куда мне тягаться с первым секретарем обкома?» — простодушно заявил недавно один рабочий, когда его спросили о причинах самоотвода. Может быть, засомневался человек, а может быть, мягко попросили?

Другой вопрос: а нужен ли людям вообще такой нерешительный кандидат? Способен ли он отстоять их интересы, вытянет ли роль лидера, которому необходимы не только гражданская зрелость, но и бойцовские качества, мужество, смелость... Вряд ли! Борис Иванович Бондарев не спасовал, он сделал свой первый непростой шаг, не задумываясь, как сложится у него теперь отношения с генеральным и как посмотрят на него теперь писавшие тот сценарий «верха». Не спасовали и старые кадровые рабочие предприятия бригадир Юрий Михайлович Талалов, плавильщики Владимир Яковлевич Тимошенко, Михаил Яковлевич Шурхно, Владимир Алексеевич Миронов, оператор Василий Васильевич Борисов — они-то помнят молодого инженера Бориса Бондарева, который тридцать два года назад после окончания Московского института цветных металлов и золота стал с ними работать, на их глазах прошла его жизнь. Они готовы бить сейчас тревогу, как вроде бы свое у них отнимают... Их можно понять!

До выдвижения на пост генерального Корягин двадцать лет занимал нынешнюю должность Бондарева, так что социальную базу объединения, а она такова, что ей завидуют многие в столице, создавал в основном он. Новые корпуса микрорайона сдавались при Бондареве, а закладывались при Корягине, и немало он потрудился, чтобы построить ледовый дворец «Крылья Советов», физкультурно-оздоровительный комплекс, детские сады, ясли, магазины, базы отдыха... Оба уважаемые люди, обоим прекрасно знает многотысячный коллектив! Тогда почему все же не генеральный, а его первый «зам»?

Приехав в объединение, мы побывали на собрании совета трудового коллектива одного из научно-производственных комплексов, где как раз обсуждался вопрос об избранном кандидате. Симпатии людей были не просто на стороне Бондарева, но на стороне стиля его руководства, который, по общему мнению, гибче, современной, интеллигентней...

— Поверьте, — горячился один из выступающих, оператор Артур Газарян, — Борис Иванович способен принимать жесткие решения, но при этом он никогда не позволит себе кого-то унижать, смять, его отношение с подчиненными строится на принципах разъяснения, убеждения... Нажимной диктат ему противопоказан. С его приходом начал

действовать «прямой провод»: в определенные часы любой работник может позвонить директору по телефону, задать вопрос, обрисовать ситуацию, попросить помощи. Прямая связь обеспечивает высокий коэффициент доступности руководителя, а ведь мы, откровенно говоря, изголодались по душевности. А скольким он помог в решении всяческих житейских проблем, вот и потянулись к нему...

— Я бы выделил другие его качества, — продолжил начальник сектора Виктор Самаров, — Бондарев, пожалуй, единственный человек в объединении, который четко знает, как идти вперед. Вызывает уважение его компетентность. Один из пунктов политической платформы кандидата, которая, кстати, касается и общегосударственных, и вопросов нашего района и предприятия, включает такое понятие, как безнормативный хозрасчет без опеки и диктата министерства, ограничение его функций в рамках научно-технического центра развития отрасли.

На одном из предвыборных собраний в общественно-политическом центре 95-го микрорайона Кунцева жители сказали Бондареву: «Ваша программа — наша мечта». Борис Иванович при этих словах морщится: мечта, маниловщина... нет, это не то!

...Вот он идет по цехам и видит все. И ту пожилую работницу, что тридцать лет молчала о том, как приходится всю смену работать ей по локти в керосине, а здесь не выдержала, поднялась навстречу ему, и Бондарев понял ее и даже немножко обругал за долготерпение. Сейчас на том участке внедряется новая технология, облегчающая труд.

Женщины среди станков и машин, увы, пока еще необходимость, хотя, по мнению Бориса Ивановича, это вызов, горький упрек высокочивилизованному обществу. Но если необходимость, значит, задача — максимально облегчить им жизнь. В его программе четко записано: «сократить рабочий день женщин, имеющих детей, сохранить им заработную плату. Предоставить женщинам с тремя детьми возможность не работать с зачетом трудового стажа и социальным обеспечением». «И пенсия должна быть другая, — считает он, — ее необходимо ежегодно корректировать в зависимости от уровня цен, сделать не ниже прожиточного минимума». «А где взять средства, за счет чего?» — продолжается постоянный внутренний диалог. «Средства на социальные нужды — за счет сокращения военных расходов, одностороннее сокращение армии и сокращение вооружений на паритетных началах». Утопия? Как знать... Будущий депутат должен иметь свое личное мнение!

...Всегда впечатляющее зрелище, когда идет на работу утренняя смена! И я недавно случайно впился в этот мощный людской поток и неожиданно для себя вспомнил перечитанные у классика строки: «Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, — писал А. М. Горький в романе «Мать», — и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы».

Космическое расстояние отделяет сегодняшний день от той, далекой мрачной действительности. И радоваться надо от всего сердца, что вместо «маленьких серых домов» высятся в микрорайоне высотные громады современных жилых зданий. И лица людей, идущих к проходной, совершенно иные, — спокойные, уверенные, отдохнувшие после сна. И все же...

И все же как долго сидел в нас тараканий испуг!



ВРЕМЯ ВЫБОРА

Перестройка привела в движение творческие силы народа. Мы освобождаемся от скованности застойной поры, стереотипов мышления, начинаем открыто выражать свое мнение.

Новизна общественной атмосферы особенно ярко проявилась в накале страстей при выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР. Один только пример. Если в прошлые выборы 1984 года в Центральную избирательную комиссию поступило лишь 245 писем и телеграмм, касающихся непосредственно этой процедуры, то сегодня таких обращений в десять раз больше. А ведь до 26 марта осталось почти полтора месяца...

Времена «единодушного всеобщего одобрения», к счастью, прошли. Каждый избиратель может сделать свой выбор в полном смысле этого слова. Потому-то так кипят страсти на собраниях, конференциях, пленумах, митингах...



Более 50 писем и телеграмм (в том числе коллективных) пришло в Центральную избирательную комиссию с несогласием по поводу выдвижения кандидатов в народные депутаты от Академии наук СССР. 2 февраля на официально разрешенный митинг собралось около трех тысяч научных работников. Представители ведущих академических институтов страны — Физического института имени П. Н. Лебедева, Института космических исследований, Химической физики, Теоретической физики имени Л. Д. Ландау и других пришли выразить свое мнение.

Раздаются требования повторных выборов кандидатов в депутаты, зачитываются Обращения к научной общественности, к общему собранию Академии наук и даже к ученым, избранным кандидатами в депутаты, с призывом снять свои кандидатуры...

Оставляя в стороне излишние эмоции и некоторый переხлест оценок, следует все же признать, что вопросов и недоумений по поводу выдвижения кандидатур в народные депутаты



СССР от Академии наук у собравшихся немало. Почему в списке в основном директора институтов и нет рядовых научных работников? Почему не прошли как раз те ученые, кого выдвинуло большинство организаций, например, академики А. Д. Сахаров и Р. З. Сагдеев? Почему нет молодежи? Ведь каждый маститый академик в глубине души понимает, что лучшую свою работу он сделал, когда был молод и никому не известен...

Мы учимся новой системе выборов на ходу. И многое здесь в будущем еще предстоит уточнить, обсудить и, возможно, изменить. Потому что такие выборы у нас ВПЕРВЫЕ.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Вице-президент АН СССР директор Института государства и права академик Владимир Николаевич Кудрявцев: «Давайте поспорим! Но некоторые ваши требования весьма серьезны...»

В ЯНВАРЕ 1988 ГОДА
РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА
4261 ПИСЬМО,
В ЯНВАРЕ 1989 ГОДА
РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА
13 193 ПИСЬМА.



ПАРАДОКСЫ УСТАВА ● КОГО И КАК ХОРОНЯТ ● СТАЛИН — ПРИМЕР ДЛЯ ДЕТЕЙ? ● ПЕРСИКИ ДЛЯ... ЖДАНОВА ●

Мне довелось побывать на двух собраниях по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Из своего опыта, а также судя по впечатлениям товарищей, присутствовавших на других таких собраниях, я мог заключить, что общей для всех бедой является незнание закона практически всеми избирателями. Это дает возможность свободно манипулировать им.

Примером служит собрание Киевского производственного объединения имени С. П. Королева, где председатель уже вначале «подвел черту» под кандидатурами. Сразу после этого представитель одного из подразделений заявил, что они хотели бы выдвинуть писателя Ю. ЩЕРБАКА, однако представители администрации сказали, что можно только «своих». «А теперь мы узнали, что выдвинуть можно кого угодно, вот мы и предлагаем Щербака», — возражает представитель. Председательствующий: «Черта уже подведена, большинство проголосовало за это». Щербак так и не был включен в список для голосования. И невдомек сидящим в зале, что нарушается положение Закона о выборах народных депутатов СССР, ст. 37: «На собраниях создаются условия для выдвижения неограниченного числа кандидатов».

Иначе развивались события в Институте кибернетики АН УССР. Нужно отдать должное секретарю партбюро Т. П. Марьяновичу: собрание прошло достаточно демократично. Он тоже хотел «подвести черту», но когда из зала ему напомнили о законе, отказался от своего намерения: «Мы вместе учимся демократии».

Выдвинули 35-летнего кандидата наук, бывшего комсомольского активиста Я. Саливонюка (который сам предложил свою кандидатуру) и Н. М. Амосова. В том, что собрание предпочло их там же предложенной кандидатуре секретаря ЦК КПУ молодого ученого с активной гражданской позицией, нет, по-моему, никакого криминала. И очень жаль, что администрация и партбюро не довели до конца демократическую линию, испугались, как бы чего не вышло, и убедили собрание вообще снять кандидатуру партийного руководителя с голосования. К тому же на институт и Я. Саливонюка оказывалось давление с целью пересмотра результатов голосования.

Такой ход собрания по выдвижению кандидатов в депутаты у нас в Киеве скорее исключение, чем правило. Многие рычаги выборов находятся в руках у кадров, сформированных годами застоя. И людям, показавшим себя активными сторонниками перестройки, оказывается яростное сопротивление.

В. П. ГРЕКОВ,
инженер Института
кибернетики АН УССР
Киев

Пишу в качестве зарубежного подписчика «Огонька» и болель-

щика перестройки и гласности.

Советская периодика на иностранных языках (исключая «Московские новости») не особенно интересует, а иногда и вовсе не обращает внимания на сложный процесс обновления советского общества. Как будто новое вино, но в тех же старых сосудах, которые и раньше мало кого привлекали.

Не пора ли «Огоньку» выйти на международную арену, скажем, ежемесячным изданием (на английском), с материалами из журнала на русском языке? Те, кто болеет за уникальную революцию, которой живет советский народ, хотели бы узнавать о текущих делах вовремя и с бескомпромиссной правдивостью, к которой «Огонек» приучает своих читателей.

Что касается содержания журнала, думаю, что не плохо было бы включить в международную тематику. В данный момент «Огонек» — обозреватель и комментатор сугубо советских дел, функции которого он выполняет отлично. Понятно, что своих кровных задач, на которые журнал считает нужным откликнуться, — легион. Где там, мол, заниматься чужеземными делами... И все же мы восполняем понимание самих себя пониманием других. Открыв окно на белый свет, на некоторые проблемы несоциалистических обществ, «Огонек» обогатил бы миропонимание не только отечественных читателей, но и зарубежных, которые имели бы возможность узнать, как выглядит со стороны мир, в котором они живут. А глаза у «Огонька» зоркие.

О. ПАСКАЛУТА,
доктор философии
Торонтского университета
Торонто, Канада

ОТ РЕДАКЦИИ: международный тираж «Огонька» вырос в этом году до 98 тысяч экземпляров. Из них 96 500 поступает нашим подписчикам, а 1500 — в розницу.

Недавно я получила в школьную библиотеку «Книзу будущих командиров» А. Митяева, изданную в 1988 году издательством «Молодая гвардия».

Почему так получается, что почти вся пресса во всеулышание заявляет, что Сталин — палач, а в книге, наоборот, появляются такие вот вещи: «Ты сейчас прочтешь выдержки из речи Сталина. Читая, представляй себя то красноармейцем в бою, то слесарем на сборке пулемета, то машинистом, ведущим состав под бомбежкой. Представь, что ты остался в тылу врага партизанить, наконец, представь, что ты пионер не 80-х годов, а 1941 года. В любом случае ты найдешь в словах партии совет, как поступить тебе перед лицом врага, как нанести врагу наибольший урон, как помочь любимой Родине». И далее следует полный текст «отца народов».

Почему-то в этой книге нашлось

место для К. Ворошилова и С. Буденного, но уже и наши дети знают, как много сделали эти люди, чтобы уничтожить сотни, тысячи людей. А вот М. Тухачевскому места в этой книге не нашлось. Слава богу, что М. Фрунзе вовремя умер, еще до репрессий, а то ему бы тоже не нашлось места. Интересно, долго ли нам ждать честных книг для детей?

Виктория БОНДАРЕНКО
Киргизская ССР, Московский р-н
с. Сретенка

В газете «Вечерний Ленинград» от 19 января напечатана статья М. Чулаки «Долгожданное решение». Имя Жданова снимается с городов, заводов, дворцов, вузов. Статья верная, но с тремя ее положениями не могу согласиться.

Во-первых, М. Чулаки пишет о Жданове следующее: «Не решился он самостоятельно отдать приказ в первые же дни войны о строительстве укреплений на ленинградском направлении. Но смешно обвинять его за это в преступном умысле. Тогда, в первые дни войны, он не предвидел возможности блокады, так же как не предвидел подобной возможности и Сталин. То есть оба они оказались посредственными стратегами — вот и все».

Думаю, что амнистия слишком поспешна. Сталин, забравший власть, какая не снилась Чингисхану, тем самым взял на себя такую же меру ответственности. Если ты уничтожил мудрых советников, а в себе самом мудрости не обнаружил, отвечаешь за исход дела ты. Ну, и твои подпевалы, конечно.

Во-вторых, М. Чулаки делится с читателем: «Я убежден, что легенды об оргиях в Смольном лживы, но ни о каком недоедании, разумеется, говорить не приходится».

Могу сообщить два факта, найденных мной не в книгах. Муж блокадницы Е. В. Васильевой был шофером Жданова. В назначенное время он привозил в Смольный блины из белой муки. Большую кастрюлю полагалось тщательно укутывать фуфайкой, чтобы не остыла в пути. Разумеется, путь этих блинов пролегал мимо промерзших домов-гробниц.

Художник В. А. Власов возвращался в Ленинград из партизанского края. Летели скрытно, на малой высоте, сильно болтало. Власов пристроился на полу в фузеляже и вдруг почувствовал, что сидит на мокром. Одновременно по самолету распространился дивный, прочно забытый запах. Власов обмякнул в жидкость палец, понюхал, лизнул и не поверил себе. Это был сок персиков. Он тек из-под ящиков, потревоженных болтанкой. Летчики подтвердили: «Правильно, персики. Спецгруз для Жданова».

В-третьих, М. Чулаки напоминает, что Маленков уничтожил «ждановские кадры» — тех работников, которых он вырастил, руководя Ленинградским обкомом. Так возникло «ленинградское дело» — совершенно традиционное для этой эпохи. После смерти Кирова Жданов уничтожил

Кодацкого и многих других; после смерти самого Жданова Маленков убирал Кузнецова с товарищами: нужно было насаждать своих людей».

Алексей Александрович Кузнецов, таким образом, для неосведомленного читателя становится «человеком Жданова».

Рютин, Раскольников, Кузнецов прекрасно знали, что идут на верную гибель, выступая против Сталина и сталинщины.

И. ИВАНОВСКИЙ,
писатель
Ленинград

Как известно, наши законы и постановления должны служить людям, защищать их интересы. Однако это далеко не всегда так. Многие наши постановления давно устарели и находятся в противоречии с интересами людей. Однако они до сих пор существуют и крайне усложняют жизнь. Например, устав ЖСК.

Я живу уже 14-й год в кооперативной квартире из двух комнат. В прошлом году умер мой муж, и я осталась совсем одна. Мне идет 82-й год, у меня больные, пораженные артрозом ноги. Я должна сама себя обслуживать, к тому же сильно страдаю от одиночества после потери любимого мужа. В Киеве проживает мой приемный сын, ему 58 лет. Он согласен жить со мной и помогать мне. Желание хорошее, благородное. Однако по уставу я не могу прописать к себе сына, а только могу завещать ему паевый взнос и имущество, которое он получит только после моей смерти. Но тогда его помощь мне уже не будет нужна, она мне нужна сейчас, на девятом десятке жизни. Чтобы завещать ему квартиру, я должна либо сама выжить из квартиры, либо выйти замуж за приемного сына (благо, его усыновление нигде не оформлено), так как мужа прописут, а сына — нет! Вот к какому нелепому выводу приводит устав ЖСК!

Л. ГАРБУЗОВА
Ленинград

Со времен застойного периода в Академии наук СССР и академиях союзных республик действует инструкция, согласно которой всякая переписка ученых с зарубежными коллегами и научными учреждениями является служебной. Это означает, что письма, прибывающие на имя научного сотрудника в институт (а домашнего адрес зарубежным корреспондентам той же инструкции давать не рекомендуется), вскрываются, читаются и регистрируются, после чего могут быть (а могут и не быть?) переданы ему. Аналогично письма, которые научные сотрудники отправляют за рубеж, должны пройти цензуру дирекции или лично директора, который в меру своего понимания вопроса и отношения к подчиненному может не разрешить отправления

письма, потребовать его переработки, перевода на русский язык и передачи на экспертизу, удаления «не понравившейся» фразы и т. д.

Это явно бюрократическая практика. К тому же она антиконституционна: научные работники, как и многие другие должностные лица, имеют обязательства по неразглашению определенных сведений, но это не значит, что все они лишены доверия и, следовательно, приватности в переписке с кем бы то ни было. Наносимый этой инструкцией вред советской науке трудно недооценить. В сочетании с невероятно большими задержками зарубежных писем почтой она создает дополнительные преграды к общению советских ученых с их зарубежными коллегами, столь необходимому для развития науки. Не менее важен здесь и чисто человеческий фактор: часто унижительная (в меру интеллектуально-нравственного облика дирекции) процедура отправления и получения писем из-за рубежа отнюдь не способствует творческому процессу.

Несмотря на то, что в Академии наук СССР уже давно создана очень представительная комиссия, призванная вести борьбу с бюрократией в науке, инструкция по зарубежной переписке до сих пор не отменена, хотя для этого требуется лишь преодолеть волю чиновников, не имеющих ничего общего с наукой.

И. БЕРСУКЕР,
член-корреспондент АН МССР

Ныне существующее пособие на похороны составляет 20 рублей. Эта сумма была установлена много лет назад. С тех пор цены на все услуги много раз повышались. Стоимость похорон только за последние два года поднялась почти на 30 процентов, но пособие на похороны остается без изменений. Я разрешу себе привести некоторые цифры из прейскуранта: гроб — 35, 54 и 85 рублей, перевозка на кладбище, в зависимости от расстояния, — 14—20 рублей, цоколь — 70, 100, 140 рублей и еще множество услуг типа снятия гроба с катафалка, за которые тоже нужно платить. За похороны только по низшему разряду государству нужно отдать около 150 рублей. Кроме того, принято на могиле устанавливать надгробие, класть цветы. У религиозных людей принято отпевание в церкви. Принято уставших, изнемогавшихся людей, которые несли гроб или провожали его, после кладбища пригласить к столу. Все расходы, связанные с похоронами, требуют немалых денег. А у всех ли они есть?

Высокооплачиваемых чаще всего хоронят за счет государства или производства, с оркестром, с траурной церемонией в крематории, с горой венков и цветов, с установкой мраморного или гранитного памятника. Их семьям дорогие похороны материальных забот не прибавят. А низкооплачиваемые? Например, пенсионер, проработавший лет 50 в должности старшего инженера с окладом 130 рублей, имеющий заработную пенсию 90 рублей. Как быть с ним?

С. СЕРГЕЕВА
Севастополь

В «Огоньке» № 51 прочитала статью В. Еремина «Лесоповал». Она потрясла меня. Переживание это глубоко личное.

Дело в том, что в колонии строгого режима отбывает наказание мой любимый человек. Я не оправдываю его, он виноват, безусловно. Я, как говорится, из благополучной семьи, была просто убита известием о преступлении, чувствовала себя оскорбленной, а любовь свою преданной. В общем, решила порвать отношения. Я молчала. Но, видно, не могла выбросить его из души. И поехала.

Само свидание до гроба не забуду. Многорядные решетки, пронзительные зуммеры, любопытные и неуважительные взгляды охраны и грубость дежурного офицера. Я попросила передать три гвоздики. Мне сказали, что это не детский сад (как будто цветы — это водка). Потом, бурча, согласились. Завели нас, женщин, в комнату с кабинами под стеклом вдоль одной и другой стены. Там телефоны. Потом привели их. Солнце бьет в стекло, и лица совсем не видно... «не нравится» — прекратите свидание», — последовал ответ.

Неужели нельзя дать поговорить по-человечески? Посмотреть в глаза? Обидно и стыдно. Какая необходимость в этих строгостях? Одно только желание — унижить.

Вы справедливо написали об их изуродованных головах. Но кто же увидит изуродованные души? Почему сроки одинаковы при разных климатических условиях? Пять лет в Коми или Краснодаре. Почему в отдельных случаях нельзя выпустить хотя бы под денежный залог? Мне кажется, что вся причина в глубочайшем равнодушии к людям. Это бесчеловечно — умышленно приводить их к неспособному состоянию.

С. ЕФИМЕНКО
Воркута

Я отбываю срок наказания в колонии строгого режима. Мне 29 лет. Единственное мое увлечение — живопись, в колонии я работаю художником-оформителем.

Недавно при досмотре («шмоне» — как здесь говорят) в художественной мастерской колонии работники режимной и оперативной части обнаружили у меня репродукцию картины Сальвадора Дали «Атомная Леда». Статья об этом художнике была напечатана в одном из номеров вашего журнала. Офицеры, производившие досмотр, изъяли этот лист, мотивируя свои действия тем, что это порнография. А порнография в ИТУ запрещена. Почему на свободе это — искусство, а в колонии — порнография? Бедный Дали!

Сталкивались ли вы в жизни с подобными «ценителями» искусства? К тому же один из наших воспитателей обвинил меня в том, что я сам нарисовал эту «картинку»! Мне было бы приятно это слышать, если бы говорил человек умный и компетентный. Но ведь он сказал это совершенно серьезно... Все бы ничего, если бы эти люди не были наделены такой властью над осужденными, властью практически неограниченной.

К сожалению, я уже не смогу поделиться мнением работников ИТУ с самим Сальвадором Дали. Но, думаю, услышать это «мнение» будет любопытно и другим художникам, и всем думающим людям. Чтобы вы знали: правилами внутреннего распорядка ИТУ не запрещено хранить репродукции любых картин, запрещено лишь вывешивать их где-либо.

А. МИХАЙЛОВ
Сыктывкар

Революционные эпохи всегда отмечены появлением целого спектра самых разных по духу и общественной направленности социально-культурных организаций. «Огонек» уже рассказывал и о ленинградском межпрофессиональном клубе «Перестройка», и о «Мемориале», и о «Милосердии». У нас просят поддержки, совета, публикации. Только что объявлено о создании «Товарищества русских художников»...

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию обращение инициативной группы «Писатели в поддержку перестройки».

Перестройка в нашей стране вступает в решающую фазу. Ее судьба сейчас во многом зависит от того, будут ли ее поддерживать делом все здоровые творческие силы нашего общества. Консолидация этих творческих сил становится одним из важнейших велений времени.

Инициативная группа писателей, основываясь на Конституции СССР, создает независимый общественный комитет «Писатели в поддержку перестройки».

Задачи нашего комитета:

1. Демократизация и максимальная активизация литературного процесса. Содействие быстрейшему изданию новых книг, сборников, журналов.

2. Усиление влияния писательского общественного мнения во всех областях жизни. Проведение творческих дискуссий на самые приоритетные темы современности. Организация круглых столов с привлечением научной общественности и зарубежных мастеров культуры.

3. Усиление контроля писательской общественности при всех случаях нарушения норм демократии и гласности.

Членом комитета «Писатели в поддержку перестройки» может стать каждый литератор, желающий оказать посильную помощь нашей стране в это трудное для нее время.

Более четко и развернуто наша программа будет сформулирована на организационном собрании, которое состоится в ближайшее время.

Вся работа комитета «Писатели в поддержку перестройки» ведется на общественный началах.

О. ВОЛКОВ, А. ГЕЛЬМАН, В. ДУДИНЦЕВ, А. ЗЛОБИН, Н. ИЛЬИНА, Ф. ИСКАНДЕР, Вл. КОРНИЛОВ, Ю. МОРИЦ, Б. ОКУДЖАВА, А. ПРИСТАВКИН, М. РОЩИН, Г. СЕМЕНОВ, А. СТРЕЛЯНЫЙ, А. СТРУГАЦКИЙ (всего двадцать шесть подписей).

им сказки. Известно, что малые и старые тяготеют друг к другу. Были бы все довольны.

А. РОСЛИК
Москва

В последнее время прессу буквально захлестнуло половодье официоза. Даже опытному читателю, для которого политика сделалась второй профессией, довольно сложно выбрать важное и нужное. Но самое непонятное, почему одни и те же материалы печатают все газеты, начиная от центральной и кончая местной прессой, где официоз воспроизводится в бесчисленных копиях и тиражах республиканскими, областными и городскими изданиями. И это при том, что наша пресса вообще не отличается оперативно-стью.

Но что толку, если бы даже все это делалось вовремя, на читателя сыплются штабеля сообщений о визитах, встречах и проводах, поздравительных телеграммах... Сейчас мало кто выписывает одну газету, и такое усердие выглядит не менее нелепым, чем, скажем, усердие обувщиков, выпускающих все туфли только одного размера.

Можно было бы спокойно отнестись к сказанному, проявив пресса хоть какое-то разнообразие в освещении событий. Но излагаются они не спецкором с присущим им личностным взглядом на вещи, а исключительно ТАСС. Поэтому приходится довольствоваться пережевыванием и, следовательно, вкусовыми потерями при употреблении первосортной духовной пищи.

Так зачем же лишать человека выбора, особенно в то время, когда его учат уметь этот выбор осуществлять?

Б. ИОСЕЛЕВИЧ
Львов

Публикация в «Правде» письма М. Алексеева, В. Астафьева и других (№ 18, 1989 г.), содержавшего необоснованные нападки на журнал «Огонек», вызвала огромный поток писем и телеграмм наших читателей (всего на сегодняшний день около девяти сот). О мнении большинства можно судить по следующей телеграмме: НАДЕЮСЬ АВТОРЫ ПИСЬМА СЕМИ НЕ СМОГУТ СДЕЛАТЬ С ОГОНЬКОМ ТО ЧТО СДЕЛАЛИ С НОВЫМ МИРОМ ТВАРДОВСКОГО С УВАЖЕНИЕМ-РОВА-ГОВА-

Редакция благодарит всех, кто посчитал долгом поддержать своими письмами и телеграммами наш журнал.



Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

Нет, пожалуй, другого такого свойства человеческой природы, которое в ходе веков дало бы такое обилие метаморфоз, как Глупость.

Уже в 1494 году в сатирической поэме «Корабль дураков» немецкий писатель Себастьян Брант насчитал свыше ста видов Глупости. Казалось бы, можно и остановиться. Но лучшие умы верили, что Глупость бесконечна. И Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» существенно расширяет коллекцию. При этом Глупость у Эразма всевластна. «Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд». Говоря о баснях и мифах, посредством которых Глупость правит миром, Эразм выделяет особое свойство глупости (тому, собственно, и посвящена наша статья) — «посредством... чепухи этого сорта приводить в движение исполинского мощного зверя — народ».

Немало потрудились над исследованием Глупости и наши соотечественники — Гоголь, Салтыков-Щедрин, создавшие целую галерею отечественных «глуповцев». Глупость отнюдь не обошла и нашего советского подворья. Более того, судя по достигнутым результатам, она обрела новые, характерные

именно для нашей эпохи свойства и черты. Одним из таких новейших проявлений Глупости следует, безусловно, считать кампанию по борьбе с идеей «всемирного гражданства» (по выражению В. Даля), иными словами, с космополитизмом.

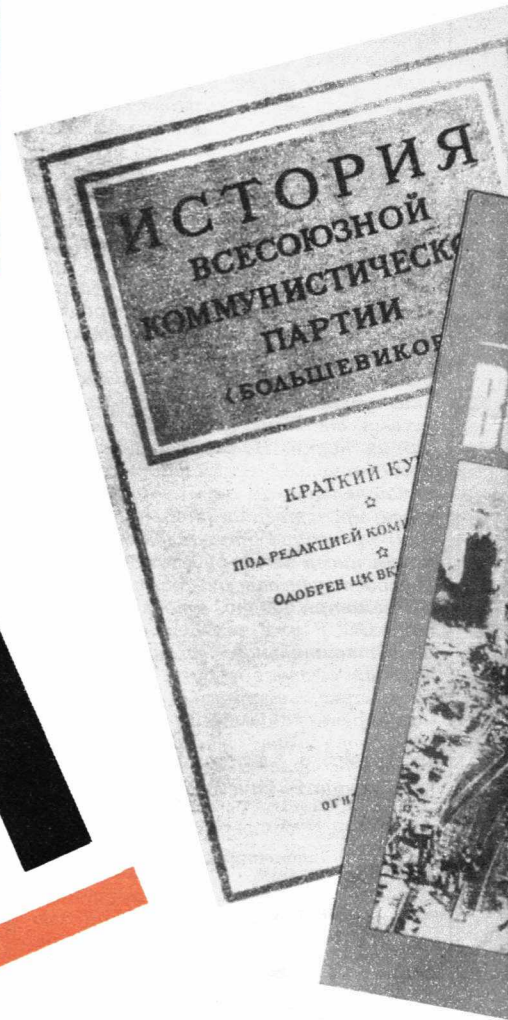
Надо заметить, что и в былые времена борьба Глупости с Разумом велась отнюдь не бескорыстно. Когда братья-иезуиты тащили свои просвященные жертвы на костер или жгли их каленым железом, они больше заботились о поддержании в народе страха перед властью церкви, нежели о спасении заблудших душ. Следовавшие у нас в 40-е и 50-е годы идеологические кампании по травле космополитов тоже преследовали далеко не филантропические цели. Ставкой в бесовских этих играх были

контроль над сознанием человека, а следовательно, власть. И чем сложнее становилось экономическое и социальное положение в стране, чем дальше человек отселялся от народовластия, тем настойчивее и громче звучало похвальное слово Глупости. Тем меньше ценился Разум. Тем больше был соблазн изолировать разум отечества от мирового разума.

КОНЦЕРТ

Вячеслав
КОСТИКОВ

для ГЛУХОЙ ВДО



«ТОРРИЧЕЛЛИЕВА ПУСТОТА»

В 1924 году не стало Ленина. К 1927 году было окончательно похоронено ленинское экономическое детище — нэп. Советская Россия, стремившаяся при Ленине вернуться в Европу (в этом весь смысл Генуэзской конференции), — теперь, под знаменем сталинизма, начала с упорной последовательностью возводить вокруг себя заборы. Выражение «граница на замке» приобретает новый смысл. Пограничник, граница становятся ключевыми словами патристической пропаганды. О пограничниках слагают песни, пишут книги, из них делают героев. Пограничный пес Джульбарс из одноименного кинофильма затмевает славу популярных киноактеров. Понятие «государство» все больше вытесняет из общественной жизни понятие «человек».

Чтобы держать народ и его интеллигенцию в повиновении, помимо террора, используется духовная автаркия — политическая, культурная и идейная изоляция страны. Шестая часть планеты начинает жить по законам «торричеллиевой пустоты» — давление жизненных тягот, бескормицы, тесноты, идеологических понуканий «уравновешивается» давлением страха.

В декабре 1931 года в Москву приезжает немецкий писатель Эмиль Людвиг. Его хобби — биографии великих людей. Что ж, у Сталина к этому времени имеются за спиной кое-какие из «свершений»: всеобщая коллективизация, например. Дома его уже называют великим. На IX съезде комсомола в январе 1931 года его имя повторяется 80 раз. Выступая на съезде от имени ЦК ВКП(б), Лазарь Каганович называет Сталина вождем, и зал подхватывает

ликую: «Да здравствует вождь партии и мирового пролетариата!»

Но чванливая граница пока не испытывает к нему особого пиетета. Для буржуев он всего лишь властитель страны, занимавшей шестое место по выплавке чугуна и девятое — по производству электроэнергии. Внимание известного писателя льстит. Европа, кажется, начинает понимать, с кем она имеет дело. Людвигу многое позволено. Он иностранец. Ни один человек в Советском Союзе не осмелился бы задать Сталину такой вопрос.

Людвиг: Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед Советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти.

Сталин: Вы ошибаетесь... Неужели



ВЫ

вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха».

Сталин знает о пьесе. С его соизволения она ставится в театре. Зачем скрывать? Пусть о страхе говорят открыто. Пусть страх перестанет быть патологией. Пусть он станет нормой советского образа жизни.

BLACK AND WHITE

Страху, нищете, голоду, политическим процессам, охоте на вредителей, лагерным и заводским баракам нужен весомый противовес. Противовесом этим уже не может быть ни мясо, ни молоко, ни яйца, ни мануфактура, ни обувь. Все это уже переходит в категорию вечного дефицита. Искусственное «изобилие» Елисеевского гастронома с икрой, селедкой «залом», с белорыбицей поддерживается мизерной зарплатой миллионов рабочих и крестьян.

Но в резерве власти оставалось уже испытанное средство — идеология. Средство это почти не требовало капиталовложений, но при умелом пользовании давало почти незамедлительный результат.

На этот раз «из широких штанин» Сталин вытащил еще недавно «запретное оружие» — русский патриотизм. Еще недавно, отмежевываясь от собственной истории, велели ей начинаться с октября 1917 года, еще недавно отправляли на свалку истории «народы, царства и царей». Теперь же потребовались «великие предки»: Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр I, Иван Сусанин, гражданин Минин и князь Пожарский. Прославлять отечество стало не только позволительно, но и похвально. Равно как похвальным становится и принижать, и даже высмеивать другие государства и народы.

В цикле «Стихи об Америке» («Сифилис», «Блек энд уайт», «Порядочный гражданин») неприязнь к загранике, которой прежде Маяковский не грешил, выпирает с поразительной и гневливой отчетливостью, политически перекликаясь с оценками Сталина.

Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торг,
если ты
отвык ненавидеть,—
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.

Мир начинает делиться на «блек энд уайт», на белое и черное. Цветовую слепоту, описанную Дж. Дальтоном, навязывают советскому человеку. Невиданная по масштабам хирургическая операция над зрением, проведенная сталинскими идеологами, приводит к массовому, коллективному дальтонизму. Один из самых терпимых, универсальных, открытых и «коммунарных», по выражению Н. А. Бердяева, народов доводится до состояния перманентной и чванливой ксенофобии.

Молчи, Европа,
дура сквозная!
Мусы,— заткните ваше орло.
Не вы — я уверен,— не вы,—
я знаю —

над вами смеется товарищ Шарло.
Жирноживотые.

Лобоузкие.
Европейцы,
на чем у вас пудры пыльца?
Разве
эти
чаплинские усики
не все,
что у Европы
осталось от лица?

Восхвалению подлежит все советское — от доми Магнитки до паспорта, поруганию — все заграничное: от Парижа до Нью-Йорка. Народы, с которыми Россия худо ли, бедно ли, но строила общую цивилизацию со времен принятия христианства, третируются как «незрелые», классово и социально отсталые. Идет откровенная и беспардонная фальсификация реальности. Внешний мир представляется советскому человеку в совершенно искаженном, сюрреалистическом освещении. В свою очередь, сведения об СССР просачиваются за границу, как тоненькая струйка песка в песочных часах. Каждая крупинка информации уже ощупывается «пальчиками Ягоды». Но нам уже ужасно хочется, чтобы нами там восхищались, чтобы нам аплодировали.

Чем кровавее годы, тем громче велят звучать патристическим фанфарам. Борьба с космополитизмом круто замешивается на политике. При этом вся советская символика и фразеология направлены на то, чтобы сплавить воедино образы вождя и отечества. Сталин, объявивший себя «Лениным сегодня», требовал полной своей идентификации с партией и государством. Всякий, кто осмеливался подвергнуть сомнению этот идеологический софизм, лишался права на существование.

В одной из пьес Ф. Дюрренматта последний римский император Ромул Августул говорит: «Когда государство начинает убивать людей, оно всегда называет себя родиной». Формула сохранения власти, известная со времен Древнего Рима и нашедшая свое, пожалуй, наиболее законченное теоретическое оформление в известном трактате Никколо Макиавелли «Государь», широко применялась Сталиным. Пользуясь рецептами Макиавелли, Сталин достиг полного, по словам Маркса, освобождения политики от морали.

Кампания борьбы с космополитизмом была лишь одним из эпизодов борьбы Сталина с интеллигенцией. Неприязнь Сталина к интеллигенции не случайна. В силу универсальности своих знаний и своей психологии интеллигенция оставалась тем нервом, который, несмотря на все предыдущие ампутации и чистки, продолжал связывать мыслящую Россию с мыслящей Европой. Чтобы подготовить страну к завершению чистого эксперимента «построения социализма в одной отдельно взятой стране», необходимо было убить и этот «европейский нерв».

Опасная для судеб страны политика оттапливания космополитической Европы и самоизоляции с особой очевидностью проявлялась в 1939 году на XVIII съезде ВКП(б). Европа уже дышит пожаром. Ко времени съезда в мировую войну втянуты страны с населением около 500 млн. человек. Война подступает к порогу СССР.

Здравый смысл подсказывает партии правильный путь: поиск союзников. В условиях грозящей опасности XVIII

съезд дает зеленый свет «укреплению деловых связей со всеми странами». Казалось бы, что разум наконец побеждает. Однако собственная речь Сталина на XVIII съезде по-прежнему дышит ненавистью к внешним и внутренним врагам.

«Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед заграницей, проникнутая рабым чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение,— кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши...»

Тем фактом, что восемь месяцев спустя, в декабре 1939 года, Советский Союз исключили из Лиги наций, мы обязаны не только «финской кампании», но и в немалой степени специфическому пониманию Сталиным «укрепления деловых связей со всеми странами». Зачисление в космополиты и шпионы всех, кто сочувственно относился к сотрудничеству с заграницей, едва ли могло вызвать доверие Запада к «сталинской миролюбивой политике».

Суперидеологизация внутренней и внешней политики мешала распознать контуры реального врага вплоть до самого начала Великой Отечественной войны.

ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ!..

Классовый догматизм был столь силен, так глубоко укоренился в сознании советского общества, что даже трагическая, поставившая страну на грань национальной катастрофы война не повлекла за собой философского и политического осмысления пережитого. В оценках результатов войны по-прежнему преобладали не исторические, а идеологические критерии. Неудивительно, что едва над разоренными городами и нивами России умолк грохот орудий, как в действие была вновь приведена тяжелая артиллерия идеологии. С той только разницей, что идеологические «катушки» били по собственному народу.

Солдатам, вернувшимся домой, поспешили напомнить: «Хороша-де страна Болгария, но Россия лучше всех!»

Пропагандисты принялись втолковывать дошедшим до Берлина воинам-победителям необходимость повышенной идеологической бдительности: «В период войны десятки миллионов людей проживали на территории, временно захваченной врагом. Миллионы людей были угнаны гитлеровцами в Германию. Много советских военнослужащих находилось в плену. Все эти люди были оторваны от Родины...»

Недоверие вызывают даже коммунисты, вступившие в партию в годы войны, те, которые первыми по зову «Коммунисты, вперед!» — поднимались в атаку. Более трех миллионов солдат, вступивших в партию в годы войны, под огнем немецких гаубиц, оказывается, «не сумели получить необходимой теоретической подготовки» и нуждались в усиленной идеологической терапии.

Сталину, однако, уже казалось недостаточным отгородить Россию от мира и Европы. Ему потребовалось поставить перегородки и внутри собственной страны.

Война 1941—1945 годов, так же как и Отечественная война 1812 года, оста-

вила в народе и его интеллигенции глубокий нравственный след. Равно как освободительная война против наполеоновских захватчиков, поход русских войск в Европу вплоть до Парижа всколыхнул в народе веру в освобождение от крепостного гнета, так и жертвенная победа советских солдат в Великой Отечественной войне породила надежды на лучшую долю. Среди солдат, возвращавшихся в разоренные деревни и истосковавшихся о мирном труде хлебопашцев, ходили упорные слухи о том, что землю раздадут крестьянам, что облегчат налоги, что выдадут на руки паспорта. Энтузиазм, охвативший народ после войны, объяснялся не только естественной гордостью за победу, но и верой в то, что пролитая кровь «защиты», что действительно «жить станет лучше, жить станет веселей», как обещал Сталин.

Вера в лучшую жизнь была для властей обоюдоострой: с одной стороны, она порождала трудовой энтузиазм, с другой — порождала надежды. Вообще всякая вера, кроме веры в собственный гений вождя, представлялась Сталину опасной. А что если надежды не сбываются? При той экономике, которую поставил на ноги Сталин, они и не могли сбыться, ибо она зиждилась на «философии нищеты». При отсутствии материальных стимулов стране нужен был другой допинг. Сталин находит его в старом принципе английской колониальной политики: «разделяй и властвуй».

Война, в которой бок о бок, плечо к плечу, не заглядывая в метрики, сражались русские и грузины, евреи и татары, украинцы и казахи, дала удивительный сплав не хрестоматийного, а реального братства. Пожалуй, никогда еще на протяжении истории многонациональный советский народ не ощущал себя таким без ложного пафоса единым. Межнациональные браки становятся обычным явлением. В школах нет и намека на расовый прищур. Народ не считал и не собирался считать, кто больше пролил крови в войну. Считать и делить начал Сталин. Прошедших через войну солдат генералиссимус делит на тех, кто был в окружении и кто не был, на тех, кто прошел через плен и кого минула эта страшная чаша. Виновыми оказываются и целые нации — крымские татары, чеченцы, ингуши... В массовом порядке депортируются западные украинцы, жители Прибалтики.

Делается и очередная попытка отделить народ от своей интеллигенции и сравнить между собой отдельные группы интеллигентов.

Прокачка износившихся за время войны идеологических тормозов охватывает все сферы жизни. В феврале 1948 года начинается очередная промывка: теперь очередь дошла до музыки. И опять все та же характерная черта идеологической работы: в назидание всему народу публично секут интеллигенцию. На этот раз громят «противников русской реалистической музыки, сторонников упадочной, формалистической музыки». В сущности, с некоторыми музыкальными нюансами идет травля «космополитов». «Среди части советских композиторов», — говорится в Постановлении ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», — еще не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием современной упадочной западноевропейской и американской музыки». Виднейших советских композиторов, создавших в годы войны известные всему миру шедевры симфонической и инструментальной музыки, — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мясковского, Шелалина, Шапорина, Глиэра, Кабалевского, — обвиняют в антинародности, в том, что они «ведут на деле к ликвидации музыки». По уже заведенному ритуалу десятки известных советских композиторов, музыковедов, музыкальных критиков вынуждены пройти «очистительную» процедуру самошельмования. Ритуальное чистилище открывает верховный идеологический жрец Ста-

лина А. Жданов. Вышедший в апреле 1948 года первый номер журнала «Советская музыка» не оставляет сомнения в том, чего, собственно, власть требует от советских композиторов. В качестве высших образцов музыкального творчества в журнале приводятся «нотные приложения» — три лучшие песни о Сталине: «Кантата о Сталине», «Песня о Сталине» и «Величальная И. В. Сталину». Народу предлагалось петь «спокойно, торжественно, мужественно».

*Величаем мы сокола,
Что всех выше летает,
Чья могучая сила
Всех врагов побеждает.
Величаем мы сокола,
Друга лучшего нашего,
Величаем мы Сталина —
Всенародного маршала.*

Что касается других жанров советской музыки, то по этому поводу с замечательной простотой высказался один из «везунчиков» эпохи композитор Мариан Коваль (Сталинская премия за 1943 год):

«...Неверно, что мы не имеем положительных образцов музыкального творчества. Но если бы даже их и не было, у нас есть зато Постановление ЦК ВКП(б)».

Постановление от 10 февраля 1948 года было своего рода увертюрой к новому этапу идеологического выхолащивания культуры. К этому времени под руководством А. Жданова идеологический аппарат достиг желаемой цели — «абсолютной идейной простреливаемости» советского общества.

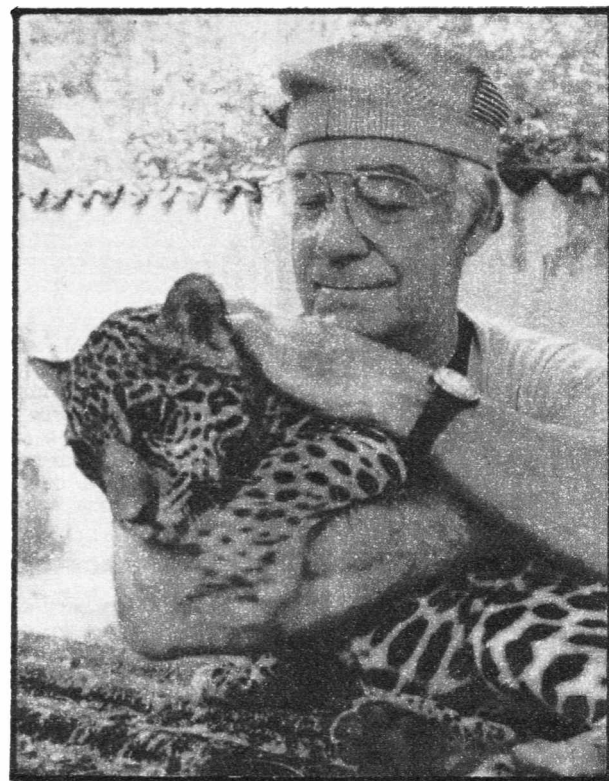
Новый 1949 год открылся травлей «безродных космополитов». Пристрелку повели по театрам и редакциям журналов и газет. Но идеологический фосген быстро разлился и по другим деланкам советской культуры, пригибая к земле не только «безродных», но и «родных».

Огонь открыла «Правда», редактируемая в те годы «дежурным» идеологом Петром Поспеловым. В статье «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» газета жаловалась: «В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последней буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала «Театр» и газеты «Советское искусство». Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма!.. Им чуждо чувство национальной советской гордости».

Жалоба была, естественно, услышана. По творческим союзам тотчас же прокатилась серия сопроводительных «концертов». Исполнение велось по испытанной и хорошо отработанной схеме. Вначале звучало соло высокого творчески-должного лица, потом контрапунктом шли выступления штатных клеймителей, потом робко и униженно звучали свирели кающихся космополитов. Иные просто калялись, другие, памятуя «поэтику» политических процессов 30-х годов, оговаривали себя, признаваясь в желании нанести вред советскому искусству, культуре или науке.

Борьба с космополитизмом чаще всего ассоциируется в нашей памяти с всплесками антисемитизма. Действительно, среди подвергнутых гонениям было немало критиков, писателей, ученых, философов, деятелей культуры еврейской национальности. Одним из наиболее одиозных случаев было шельмование известного советского экономиста академика Евгения Варги. Обвинение академика в антипатриотизме было тем более отвратительно, что многим сотрудникам института, который он возглавлял, было известно, что

СРАВНИТЕЛЬНАЯ



Главный редактор журнала «Нэшнл джиографик» В. Гаррет в экспедиции в Гватемале. 1988 год.

ГЕОГРАФИЯ

Елена БЕСПАЛОВА

В 1888 году, 13 января тридцать три американских любителя географии собрались в вашингтонском клубе «Космос» и учредили Национальное общество США, свободную общественную организацию по распространению географических знаний. Одним из первых председателей стал изобретатель телефона (и не только телефона) Александр Белл. Он любил говорить, что общество призвано удовлетворить «живой и трепетный интерес человека к великому миру, который нас окружает».

Замысел и усилия 33 американских любителей географии не пропали даром. Сейчас Национальное географическое общество США насчитывает почти 11 миллионов членов. Главная цель общества сегодня — образование. Музей географического общества закрыт только один день в году — в рождество. Его орган, журнал «Нэшнл джиографик», начавший выходить в год основания общества, издается теперь тиражом почти 11 миллионов экземпляров и охватывает 40-миллионную читательскую аудиторию.

Славу общества и журнала составляет географическая фотография.

В 1913 году в «Нэшнл джиографик» появились первые цветные иллюстрации. Сейчас это один из лучших иллюстрированных журналов мира. Московская выставка — результат совместной работы общества и вашингтонской художественной галереи Коркоран, отбравшей 270 работ из нескольких сот тысяч, представленных на конкурс; Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, предложившей эту выставку, и Союза художников СССР, открывшего для нее свои залы.

Что такое географическая фотография? Прежде всего это география информативная, своего рода географический репортаж. Во-вторых, это фотография высокого технического качества, только оно может сделать ее полноценным научным документом. В-третьих, это фотография художественная, которая может передать всю красоту мира.

— Каким видится журнал в буду-

щем? — спросила я главного редактора Вилбора Гаррета, 34 года проработавшего здесь.

— Сейчас, когда люди ленятся читать, фотографии должны не иллюстрировать текст, а идти с ним параллельно. Журнал интересен даже не знающим английский язык. Но это не значит, что текст не важен. Наоборот, иллюстрации как бы приглашают прочесть статью, может быть, даже выучив для этого английский язык, ведь на других языках журнал пока не выходит. Мне хотелось бы сделать журнал мобильнее, чтобы наряду с вечными темами он отражал события сегодняшнего дня.

Кари Волински — один из лучших фотографов Соединенных Штатов, его произведения мы постоянно видим на страницах журнала.

— Что вы можете сказать о московской выставке?

— Она не только дает представление о сфере интересов журнала, не только о художественном, но и техническом уровне снимков. Например, только стоимость работы по изготовлению вручную каждого фотоотпечатка с 4 позитивных пленок — около 600 долларов. Хорошая фотография, как и всякое искусство, стоит дорого.

Кстати, одна авторская фотография Кари Волински стоит полторы тысячи долларов.

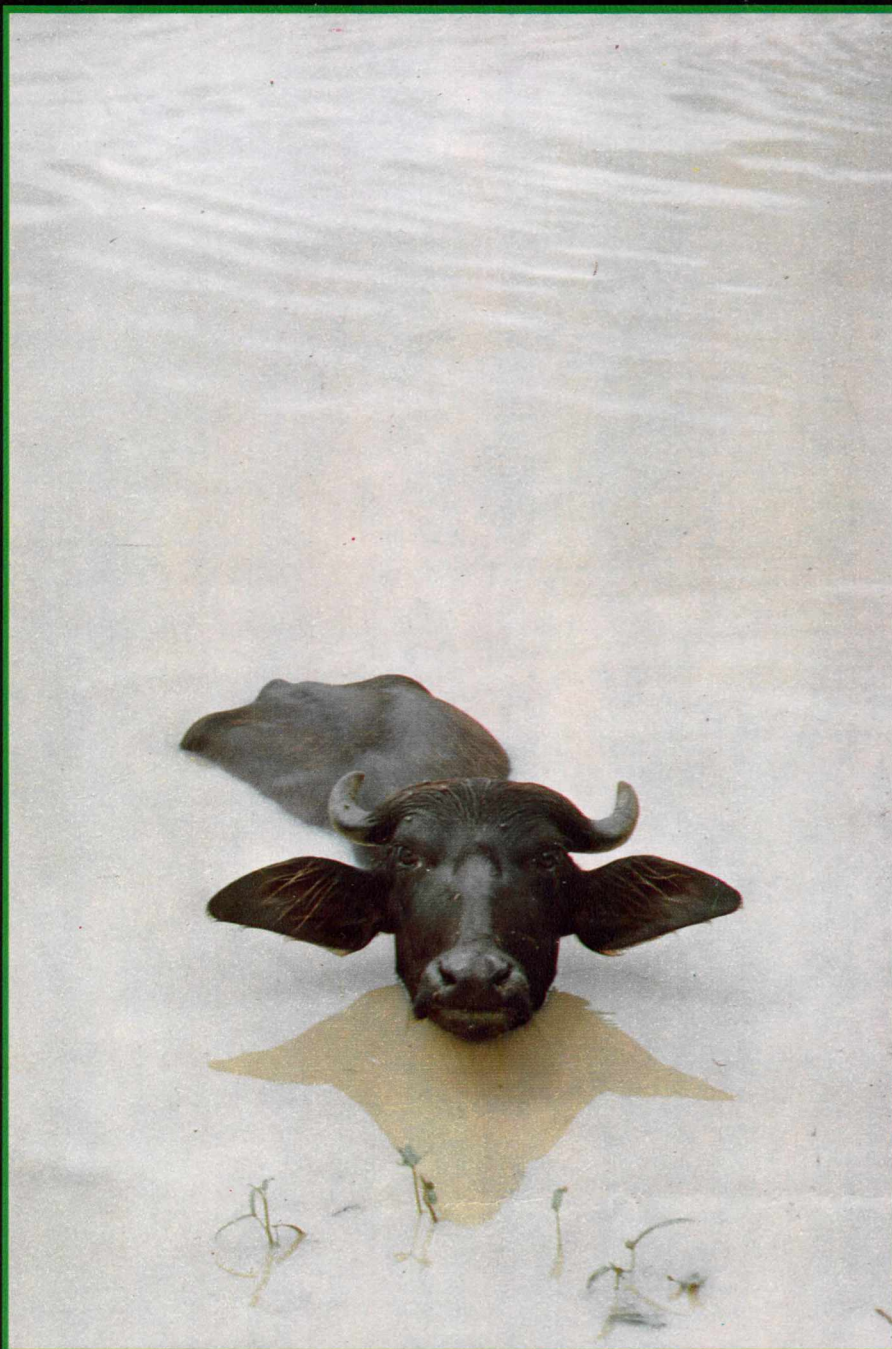
В современном мире фотография стала таким же полноправным искусством, как живопись, графика или скульптура. В этом можно еще раз убедиться, побывав на американской выставке. А также и вспомнить о том, что наше Географическое общество (которое на сорок с лишним лет старше американского), насчитывающее 30 тысяч членов со штатом в 150 сотрудников и мизерным годовым бюджетом в 296 тысяч рублей, не имеет популярного иллюстрированного периодического издания, не выпускает иллюстрированных и общедоступных альбомов, не располагает средствами для организации крупных и широко освещаемых в печати экспедиций...

Не пора ли обратиться к славным традициям времен Крузенштерна, Семенова-Тян-Шанского, Пржевальского, Миклухо-Маклая?..

Продолжение на стр. 9.

16 ЯНВАРЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ХУДОЖНИКА НА КРЫМСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ В МОСКВЕ ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА ФОТОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА США. НА НЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ТАКЖЕ КРАСОЧНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ГЛОБУСЫ, КАРТЫ, АТЛАСЫ, КНИГИ, ВЫПУСКАЕМЫЕ ОБЩЕСТВОМ.

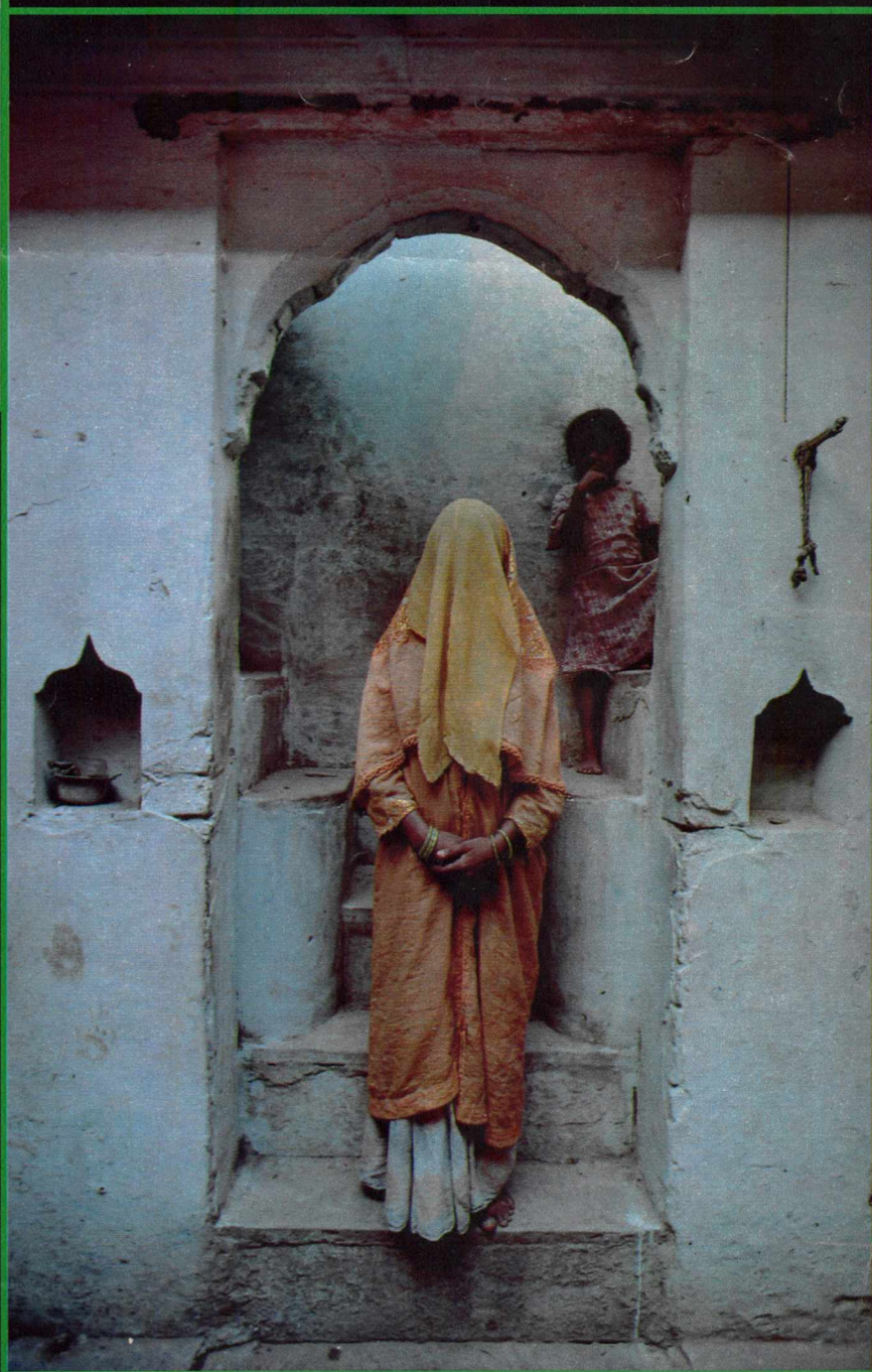
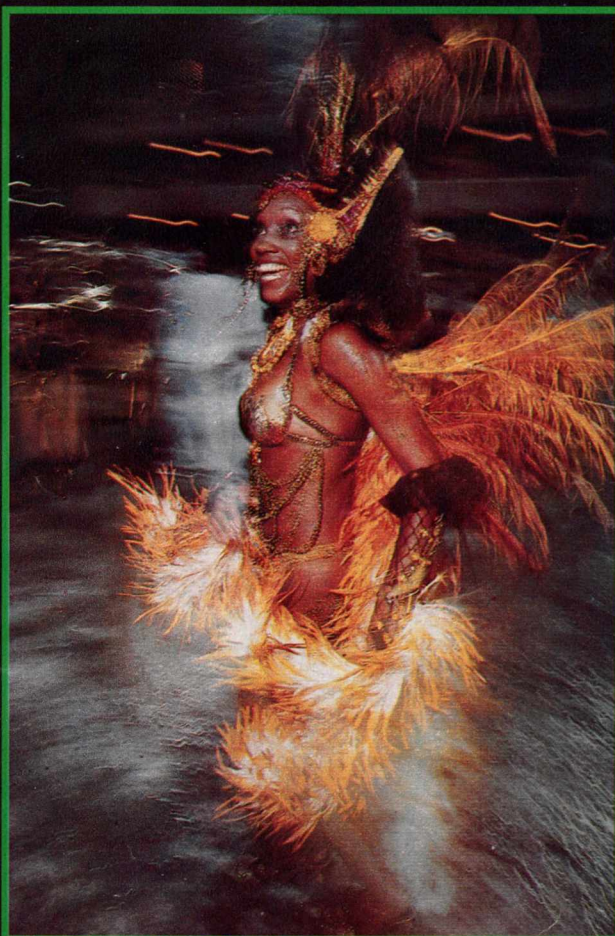
С. АБЕЛЬ. НАТЮРМОРТ НА ФОНЕ КРЕМЛЯ. 1986.



К. ВОЛИНСКИ.
БУИВОЛ,
ПЕРЕПЛЫВАЮЩИЙ
РЕКУ.
(Индия).
1973.

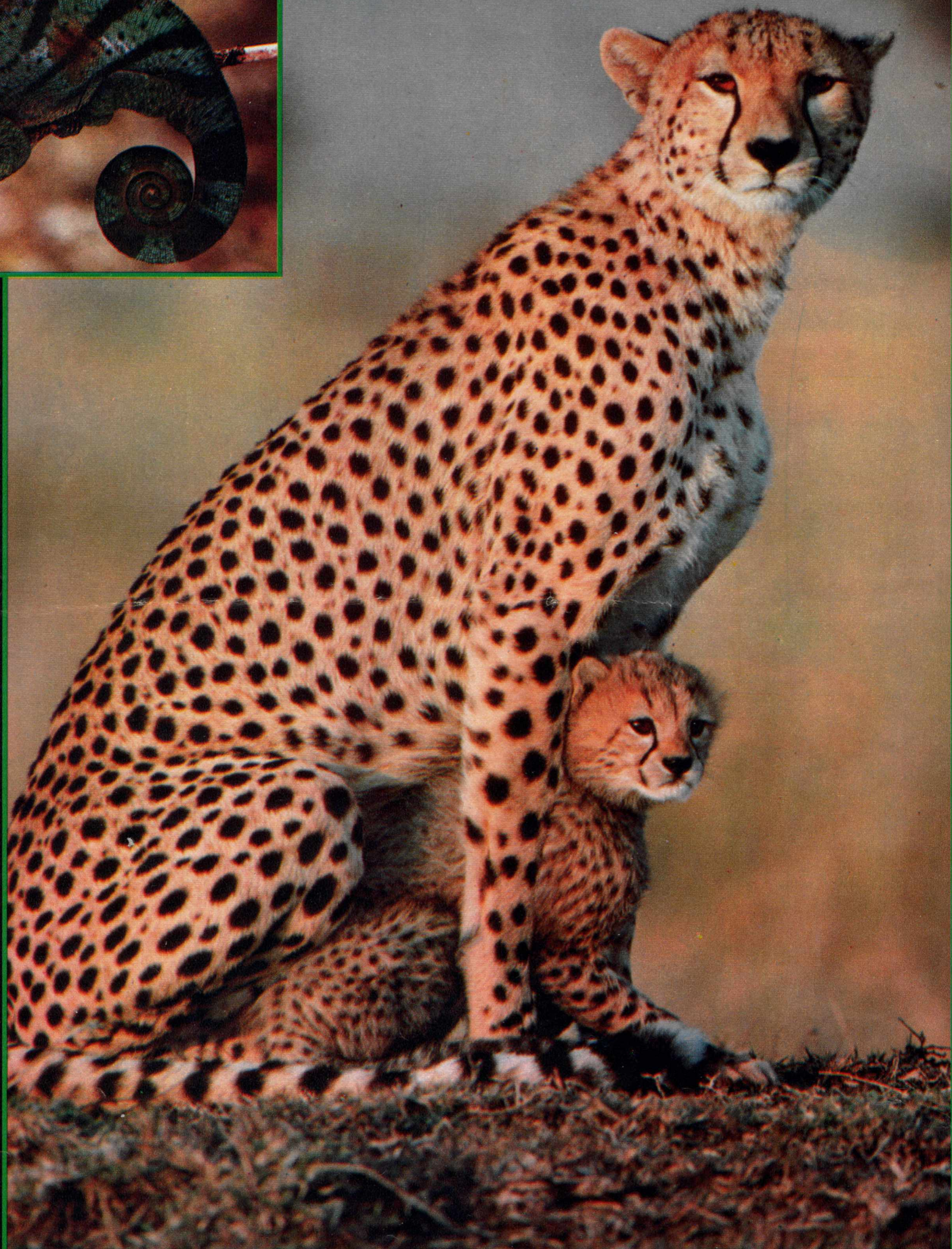
К. ВОЛИНСКИ.
ЖЕНА
КРАСИЛЬЩИКА
НА СТУПЕНЬКАХ
СВОЕГО ДОМА.
(Индия).
1983.

С. МАЗЕ.
КАРНАВАЛ
В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО.
(Бразилия).
1985.





Ф. ЛЭНТИНГ.
ХАМЕЛЕОН.
(Мадагаскар).
1986.



Р. КАПУТО.
ГЕПАРД
С ДЕТЕНЫШЕМ.
(Кения).
1985.

Начало см. на стр. 6.

КОНЦЕРТ для глухой вдовы

единственный сын ученого погиб во время Великой Отечественной войны. Но такова была атмосфера тех лет, что никто из коллег не встал, никто не выразил протеста. Каждый из участников хулиганства знал, что подай он голос, и тотчас же сам попадет в поминальный список антипатриотов. Е. Варга был обвинен в отступлении от марксизма-ленинизма, освобожден от должности директора института, а сам институт был реорганизован.

Была сделана попытка подобраться с сачком космополитизма и к физикам. Начали с обходных маневров, со статей в журнале «Вопросы философии», где ученых клеймили за преклонение перед западной наукой. Однако на собрании в институте, возглавляемом академиком А. Ф. Иоффе, обскуранты получили неожиданный отпор. Академик прямо заявил сидящим в президиуме идеологическим погромщикам: либо физикам будет дано право работать в своих лабораториях, либо лаборатории превратятся в место для митингов. Растерянные аппаратчики, не ожидавшие отпора, поспешили перенести заседание. Больше оно не возобновлялось. Разумеется, большую роль в том, что физикам была выдана «партийная индульгенция», сыграло то, что работы А. Ф. Иоффе были в значительной мере «завязаны» на оборону. А это для идеологов всегда была святая святых.

Между тем и травля академика Е. Варги, и «патриотический» шабаш, устроенный в Академии наук в Ленинграде (из состава Академии были исключены почетные члены из иностранцев — англичанин Дейл, норвежец Брок, американец Мюллер), и идеологические наскоки на А. Ф. Иоффе и П. Л. Капицу, если в этих случаях разобратся без национальных эмоций, показывают, что за кулисами спектакля по борьбе с «безродными космополитами» скрывалось нечто более злое, нежели очередной черносотенный рецидив.

БЫЛ ЛИ СТАЛИН РАСИСТОМ?

Существует расхожее мнение о том, что генералиссимус был отъявленным антисемитом. Характеристика эта вместе с тем нуждается в нюансировке. В семье Сталина антисемитизм специфично не культивировался. В противном случае им были бы заражены и дети. Этого, однако, не случилось. Вспомним, что первой любовью дочери Сталина Светланы был еврей Алексей Каплер, известный советский киносценарист; что первым мужем Светланы был Григорий Морозов, тоже еврей. Вспомним, что и сын генералиссимуса Яков Джугашвили во втором браке был женат на еврейке Юлии Исааковне Мельцер. Будь Сталин проще, носи его национальные антипатии более «животный», примитивный характер, он, думается, нашел бы достаточно веское слово или метод, чтобы воспрепятствовать этим бракам.

Нелишне вспомнить и историю, когда Советский Союз вместе с США при известном сопротивлении Великобритания активно содействовал созданию

Израиля. СССР был одной из первых великих держав, признавших новое государство. Советская и американская дипломатия помогли погасить арабо-израильский конфликт 1948 года в Палестине. И наконец, проблема еврейской иммиграции: когда после официального провозглашения нового государства 14 мая 1948 года из всемирной еврейской диаспоры в Израиль потянулись сотни тысяч будущих жителей (с 1948 по 1966 год в Израиль приехало 1 млн. 200 тыс. человек), из стран Восточной Европы в новое государство выехало более 300 000 лиц еврейской национальности. Нужно ли сомневаться в том, что при том влиянии, которое имел на мировую политику Советский Союз после второй мировой войны, в том числе и на «ближневосточную политику», Сталину было достаточно сказать одно короткое «нет», чтобы решение израильского вопроса, в том числе и вопроса о выезде евреев из стран Восточной Европы, было отложено на годы.

Когда начинаешь анализировать бесконечную череду злодеяний Сталина с точки зрения демографической и национальной, приходишь к мысли о том, что Сталин антисемитом был не больше, чем он был, например, антиатаром, антикалмыком, антигрузином, антиприбалтом или антиславянином. В сущности, весь советский народ независимо от национальной принадлежности и вероисповедания был для Сталина лишь оглушенной и ослепленной массой, которую он «прогревал» в нужные ему моменты до критической температуры. Показательны в этой связи слова генерала де Голля, которые он записал в своих мемуарах уже после смерти тирана: «...Революция, партия государство, война — все это было для него лишь средством власти. И он достиг ее, используя в полную меру собственное толкование марксизма и тоталитарный нажим...»

Преувеличивать личный антисемитизм Сталина значило бы вольно или невольно способствовать распространению воззрения о том, что в трагедиях всех без исключения народов СССР виновата «паранойя» вождя, с манией преследования, с чрезмерной гордыней, с антисемитизмом и так далее. Это значило бы за одним грехом не видеть того главного, что вызывало повторяющиеся на протяжении всех лет сталинизма идеологические судороги, из которых борьба с космополитами была лишь одной из серии. Это значило бы в конечном счете упрощать Сталина и соответственно обрекать преодоление сталинизма на облегченный путь осуждения частностей. За всеми всплесками «патриотизма» и антисемитизма, за всеми приступами ксенофобии (после войны в СССР были запрещены браки с иностранцами), у Сталина всегда и во всем стояла капитальная политическая идея. Идеей этой была власть. Власть, полученная не от народа, власть узурпированная, следовательно, защищенная не демократией, а насильем, требовала от вождя и его окружения постоянной бдительности, постоянного поиска врагов. В этом суть всех без исключения трагедий послесталинского периода.

Обыватель видел и видит в шельмовании академика Варги, театральных критиков один из эпизодов «еврейского погрома». Но историк обновляющейся России (а перестройка всех нас сделала историками) не может не усмотреть в кампании борьбы с космополитизмом более широкого явления — погрома идеологического. Е. Варгу громили не за метрики, а за то, что он, ортодоксальный марксист, свято веривший в догму абсолютного и относительно-го обнищания рабочего класса при капитализме, наблюдая экономическую эволюцию в мире, после второй мировой войны, пришел к выводу, что система капитализма способна приспособляться к изменяющимся условиям и противостоять кризисам. Сталин мог закрыть глаза на «международные браки» своих детей. Политик Сталин не мог простить экономисту Варге того, что не прощал ни русским, ни грузинским, ни еврейским ученым: посягательства на мифы, которые лежали в основе его власти.

Академика Леона Абгаровича Орбели невозможно было уличить в том, что он еврей, однако в 1950 году его, ближайшего сподвижника И. П. Павлова, в разгар кампании борьбы с космополитизмом обвинили в том, что он протаскивает в девственно-чистую советскую науку вредные бациллы «менделизма-морганизма». В период 1948—1950 годов отступниками и антипатриотами были объявлены почти все крупнейшие ученые — биологи и физиологи, невзирая на лица и фамилии: академики А. Жебрарак, П. Жуковский, И. Шмальгаузен, Л. Орбели, А. Сперанский... Враждебной патристическому павловскому учению об условных рефлексах была объявлена школа грузинского физиолога академика И. Бериташвили.

Рассыпанные в позднейших мемуарах свидетельства об антисемитском червячке, точившем Сталина, и даже ссылки на документы (как, например, у К. Симонова), не так уж много проясняют. Сталин и его эпоха оставили после себя так много преступных документов и злодеяний, что в общем потоке крови советских людей едва ли можно (да и едва ли этично считается) трагической этой кровью разглядеть кровавые ручьи тех или иных народов. Сталину нужно предьявлять общий счет за преступление против человечности, а не разрозненные национальные фактуры.

Жупел космополитизма в его руках был таким же политическим оружием, как в более ранние времена троцкизм, левый и правый уклон или «рабочая оппозиция». В своем личном окружении Сталин мог быть весьма терпимым к евреям, выделяя и приближая людей в зависимости не от национальности, а от той утилитарной пользы, которую он мог из них извлечь. В течение долгого времени ближайшим соратником Сталина и членом Политбюро был Лазарь Каганович; виднейшим идеологом периода сталинизма, внесшим заметный вклад в сталинскую школу фальсификации истории был академик Исаак Израилевич Минц (Госпремии СССР за 1943 и 1946 годы). Многие годы сталинской внешней политики ведал блестящий советский дипломат Макс Валлах, более известный истории под именем Максима Максимовича Литвинова. Среди любимых кинорежиссеров генералиссимуса (а Сталин очень любил и ценил кинематограф) было много евреев. На первый взгляд, убедительно звучит утверждение, что политический террор Сталина был направлен прежде всего против евреев: Троцкого, Зиновьева, Каменева (левая оппозиция). Но, с другой стороны, так называемая «правая оппозиция», с которой Сталин расправился с не меньшей свирепостью, сплошь состояла из русских: Бухарин, Рыков, Томский.

КАННИБАЛЫ XX ВЕКА

Разгул антисемитизма в литературно-критических кругах повлек многочис-

ленные аресты, увольнения и, разумеется, бесчисленные «проработки». На этом фоне совершеннейшим алогизмом прозвучало удивившее тогда многих сообщение о том, что Сталинская премия за этот же 1949 год присуждена еврею Эммануилу Казакевичу за роман «Весна на Одере», причем по инициативе самого Сталина. Характерно, что присуждение премии за 1949 год проходило задним числом — в марте 1950 года. Не исключено, что этот «ход конем» генералиссимуса был попыткой обелить себя и отмежеваться от кампании, которая вызвала весьма неблагоприятный для Советского Союза резонанс за границей. У западноевропейской интеллигенции возникали самые малопочтенные аналогии и с только что поверженной идеологией фашизма, и с тем, что в этом же 1949 году творилось в США.

В Америке тоже громили космополитов. Только за океаном «охота на ведьм» имела не столько национальный, сколько политический привкус — охота велась на «левых», на либералов. Смыкались в одном: и в Москве, и в Нью-Йорке «отстреливали» прежде всего интеллигенцию. Идеология была разной, а свечи гасили одни. В московских газетах громили литераторов, чьи метрики обнаруживали изъяны по «пятому пункту», а в Голливуде свирепствовала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, выискивая сценаристов и режиссеров, вздумавших показать русских «с человеческим лицом». Травле подверглись и американские ученые. По оценкам газеты «Нью-Йорк таймс», от 20 до 50 тысяч американских исследователей и инженеров были отстранены от научной деятельности. Среди них было значительное число ученых еврейской национальности, бежавших из нацистской Германии. Известный американский ученый Артур Комптон (теоретик в области электромагнетизма, «эффект Комптона») писал по этому поводу: «Значительное число наших лучших ученых покинули нацистскую Германию, поскольку наука там не была свободной. Я спрашиваю теперь, не повторяется ли эта ситуация в Америке?»

Гонениям подвергалась и часть дипломатического корпуса США, в частности, те дипломаты, которые во время войны поддерживали контакты с Советской Россией. В шпионаже в пользу СССР был обвинен даже бывший советник президента Рузвельта, один из организаторов Ялтинской конференции Алджер Хисс. В Москве кампанией борьбы с космополитами дирижировал генералиссимус Иосиф Сталин. В Америке «охоту на ведьм» раздувал сенатор Джозеф Маккарти. Общими были не только имена. Сталинизм и маккартизм роднят не только суффиксы. У них единая суть: мракобесие, рядящееся в одежды идеального пуританизма; у них общая ненависть — интеллигенция и разум; у них общее оружие — ложь, запугивание, террор. И для того, и для другой идеологии — не сумма воззрений, а адская сковорода, которую они раскаляют, чтобы «поджаривать» своих противников.

В первые годы своего диктаторства, когда Сталина никто еще не воспринимал как «гения всех времен и народов», Иосиф Виссарионович проявлял трогательную заботу о своем международном «ренеме». Волны расовой ненависти в ту пору исходили прежде всего от Германии. Мировая интеллигенция еще смотрела на Россию, как на оплот демократии и гуманизма. В январе 1931 года Еврейское телеграфное агентство из Америки обратилось к Сталину с вопросом о его отношении к антисемитизму. Сталин ответил в свойственной ему немногословной манере: «Национальный и расовый шовинизм есть пережиток чуждоэкономистических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма. Антисемитизм выгоден эксплуататорам,

...тельная речь тов. А. А. Жданова
...совещании деятелей советской
...музыки в ЦК ВКП(б)

...риции. Центральный Комитет пар-
...ешили собрать совещание деятелей
...етской музыки по следующему
...оду. Центральный Комитет при-
...ал участие в общественном просмотре
...новой оперы тов. Мурадела «Великая
...дружба». Вы, конечно, представляете,
...с каким вниманием и интересом Цен-
...тральный Комитет после «выше-
...факту появления перерыва опера
...оперы. К сожалению, Комитет
...удачи.

Об одной антипатриотической группе
театральных критиков

«Великая дружба» В. Мурадела
...ице ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Муз. М. ВАНТЕРА

Стихи А. СУРКОВА

Торжественно, не торопясь

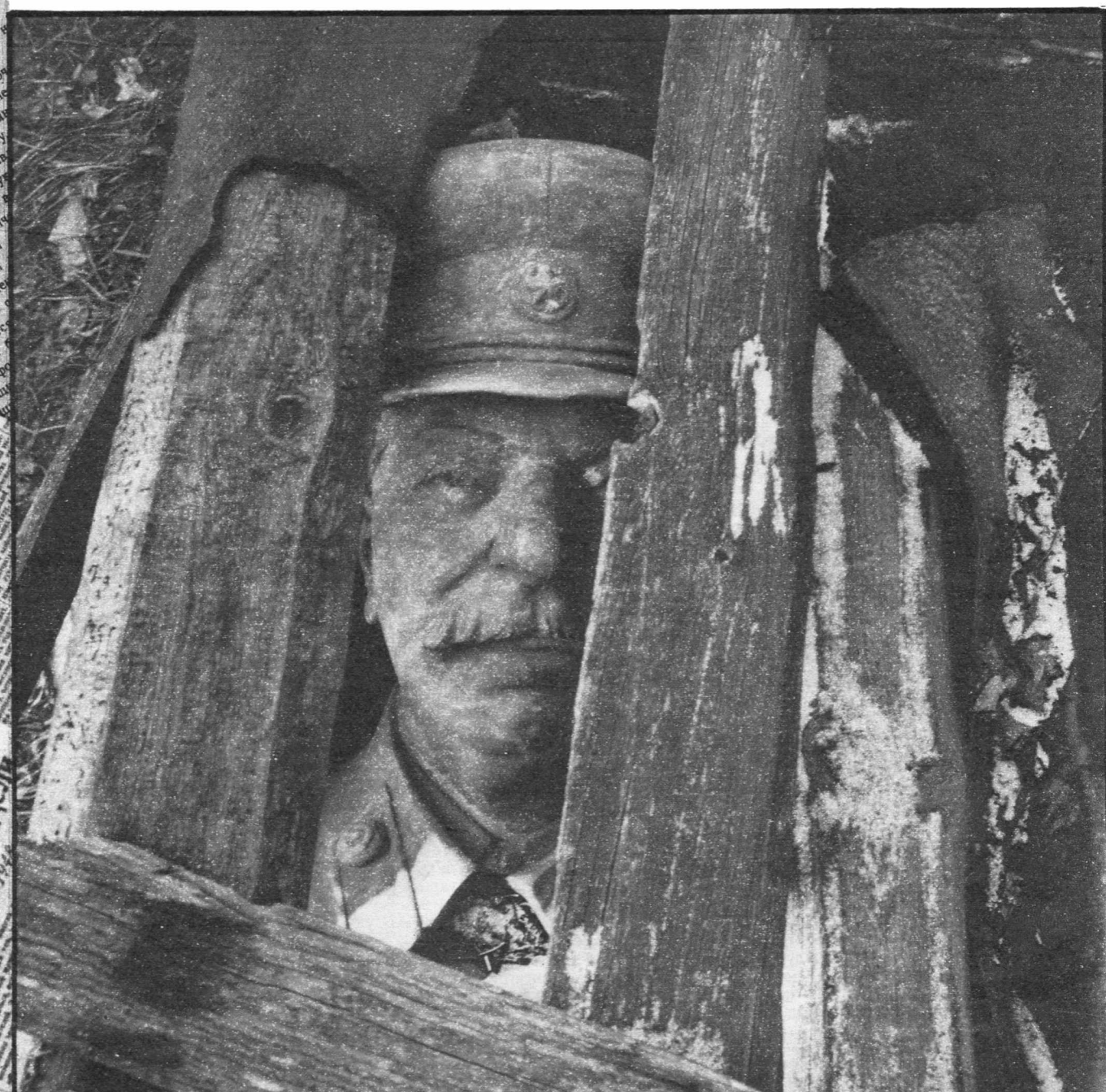


Фото Валентина ЮРАЙТИСА

как громоотвод, выводящий капита-
лизм из-под удара трудящихся».
Громоотвод нужен был и самому Ста-
лину и его наследникам.
Возрождение после непродолжитель-
ной оттепели неосталинизма, потребо-
вало новых, усиленных доз идеологи-
ческого допинга.

«ОТЫКВЛЕНИЕ» РАЗУМА

Несколько лет назад довелось мне
побывать на любопытном концерте
авангардной музыки. Концерт давался
на окраине Парижа в новом культурном
центре, построенном на месте бывших
скотобоен. И действительно, вокруг все
напоминало о старом, совсем не аван-
гардном Париже — низенькие дома,
узенькие улочки, крохотные «народ-
ные» ресторанчики, сохранившие в на-
званиях аромат той эпохи, когда опто-
вая мясная торговля еще не была выве-
дена за пределы столицы, — «Бычья го-
лова», «Баранья котлета», «Антрекот»...

Помню, мы вышли с товарищем после
концерта с ощущением, что присутство-
вали при разъятии огромной бычьей
туши: вероятно, ухо наше, с детских лет
приученное к гармониям Петра Ильича
Чайковского, было плохо приспособле-
но к жестким диссонансам Шенберга
и Штокхаузена. Но самое большое впе-
чатление на нас произвел «Концерт
для глухой вдовы». Во время исполне-

ния не было издано ни единого звука.
Вздыхали смычки, вдохновенно бега-
ли по клавишам рояля пальцы, надува-
ла щеки группа тромбонов, металась
фалды дирижерского фрака, но в боль-
шом зале царил глухая тишина.

«Концерт для глухой вдовы» воспо-
нился мне на днях, когда по требова-
нию студентов и деканата факультета
журналистики МГУ с университетской
стены была снята и отправлена на веч-
ный покой мраморная мемориальная
доска с выведенным золотыми буква-
ми именем Михаила Суслова — верхов-
ного идеологического жреца времен за-
стоя. Подумалось, что, по сути дела,
вся идеологическая работа в застойный
период Брежнева — Черненко была
«концертом для глухой вдовы», в кото-
ром раздутый до гигантских размеров
идеологический оркестр исполнял одну
патриотическую партитуру за другой,
а народ, оглушенный непрерывными
проработками и указаниями, глухо
и презрительно молчал. В сущности, он
был низведен до уровня «глухой вдо-
вы», с апатией и бессилием взиравшей
на то, как дирижеры идеологического
оркестра ставят на пюпитр все новые
и новые опусы.

Опусам этим несть конца. Только
в сборнике документов «Об идеологи-
ческой работе КПСС», охватывающем
скромный срок нашей истории в десять
лет, можно насчитать около 70 разного
рода идеологических постановлений «о
порядке...», «об устранении...», «о мерах

по...», «об улучшении...». Большинству
из них, конечно, далеко до ждановско-
го шедевра 1946 года, ошельмовавшего
А. Ахматову и М. Зощенко, — этой «9-й
симфонии» идеологии. В сравнении
с ним все более поздние творения вы-
глядят камерными, почти интимными
пьесами для одного какого-нибудь ин-
струмента — для кино, для музыки, для
критики, для философии, для науки...

Интеллектуальная пустота этих идей-
ных наставлений может соперничать
лишь с моральным падением тех, кто их
вдохновлял. Народ укрывался от этого
подавляющего волю «охвата» един-
ственно возможным способом: открово-
венно игнорируя постановление 1972
года «О мерах по усилению борьбы про-
тив пьянства и алкоголизма».

И чем меньше мы верили нашим
идейным жрецам, тем настойчивее они
убеждали нас, что они и мы «самые-
самые», что «зато мы делаем ракеты»,
что в рассуждении балета «мы впереди
планеты всей». Чем ниже опускалась
страна в бездну безнравственности,
всепроницающего холуйства и воров-
ства, тем щедрее был дождь золотых
звезд, тем сильнее хотелось, чтобы нас
любила и ценила за граница (раз уж мы
устали любить сами себя). И вот уже
после каждого «эпохального» заявления
или очередной «мирной инициативы»
журналисты, расквартированные за
границей, получали тонкие намеки, что
нужно «дать отклик», изобразить вос-

торг, рапортовать о мгновенном и широком одобрении мировой общественностью «важной, исторической инициативы». Удивительный парадокс: борьба с космополитизмом, оплевывание за границы превратилось в свою противоположность — в заискивание перед иностранцем в самом дурном «интуристовском» вкусе. Ну как не воздать «похвалу глупости», которая не устает преподносить нам все новые и новые сюрпризы!

В «Беседах о том, что есть сын отечества» великий Александр Радищев писал: «Имя сын Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту или другому бессловесному животному».

Всякий раз, когда власть придерживающиеся начинали ощущать опасность своим привилегиям, они вели атаку на разум, на просвещение, стремясь низвести человека до состояния бессловесного существа. Борьба с космополитизмом была лишь одной из разновидностей борьбы с разумом. Сталинские и ждановские идеологические садовники не избрели ничего нового: они действовали по принципу, описанному в сатире Сенеки на смерть императора Клавдия «Отыквление», стремясь превратить вместилище разума в сосуд для семечек.

Есть два способа удерживать контроль над народом. О терроре мы уже слышали много. Но террор для власти — оружие обоюдоострое. Опыт террора в России свидетельствует о том, что он рано или поздно оборачивает свое жало против самих же властителей и террористов. И в этом смысле брежневское и сусловское «отыкление» разума, хотя оно и не приносило столь скорых плодов, но зато было безопаснее. Борьба с космополитами, как с людьми «подключенными» не только к национальной культуре, но и к мировым потокам мысли, была таким образом одним из методов самосохранения деспотической власти, понимавшей, что самый могущественный враг тирании есть разум. Когда Екатерина II во время Французской революции требовала от русского посла во Франции Смолкина, чтобы тот ускорил выезд русских из Парижа, его владел панический страх, что идеалы революции вселятся в умы русских космополитов и доберутся до России. Стремление Сталина уничтожить после войны «перемещенных лиц», его подозрительность к военнопленным, гонения на русских эмигрантов, вернувшихся после войны из патристических соображений в Россию, — все это продиктовано тем же страхом перед мировым опытом и мировым разумом.

Кстати, ждановские идеологи извратили и само понятие «космополит», на-

сытив его ядом ненависти. Вместе с тем и в европейской, и в русской классической традиции под космополитизмом подразумевалось совсем иное: приверженность идеям всемирного братства и разума. Космополитами были Эразм Роттердамский, французские философы-просветители, Гейне, Гете, Чаадаев, Герцен, Карамзин... Российский «патриот» Николай I не пускал за границу Пушкина, бывшего по универсальности своего духа европейцем и страдавшего от навязанного ему патристического домоседства. Владимир Ленский, один из самых поэтичных героев Пушкина, — характерный представитель русской космополитической молодежи середины XIX века — «с душою премо геттингенской».

*Он из Германии туманной
Привез учености плоды,
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.*

В романе Ромена Роллана «Жан Кристоф» под космополитами имеется в виду интернациональное общество, собиравшееся в Париже. Русские революционеры, подолгу жившие в эмиграции и вращавшиеся в интернациональной среде, были, в сущности, космополитами. В представлении левой западноевропейской интеллигенции понятия «космополит» и «социалист» фактически идентичны. Известный английский писатель Герберт Уэллс во время беседы со Сталиным 23 июня 1934 года говорит: «Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма...»

В истории России были периоды, когда умная власть широко пользовалась мировым опытом разума и культуры для блага и усиления отечества. Традиции космополитизма заложил Петр I своим «Великим посольством». Можно спорить относительно методов, которыми Петр I насаждал в России космополитизм, но свет и разум, который лился в Россию через прорубленное Петром «окно в Европу», может вызывать страх лишь у самых непримиримых поборников «национального отыквления».

Замечательным свидетельством культурного и духовного единения России и Европы являются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Известные советские историки культуры Ю. М. Лотман и Б. Успенский писали о том, что после Петра русский путешественник перестал быть «любопытным скифом» в чуждом ему мире цивилизации. Многочисленные «русские путешественники» обнаруживают, что «Европа не была ни спасением, ни

гибелью России, она не отождествлялась ни с Разумом, ни с Модой, ни с идеалами, ни с развратом, она стала обыкновенной, понятной, своей, а не чужой». Вся концепция взаимосвязей России и Европы у Карамзина вытекает из веры в единство путей развития человечества.

Напрасно пугают нас сторонники сидения в русских теремах опасностью размывания национальной культуры. Замыкание в узких рамках национальной культуры не ведет не к укреплению, а к оскудению культуры, и в конечном счете к ее унижению. Петр Чаадаев имел основания острить по поводу манеры К. Аксакова одеваться до того по-русски, что на улице его принимали за персиянина. Исследования последних лет, проведенные ЮНЕСКО по национальной самобытности, указывают на то, что взаимное обогащение культур служит не оскудению, а развитию национальной культуры и сознания. На это же обстоятельство ранее указывали крупнейшие русские мыслители: Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Н. Федотов, В. Вернадский. Один из героев Ф. Достоевского, через которого писатель высказывает многие свои мысли, Версилов, говорит: «Русский... получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец... Я во Франции — француз, с немцами — немец, с древним греком — грек и, тем самым, наиболее русский. Тем самым я — настоящий русский и наиболее слугу для России...»

Зря пугают нас и выпущенные в эпоху идеологического оскотления справочники, что, дескать, «космополитизм является оборотной стороной агрессивного буржуазного национализма и враждебной противоположностью пролетарского интернационализма». Шельмованию человека, слов и идей наступает конец. Мракобесие еще таится в складках наших старых одежд. Еще цел оркестр, оглушавший нас на протяжении десятилетий «концертами для глухой вдовы». Сыскались бы и солисты... «Вечная память и слава Верховному Главнокомандующему великой армии труда! Простите, товарищ Сталин, что допустили сегодняшнее. Уверены, что правда истории восторжествует...» — записала в книге отзывов Нина Андреева, совершившая недавно паломничество в музей Сталина в Гори.

К счастью, в обновляющейся России растут новые силы. Размышления М. С. Горбачева с трибуны ООН о «верховенстве общечеловеческой идеи», о нелепости «закрытых обществ», о многовариантности общественного развития возрождают традиции русского Просвещения. На смену идеологии разобщения идет философия единства.



В УЧЕНОМ РАЖЕ

Так уж повелось, что читатель обычно с доверием относится к мнению ученых, полагая, что уж они-то все знают, а потому и судят обо всем верно и справедливо. Увы, субъективность и чрезмерный максимализм не обходят порой научные работы, даже юристов, даже вышедшие из стен почтенного Ленинградского университета.

Два сотрудника ЛГУ — Д. М. Чечот и Д. А. Шестаков в недавно выпущенной книжке «Социальное зло — алкоголизм. Семья и право» (Л., Изд. ЛГУ, 1988) всерез доказывают необходимость принудительной стерилизации пьяниц и алкоголиков.

Помнится, именно так решали проблему «неполноценного» населения фашисты.

Дабы убедить читателя, авторы приводят в пример массовую стерилизацию в Индии, которая проводилась с большим размахом в 70-х годах. Пока не взяли верх противники такого способа борьбы с нехваткой продовольствия, способности к производству лишних ртов лишились ни много ни мало — 15 миллионов человек.

Ученые из Ленинграда пока не предлагают решать подобным методом нашу продовольственную проблему. Но они полагают, что он очень и очень подходит для оздоровления советского народа, для того чтобы у несчастных деток не было пьяниц-родителей. Просто такие детки вовсе не появятся на свет.

Русские университеты (да и не только русские) всегда славилась гуманизмом. А тут, на пороге двадцатого века, под сводами одной из самых надежных обителей русской культуры раздались подобные речи. Наверное, барельефы Платона, Вольтера, Гегеля, Ковалевского на стенах старой «альма-матер» злорадно пожалеют, что нет у них рук, чтобы заткнуть свои уши.

Спрашивается, почему лишать потомства во имя оздоровления нации только пьяниц и алкоголиков? А их примерно 20—30 миллионов человек. Заодно уж шизофреников, диабетиков, чахоточных и других несчастных, подцепивших хворобу, предрасположенность к которой, по мнению специалистов, может передаваться по наследству. Да заодно и диссидентов (уж не знаю — сколько тысяч или миллионов злобных субъектов), поскольку известно, что яблоко от яблони далеко не падает.

«Если наш закон, — утверждают авторы, — допускает ограничение способности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками и наркотическими веществами... почему не предусмотреть и возможность ограничения «детоспособности» пьяниц и алкоголиков?»

У меня нет оснований сомневаться в искренности усердия авторов в столь важной кампании, как оздоровление образа жизни.

Но, товарищи дорогие, не путем же откровенной селекции!

Л. Д. МИРОШНИЧЕНКО,
нарколог
Москва

Недолгая память. (Этот снимок сделан 23 января 1989 года во Дворце спорта «Крылья Советов» на встрече читателей с редакциями «Молодая гвардия», «Москва», «Роман-газета».)



РАНЫ И ПОДОРОЖНИК



Олег ШЕСТИНСКИЙ

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ 30-Х

Всесоюзная перепись, всесоюзная перепись
во всеобщее благо, если вы ей
доверитесь...

Моя бабушка — тоже подлежит этой переписи,
но не может она
отказаться от «ереси».

Переписчик вливается в бабушку строго,
ибо хочет она начертать:
«Верю в Бога».

Переписчик, еще не обретший сноровки,
он не может свое навязать ей
решенье,
вера бабушки бьет по его
«процентровке»...
— Черт возьми — Днепрогэс
и Обожествление!

Но старуха согласна на любую потерю,
на любую потерю без дна и без меры,
только лишь не согласна остаться без веры,
и она повторяет высокое:
— Верю...

Не слыхала старуха об Аввакуме,
но она прожила свою жизнь без обмана,
но она укрепилась в единственной думе,
в той, что жизнь на земле
и ее —
богоданна.

Не была она духом трусливой и нищей,
и какая бы ей ни представилась доля,—
ради Бога
взошла бы она на кострище,
в муках чистую душу свою
не неволя.

Переписчик талдычит, что религия — опиум,
что доказано и наукой, и опытом.

Переписчик уходит по лестнице каменной,
недовольный старухой
с ее верою пламенной,
и в беседе с товарищем
среднеответственным,—
что прослыл знатоком по работе
с подследственным,—

сетует:
— Не достиг 100-процентной безбожности...
Ухмыляется тот:
— Уясним твои сложности...

Интернат блокадный,
интернат блокадный,
дети-сироты...
А уже где-то ямы,
а уже где-то ямы
на кладбищенском поле вырыты.

А уже подступает,
а уже подступает
отчаянье...
И директор свой персонал собирает
на совещание:
воспитательницы, повариха,
завхоз,—
божьей милостью,
что печется о топливе и всерьез
борется с вшивостью.

Говорит директор:
— Так и так
получается...

Говорит директор:
— Так и так...
Хлеб кончается...
Предлагаю урезать
сиротам врагов
выдачу сахара и жиров,
сиротам врагов народа...
Этим поможем
сиротам бойцов...
Классовая забота!

Воспитательницы, повариха,
завхоз,
божьей милостью,—
что печется о топливе и всерьез
борется с вшивостью,
сказали:
— Пал Палыч,
мы не в обиде,
но вы уходите,
от нас уходите...
А мы с сиротами войну доживем
или вместе с ними умрем...

Друг дома, генерал Звоницкий,
катал мальчишку на «линкольне».
Такое может ли забыться?
И не было меня довольней
меж сверстников...

Но по навету
объявлен генерал шпионом
американским ли, английским...
Он исчезает, обреченным.
Но палачи идут по следу,
жизнь переламаывая близким.
Жена и сын в сыром подвале,
где стол да стул, да два матраца,
отныне робко проживали,
им было некуда податься.
И расползлись, как тараканы,
все те, кто с шуткой-прибауткой
в их доме наполнял стаканы,
разделяясь с жирной уткой.
А мать моя собралась в гости.

Сказали ей соседи:
— Бросьте!
У вас ведь муж и мальчик в школе...
Но мать моя собралась в гости,
путь матери лежал по полю
по минному, по личной доле.
Пошла в семью врага народа,
неся в кошелке сыр и масло,
в ее душе светилось что-то,
светилось что-то и не гасло.
И мать моя в сыром подвале
сидела с бедной генеральшей,
и обе женщины вздыхали,
не ведая, что ждет их дальше...

А женщина, с седой прядкой,
вдова большого генерала,
цветы за маминной оградкой
до самой смерти поливала.

Зима. Вокзал провинциальный.
Зал ожидания. Воздух спертый.
Храп исторгает музыкальный
мужик, на лавке распростертый.

А рядом, присолив яичко,
из бака воду цедит в кружку
бабенка и легко, как спичку,
сдавлив в кулак, ломает сушку.

И на узлах, как на барашках,
двойняшки спят, как ангелочки;
телеграфисточка в кудряшках
стучит-долбит: тире и точки...

А на плацу, где снег обильный,
очерчен четырехугольник,
друг к дружке жметесь пересыльный
люди, кто в отрепье,—
кто в нагольных...

И леденя час от часу,
как будто бы уже навеки,
в одну спрессованную массу
сбиваются от стужи зеки.

Скуласто-смуглы конвоиры,
едва владеют русской речью,
готовы пробуравить дыры,
покорность требуя овечью.

Из тишины лабораторий,
студенческих кружков, из плена
войны
их выпросталось горе,
но это уж другая тема.

И кажется — не жить достойней,
лишаясь их духовной чистки,
и мне, и храпуну, и двойне,
и девочке-телеграфистке...



Майя БОРИСОВА

Что многих благ подороже
нынче?
Журнал и экран —
лечащий лист-подорожник,
гниль выводящий из ран.

Но распоследнее дело
раны опять и опять,
как на войне — самострелу,
ржавым гвоздем ковырять.

Бесцеремонный толстый дождь
струями в землю упирался,

переставать не собирався,
существовал везде и сплошь.

Он электричество гасил,
он впитывался в одеянья,
ему на эти злодеянья
хватало пороку и сил.

Он тихим дачам бил в корму,
топил влюбленности и братства:
через потоки перебраться
не смел никто и ни к кому.

Он трое суток шел и шел,
никак с дежурства не сменялся.
А лес
во всю листву смеялся,
кряхтел и ахал:
— Хорошо...

Нужна небесная вода
деревьям для мытья и стирки.
А наши пошлые придирки
к дождю
такая ерунда!

Завспоминали все и вдруг
в родимой стороне.
Но знаете,
из грязных рук
и хлеб не нужен мне.

По части фактов и молвы
все вроде бы точь-в-точь...
А мне брезгливости — увя! —
никак не превозмочь.



Маятник на стене метался, как птица в клетке, чующая на себе пристальный кошачий глаз. Софья спала. Это длилось, может быть, час, может быть, только от одного маятника до другого. Когда она подняла голову, перед нею, вросши ногами в землю, стоял Трофим Иванович.

Ему было тесно, он расстегнул воротник у рубахи. «Где она?» — сказал он, нагибаясь к Софье. Пахнуло вином, от его тела шел тугой, напряженный жар. «Где Ганька?» — переспросил он. — «Да, где она теперь?» — подумала Софья и ответила вслух: «Не знаю». — «Ага... Не знаешь?» — криво, медленно сказал Трофим Иванович, совсем близко Софья увидела его глаза, они были оскалены, как зубы. Он никогда ее не бил, а сейчас показалось: вот ударит. Но он только посмотрел на Софью и отвернулся — если б ударил, может, было бы легче.

Сели обедать. Софья была одна, она чувствовала: Трофим Иванович ее не видит, видит не ее. Он хлебнул щей и остановился, крепко зажав ложку в кулаке. Вдруг громко задышал и стукнул кулаком в стол, из ложки выкинуло капусту к нему на колени. Он подобрал ее и не знал, куда девать, скатерть была чистая, он смешно, растерянно держал капусту в руке, был как маленький — как тот цыганенок, которого Софья видела тогда в пустом доме. Ей стало тепло от жалости, она подставила Трофиму Ивановичу свою, уже пустую тарелку. Он, не глядя, сбросил туда капусту и встал.

Когда вернулся, в руке у него была бутылка мадеры. Софья поняла, что это было куплено для той, сердце у нее сразу же зазябло, она опять сидела одна. Трофим Иванович наливал и пил.

После обеда он молча придвинул к себе лампу и взял газету, но Софья видела, что он читал все одну и ту же строчку. Она видела, как газета вздрогнула: в сенях заскрипели половицы... Нет: это не к ним, это наверх. Опять стало тихо, только, как птица, метался маятник на стене. Было слышно: наверху передвигали что-то тяжелое, там, должно быть, уже ложились спать.

Ганьки все не было. Трофим Иванович прошел мимо Софьи к вешалке, надел шапку, постоял, потом сорвал ее с себя так, как будто вместе с шапкой хотел сорвать и голову — чтоб больше не думать, и лег на лавку, лицом к стене. «Погоди, дай я постелю», — сказала Софья. Он встал, посмотрел, его глаза прошли через Софью, как сквозняк.

Она сделала постель, подошла к двери, чтобы запереть на крючок, протянула уже руку — и остановилась: а вдруг Трофим Иванович спросит, почему она знает, что Ганька не вернется? Было нельзя, но все-таки Софья оглянулась. Она увидела: Трофим Иванович следит за ней, за ее рукой, протянутой и не смеющей дотронуться до крючка. «Что? Что же стала?» — спросил он и усмехнулся неровно, наполовину. «Все знает...» — подумала Софья, маятник перед ней метнулся один раз и застыл. Трофим Иванович наливался кровью молча, медленно, он оттолкнул стол, что-то упало, это было в Софье, внутри. Вот сейчас, сию минуту он скажет все...

Тяжко вытягивая ноги из земли, он двигался к Софье, на лбу у него вспухла, как Нева, синяя жила. «Ну? Что же ты?» — крикнул он; все в комнате остановилось. — Запирай! Пускай где хочет, у кого хочет ночует, на улице, под забором, с собаками! Запирай, слышишь?» — «Как... как?» — еще не веря, сказала Софья. — «Так!» — отрезал Трофим Иванович и повернулся. Софья накинула крючок.

Она еще долго дрожала под одеялом, пока, наконец, согрелась, поверила, что Трофим Иванович не может знать, не знает. Часы над ней громко долбили клювом в стену. На лавке у себя заворачивался Трофим Иванович, задышал жадно сквозь стиснутые зубы. Софья слышала это так, как будто он обо всем говорил словами, громко, вслух. Она увидела ненавистные белые кудряшки на лбу — и в ту же секунду они исчезли: Софья вспомнила, что их нет и больше никогда не будет. «Слава Богу...» — сказала она себе и сейчас же спохватилась: «Что, «Слава Богу»? Господи!»

Опять заворачивался Трофим Иванович. Софья подумала, что ведь и его тоже нет и никогда не будет, ей теперь всегда жить одной, на сквозняке, и тогда зачем же все это, что было сегодня? Трудно, ступенями, она стала набирать в себя воздух: она, как веревкой, дыханием поднимала какой-то камень со дна. На самом вершине этот камень оборвался, Софья почувствовала, что может дышать. Она вздохнула и медленно стала опускаться в сон, как в глубокую, теплую воду.

Когда она была уже почти на дне, она услышала: об пол шлепнули босые ноги. Она вздрогнула и тотчас же всплыла вверх. Там сейчас скрипел пол, Трофим Иванович осторожно шел куда-то. Так по но-

чам он ходил на кухню к Ганьке, Софья всегда сжималась в комок, чтобы не дохнуть, не крикнуть, и так же она сжалась теперь. Она поняла: его тянуло туда, он, может быть, схватит, стиснет там ее подушку, или просто будет стоять там, перед пустой Ганькиной постелью...

Половицы скрипели, потом перестали. Трофим Иванович остановился. Софья приоткрыла глаза: Трофим Иванович, белея, стоял на полдороге между своей лавкой и кроватью, где лежала она. И вдруг Софью прокололо, что он идет не в кухню, а к ней — к ней! Ее всю опажнуло жаром, зубы у нее застучали, она зажмурилась. «Софья...» — тихо сказал Трофим Иванович и потом еще тише: «Софья». Она узнала его тот самый, особенный, ночной голос, сердце оторвалось от ветки и, неровно перевертываясь, птицей падало вниз. Без мыслей, чем-то другим — стиснутыми до боли коленями, складками тела — Софья подумала, что ему будет проще, легче, если она не откликнется, и она лежала не дыша, молча.

Трофим Иванович нагнулся к ней, она близко слышала его дыхание, должно быть, он смотрел на нее. Это была только секунда, но Софья боялась, что не выдержит, она закричала неслышно: «Господи! Господи!» Наверху, за тысячами верст, где сейчас неистово неслись тучи, чуть слышно засмеялась Пелагея. Горячая, сухая рука коснулась Софьиных ног, она медленно раскрыла губы, раскрылась мужу вся, до дна — первый раз в жизни. Он стиснул ее так, как будто хотел выместить на ней всю жадную злобу к той, к другой. Софья услышала, как он заскрипел зубами, как опять наверху шепотом засмеялась Пелагея, — и больше уж не помнила ничего.

Утром был мороз, окна были из леденца, синезелтый зайчик полз по белой стене. Софья вышла во двор. За ночь все утихло, утро стояло спокойное, прозрачное; дым, прямой и розовый, шел к небу.

На дворе была Пелагея. Она сказала Софье: «Ганька-то ваша сбегала, а? Вот и корми их, эти ких!» Софья посмотрела на нее легкими, прямыми, сделанными из этого утра глазами, попробовала вспомнить вчерашнее — и не могла: это все было очень далеко, скорее всего ничего этого не было. Пелагея рассказала, что перед заводом Трофим Иванович заходил к ним, спрашивал, не видели ли Ганьку. Софья про себя засмеялась. «Чему ты?» — удивилась Пелагея. «Так...» — сказала Софья, она смотрела на прямую, розовый дым — такой же дым был в деревне, откуда ее взял Трофим Иванович. Там сейчас, должно быть, рубят капусту, кочерыжки — холодноватые, белые, хрусткие. Ей показалось, что все это было только вчера, и она сама такая же, какая была, когда ела кочерыжки.

Вернувшись с завода, Трофим Иванович спросил только: «Ну? Нету?» Софья уже знала, о чем он, она спокойно сказала: «Нету». Трофим Иванович пообедал и сейчас же ушел куда-то. Вернулся поздно, темный — должно быть, искал, спрашивал у всех, всюду. Ночью он опять пришел к Софье — так же молча, злобно, жадно, как вчера.

На следующий день Трофим Иванович заявил о Ганьке в милицию. Софью, Пелагею с мужем, соседей вызывали туда. За столом сидел какой-то молодой малый в кепке, на носу у него было серьезное пенсне без оправы, а лицо было цыплячье, конопатое, и на столе под бумагами лежали черные сухари. Все говорили ему одно и то же: что видели, как Ганька гуляла с какими-то ребятами, не гаванскими, а пришлыми, с Петербургской Стороны. Пелагея вспомнила: Ганька сказала однажды, что ей тут надоело, что она уйдет. Малый в кепке записывал. Софья смотрела на конопатое лицо, на пенсне, на сухари, ей стало жалко его.

Когда шли оттуда домой, Софья попросила Трофима Ивановича купить новый топор: старый, должно быть, украли, а может, и завалялся куда-нибудь — не найти. Больше о Ганьке Софья не думала. Трофим Иванович тоже больше не говорил о ней ни слова. Только иногда он сидел, без конца глядя на одну и ту же строчку в газете, и Софья знала, о чем он молчит. Так же молча он поднимал на нее угольные, черные цыганские глаза, тяжело, молча, глазами плыл за ней, ей становилось жутко, а вдруг он что-нибудь такое скажет, но он ничего не говорил.

Дни были все такие же ясные, хрусткие и только становились все короче, будто вот-вот, не сегодня-завтра, вспыхнут последний раз, как огарок, — и темно, конец всему. Но приходило завтра, все еще не было конца. И все-таки с Софьей началось что-то неладное. Она не спала одну ночь, другую и третью, под глазами у нее было темно, они куда-то осели. Так весною темнеет, оседает, проваливается снег и под ним вдруг земля, но до весны было еще далеко.

Вечером через жестяную лейку Софья налиwała в лампу керосин. Трофим Иванович крикнул ей: «Гляди, гляди — что делаешь-то: через край!» Только тут Софья увидела, что лампа уже полная, и керосин,

14



Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ИЗГНАНИЕ

Уже отмерено двадцать лет литературной судьбы Евгения Ивановича Замятина, позади известнейший его роман «Мы», ставший роковой вехой творческой траектории, впереди остается восемь лет жизни. И вот в 1929 году, под шквал критических разрывов, пишется рассказ «Наводнение», один из шедевров, вышедших из-под пера прозаика, имя которого получит мировое признание и так поздно вернется к нам, на родину. Сегодня мы заново открываем его творения и постигаем сложный мир его несовместимостей, пророческих постижений. Однако в «Наводнении» писатель устремлен как бы к противоположному — к тому, чтобы постичь тайны человеческой сущности, приоткрыть глубину непредсказуемого, неподвластного человеку. По существу, следуя за Достоевским, он вбирает в себя и Фрейда. В переплетении трех судеб: мужской и двух женских — он обманывает нашу привычку разгадки любовных треугольников и поведения персонажей. Их страстная сила жизни и невозможность этой заветной жизни в предлагаемых условиях составляют надрывно-правдивый клубок рассказа, его отчасти лапидарную, отчасти изысканную ткань. Обретая новую для себя манеру повествования, Е. Замятин наполняет слово живописной многоцветностью, напором чувств, способных передать тайну подсознательного...

Е. И. Замятин начал свою жизнь в уездном городке Лебедяни, захолустье, знаменитом разве что заездом трагиков, о котором вспомнил Геннадий Несчастливцев у Островского: «В последний раз в Лебедяни играл я Велизария, сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел». Скончался писатель 61 году от роду, на берегах Сены.

Выехав из России, Замятин всю жизнь, подобно Бунину, питался соками родной страны. Рядом с понятием «политический эмигрант» я ввела бы в обиход — «творческий эмигрант». Причиной отъезда Е. И. Замятина стала несовместимость его художественной личности с окружающим. В том печальном-драматическом ряду потерь значатся, увы, многие

отринутые общественно-административными обстоятельствами писатели, художники, звезды балета, которых мы сейчас возвращаем отечественной культуре, — Ходасевич и Набоков, Некрасов и Войнович, Владимов и Аксенов, Барышников и Макарова, Ростропович и Шемякин.

Только травля, начавшаяся в печати вокруг имени Е. И. Замятина, вынудила его к отъезду. В отчаянии он предположит: «...Боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое». И еще резче: «В других странах писателями гордятся — у нас их бьют по морде». Все невозможнее, неприемлемее кажется ему пытка насилия над его человеческим достоинством, над его творческой личностью. («Какое дворянское Политбюро давало директивы Пушкину, когда он писал стихи?» — процитирует он Бухарина в своей автобиографии.) Все нестерпимее страдания одиночества, покинутости, непонимания. Быть может, потому еще так трагически писатель воспринимает столь внезапно образовавшийся вокруг него вакуум, что еще несколько лет назад он был в гуще событий литературных, преобразовательных, еще вчера для него, казалось, не было жизни вне революции и революции — без него. Она чересчур прямолинейно олицетворяла для него бунт, движение духа, постоянный взрыв. Замятин стал в центре революционной литературы в первые годы Советской власти, объединил вокруг себя талантливую молодежь, которая его боготворила. Но это... вчера. А сегодня круг сужается, и вот уже писатель оценивает свое положение, как прижизненную смерть. Последний поступок — письмо И. В. Сталину. Попытка, предпринятая и М. Булгаковым (до последнего дня не расстававшегося с Замятиным, проводившим его на вокзал), привела к исковому результату. Е. И. Замятина вытолкнули за границу. Обстоятельства, побудившие писателя на этот поступок, изложены в самом письме (1931 год), которое я привожу с сокращениями:

«Уважаемый Иосиф Виссарионович, приговоренный к высшей мере наказания — автор настоящего письма — обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другою.

Мое имя Вам, вероятно, известно. Для меня, как для писателя, именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся, травли.

Я ни в какой мере не хочу изображать из себя оскорбленную невинность. Я знаю, что в первые 3—4 года после революции среди прочего, написанного мною, были вещи, которые могли дать повод для нападок. Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и переукрашиванию: я считал — и продолжаю считать — что это одинаково унижает как писателя, так и революцию. В свое время именно этот вопрос, в резкой и обидной для многих форме поставленный в одной из моих статей (журн. «Дом Искусств» № 1, 1920 г.), был сигналом для начала газетно-журнальной кампании по моему адресу...

В советском кодексе следующей ступенью после смертного приговора является высылка преступника из пределов страны. Если я действительно преступник и заслуживаю кары, то все же, думаю, не такой тяжелой, как литературная смерть, и потому я прошу заменить этот приговор высылкой из пределов СССР — с правом для моей жены сопровождать меня. Если же я не преступник, я прошу разрешить мне вместе с женой, временно, хотя бы на один год, выехать за границу — с тем, чтобы я мог вернуться назад, как только у нас станет возможно служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям, как только у нас, хоть отчасти, изменится взгляд на роль художника слова. А это время, я уверен, уже близко, потому что вслед за успешным созданием материальной базы неминуемо встанет вопрос о создании надстройки — искусства и литературы, которые действительно были бы достойны революции...

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

КОГДА СУДЬЯ ПЛАЧЕТ

Я бывший работник аппарата ГК КПСС, уже 6 лет работаю в судебных органах, из них 4 года председателем горнарсуда. И кому же, как не мне, судить о давлении местных органов партийной и Советской власти на деятельность судей. Несмотря на то, что Конституцией СССР и союзных республик, Законами о судеустройстве республик, нормами УПК и ГПК судьям была гарантирована юридическая независимость, фактически этой независимости нет. Приведу несколько примеров.

Суд рассмотрел иск к исполкому горсовета о нечинении препятствий в обмене жилой площадью и вынес решение в пользу истца. Исполком это решение не устраивало, и вместо исполнения стали требовать от истца предоставления в жилищную комиссию вновь всех документов для оформления обмена. Приходит гражданин ко мне на прием и спрашивает: «Товарищ председатель, для чего же суд принял решение, если исполком горсовета его не исполняет?» Пришлось на имя председателя исполкома горсовета писать отнюдь не то, что в случае, если исполком в пятидневный срок не исполнит решение суда, то в соответствии с законом на виновных лиц будет наложен штраф до 200 рублей, а при повторном неисполнении — до 1000 рублей. Какая же поднялась буря, не каждый может себе представить. Меня и судью вызвали к зампреду исполкома, где проработали около часа. Кончилась беседа слезами судьи-женщины. В мой же адрес прозвучали слова: «Руководство горкома партии и исполкома горсовета разочаровано вами и сделает определенные выводы!»

Определенные выводы делают и мои коллеги.

Поступает в суд иск по жилищному вопросу. Судья, предварительно изучив дело, приходит ко мне и просит передать дело другому. Почему? Ответ прост, от исполкома зависит, получит он квартиру или нет, так как он стоит в очереди на улучшение жилищных условий, а иск будет решен не в пользу исполкома.

Наверное, примеров достаточно.

В нарушение статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.68 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» исполком горсовета устанавливает контроль за письмами, поступающими от граждан и касающимися деятельности суда. Неоднократно в письменном виде и по телефону я разъяснял работникам аппарата, что они не вправе осуществлять контроль за работой суда, однако, как говорится, «продолжение следует». Из разговоров с работниками аппарата исполкома да и при беседах с гражданами выясняется, что у них существует мнение о подчиненности судов исполнительным органам. Зампредисполкома, курирующий органы милиции, также считает, что он курирует суд и прокуратуру и что председатель суда ему подчиняется.

Хотелось бы обратить внимание еще на один вопрос. Судьям и судам необходимо обеспечить нормальные условия работы. Из 47 зданий судов Московской области всего 5 построены по типовым проектам, а 18 находятся в аварийном состоянии. В судах недостает залов для ведения процессов, заседания приходится проводить в крохотных кабинетах

судей, нет совещательных комнат, комнат для отдыха, приема пищи. В судах не хватает даже пишущих машинок, не говоря о сложной оргтехнике. Из-за низкой заработной платы большая текучесть технических работников.

Согласно опубликованным данным Госкомстата за 1988 год, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве составила 217 рублей, а средняя заработная плата в Воскресенском горнарсуде за это же время составила 147 рублей 52 копейки. В среднем по стране максимальный заработок народного судьи соответствует заработку лейтенанта милиции, а заработок председателя суда находится на уровне заработка между старшим лейтенантом и капитаном милиции, еще раз подчеркиваю — между. Вполне понятно, что там, где нет материально-экономической независимости, отсутствует и политическая независимость. Юридическая же независимость судьи является блефом. Вот почему и не идут на должность судьи прокуроры, адвокаты, юрисконсульты, следователи. За последние годы корпус судей значительно измельчал, упал престиж этой должности. Осталось одно громкое слово — народный судья.

Почему же в нашем государстве так произошло, что должность судьи стала не в почете?! Почему судья у нас не имеет того веса, авторитета и уважения, которые он имеет в других странах?! Об этом пишут и говорят ученые-юристы, публицисты, историки и простые советские люди. Мне представляется, что это произошло в результате длительной деформации нашего общества и государственности, авторитарности в партии, беззакония, творимого отдельными лицами, стоявшими у руля нашего государства, которые делали свои черные дела ради сохранения и удержания власти над народом с использованием аппаратов НКВД (милиции), ОГПУ (Комитета госбезопасности), внесудебных органов (троек). Конечно, и судьи порой использовали как органы расправы. Но как более демократичные органы они не всегда беспрекословно выполняли волю отдельных всесильных лиц, а отсюда из всех правоохранительных органов судьи оказались в наиболее худшем положении — в немилости.

В нашем государстве до последнего времени суд, прокуратура, милиция являлись орудием в руках партийного и исполнительного аппарата, и от них, этих органов, требовалось одно — исполнение и послушание, но не рассуждения. В большинстве случаев мнение руководителей партии и правительства было выше закона.

Непросто привлечь к суду работников аппарата ЦК КПСС, обкомов, райкомов и других центральных органов и ведомств.

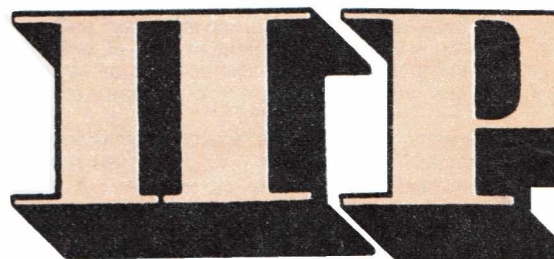
Перед законом должны быть равны все: государство, ведомство, руководитель самого высокого ранга и простой человек.

Принятые недавно конституционные изменения и дополнения, касающиеся органов правосудия, обеспечивают настоящие гарантии независимости советского судьи и суда. Это одно из условий того, что прошлое не повторится.

В. БОРОДИН,
председатель Воскресенского
горнарсуда Московской области



«Богородица Казанская» и «Спаситель» в эмалированных окладах фирмы Фаберже из коллекции Романовых. Перепроданы на аукционе «Кристи» в ноябре 1977 года.



БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Александр МОСЯКИН

II. БРИЛЛИАНТЫ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ



Россия — страна церквей. Так по крайней мере считали иностранцы. И впрямь: в каждом селе — часовня, в каждом селе — храм. А в городах...

И в любой церквушке — сотня-другая икон в окладах да серебряная утварь в камнях, жемчуге, драгоценной эмали и золоте; да книги, да шитье.

В соборах этого добра вдесятеро больше.

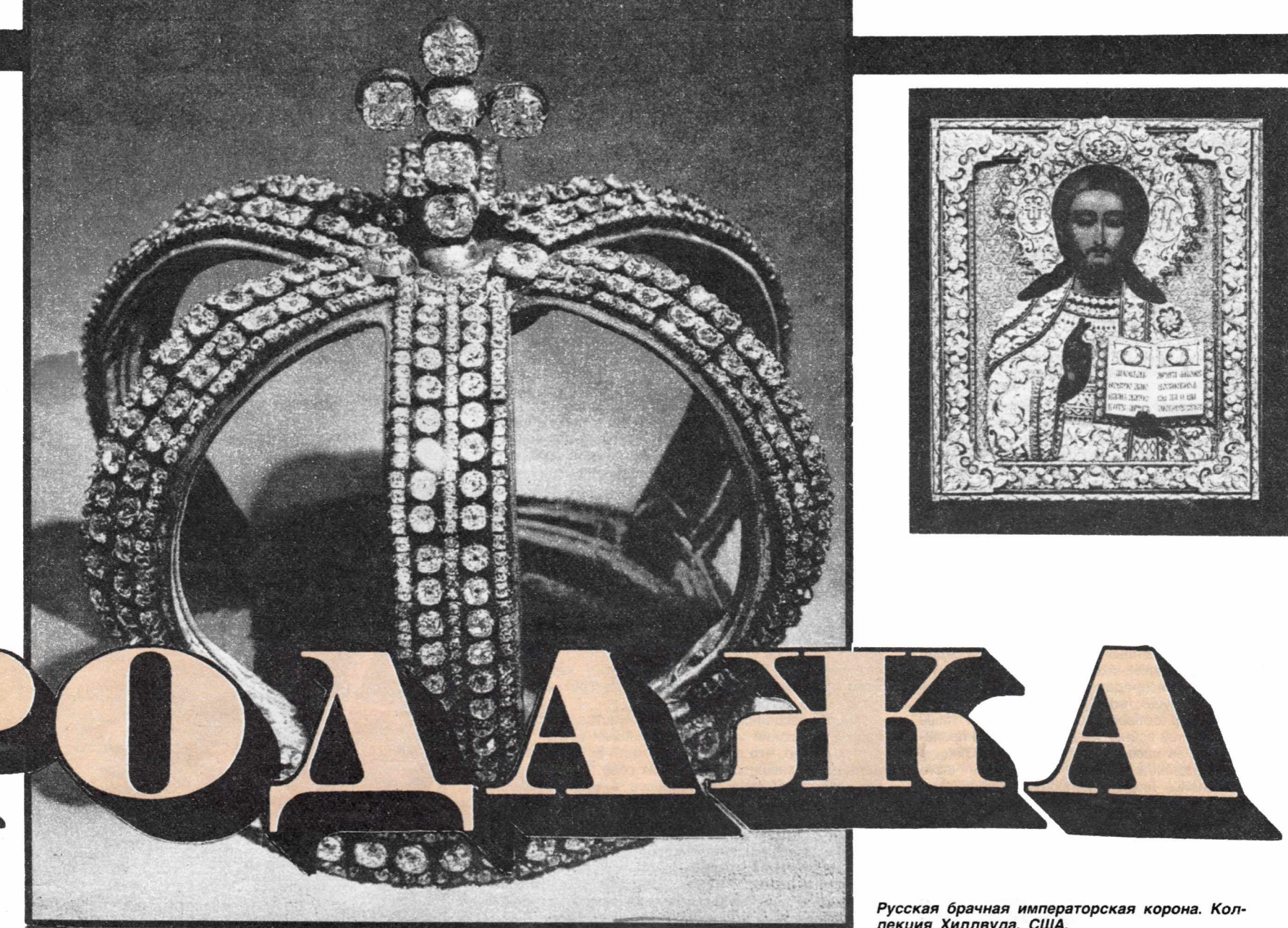
Деревень в России начала XX века — около ста тысяч. Плюс сотни городов. Да еще про монастыри не забудем.

Изъятие церковных ценностей началось в годы гражданской войны. В 1921—1922 годах масса их (вместе с ценностями Гохрана и Госмузейфонда) пошла в уплату за хлеб, который закупили для голодной и разрушенной страны.

Потом изъятие церковного достояния стало нормой, твердой валютой (или ее источником) в торговых-финансовых операциях. Тысячи тонн изделий из золота, платины, серебра попали в плавильные печи. Горы драгоценных камней, жемчугов и самоцветов перекочевали из ризниц и алтарей в сейфы международных банков.

Из церковного серебра во время денежной реформы 20-х годов чеканили монету.

Продолжение. Начало см. в № 6.



Русская брачная императорская корона. Коллекция Хиллвуда, США.

Одной из жертв бездумной распродажи стали сокровища ризницы Петропавловского собора в Петрограде, хранившей вклады членов царской фамилии и не уступавшей в богатстве патриаршей ризнице Московского Кремля. (Та была просто ограблена.)

Церковь добровольно пожертвовала свои сокровища для спасения голодающих, но решительно воспротивилась изъятию исторических реликвий и христианских святынь. За что некоторые церковные иерархи были в 1922 году расстреляны, а патриарх Тихон арестован.

С конца 20-х годов настала пора икон. В 1928 году руководство ВОКСа подписало с Кристианом Бринтоном соглашение о продаже икон в США. Он организовал там серию распродаж, крупнейшей из которых стал нью-йоркский аукцион «Русские иконы» в январе 1931 года.

Интересовались иконами и иностранные дипломаты. Выбор в комиссионных магазинах Ленинграда и Москвы был богатейший, а цены даже символическими не назовешь. Именно за счет таких покупок было сформировано выдающееся собрание русской иконописи Национального музея в Стокгольме. Многие ушли в Великобританию, Германию, США. Столоском тех событий явилось возвращение двух икон XV века, которые были недавно привезены в Новгород семьей Рокфеллеров.

Те жестокие годы породили загадки в судьбе многих уникальнейших реликвий. Упомяну лишь некоторые из них.

Одной из величайших святынь христианства, наряду с «нерукотворным» изображением Христа («Спас на полотне»), вызвавшим столько научных споров, была и холстяная рубаша — риза Господня, сотканная без единого шва. Она попала на Русь в 1625 году в качестве дара персидского шаха Аббаса царю Михаилу Федоровичу. Впоследствии она была разрезана на три части, которые хранились в Киево-Софийском соборе, в церкви Зимнего дворца и в соборном храме Петропавловской крепости. Сейчас части ризы бесследно исчезли. Куда пропала еще одна, не менее великая реликвия — риза пресвятой Богородицы, которая попала к нам из Византии и хранилась в Успенском соборе Московского Кремля, где в честь

ее построена церковь Ризположения? Какова судьба сокровищ Вознесенского монастыря, основанного в 1393 году вдовой Дмитрия Донского Евдокией, который был усыпальницей русских великих князей, царевен и цариц? Где уникальное собрание древних христианских рукописей, икон и произведений искусства, находившихся в Чудовом монастыре — старейшем на территории Московского Кремля? Что приключилось с ракой и мощами Александра Невского, до начала 1920-х годов хранившихся в Троицком соборе в Петрограде, после того как их повезли на «атеистический смотр» в Москву?..

Пропали многие драгоценнейшие оклады икон. Главной святыней Руси была икона Владимирской Божьей матери. Сейчас она без оклада висит в Третьяковской галерее. Но ведь для нее было изготовлено несколько подобающих ей богатейших окладов, украшенных крупными драгоценными камнями.

Бесследно пропадали целые иконостасы! В Казанском соборе в Ленинграде был серебряный иконостас. Его изготовили из трофейного серебра, которое казаки атамана Платова отбили у отступающих наполеоновских войск. Так вот, этот иконостас — памятник войны 1812 года, установленный у могилы Кутузова, — выкорчевали с «кровью и мясом» штыками да кувалдами, а потом он пропал неизвестно куда. Уже после войны пропал серебряный иконостас Андреевской церкви в Киеве.

Загадочна судьба и многих «светских» памятников культуры.

Многое сгорело в огне революции. Многие увезено в эмиграцию — часто контрабандным путем. Тогда из Петрограда по льду Балтики уходили караваны сaney, груженных ценностями. Убийца Распутина, князь Феликс Юсупов, собственноручно замазав под какой-то пейзаж «Портрет женщины со страусовым пером» и парный к нему «Портрет мужчины с перчаткой» Рембрандта, вывез их из Юсуповского дворца в Париж и продал одному из основателей американской Национальной галереи, Джозефу Уайденеру.

* После революции оба монастыря были разрушены.

Эти картины попытался перехватить Калюст Гюльбенкян, предложивший князю вдвое большую сумму. Разгорелась судебная тяжба, которую выиграл Уайденер, и ныне эти замечательные портреты украшают стены Национальной галереи в Вашингтоне. Из Демидовского дворца на Большой Морской улице, где до революции находилось итальянское посольство, было нелегально вывезено убранство Малахитового зала, созданного гением Монферрана и поражавшего современников изыском и роскошью отделки. Нелегально вывезли и многое другое. Но истинная драма русских частных коллекций разыгралась позже.

Были в свое время в Петербурге четыре жемчужины русской культуры: Строгановский, Юсуповский, Шуваловский и Шереметевский дворцы. Их коллекции искусства славились по всей Европе. После революции там открылись художественно-бытовые музеи. В середине 20-х годов их решили закрыть. И как ни заступался за них Александр Бенуа, страстно убеждавший, что каждый из этих дворцов «является в своем роде редчайшей драгоценностью, гибель которой может быть приравнена к гибели любого знаменитого ансамбля», не помогло. Великолепные дворцы-музеи были варварски разорены и отданы различным организациям. Часть их имущества была распылена по разным музеям страны, другая часть распродана.

Тяжелая участь постигла сокровища Шереметевского и Юсуповского дворцов. Хотя последнему относительно «повезло»: из-за того, что в Париже жили его бывшие хозяева, имущество дворца не ушло с молотка где-нибудь в Берлине или Нью-Йорке. Многие из спрятанных в его тайниках сокровищ остались на родине, а уникальная коллекция скрипок великих итальянских мастеров составила основу Госколлекции музыкальных инструментов. Однако значительная часть дворцовых коллекций прикладного искусства, мебели, книг и ювелирных ценностей все же таинственно исчезла в конце 20-х годов и оказалась в зарубежных частных собраниях. В числе последних в 1935 году пропала статуя «Диана» из зала Генриха IV. Причем неясно, кто ее похитил: ищечки Антиквариата или обыкновенные

уголовники — ведь дворец тогда практически не охранялся.

Разгрому подвергся Строгановский дворец. Лишь немногое из его убранства сохранилось в наших музеях. Антикварная фирма «Рудольф Лепке хаус» организовала в мае 1931 года шумный аукцион «Строгановский дворец», на котором распродавалось его имущество: 108 картин западноевропейских мастеров (включая полотна Рембрандта, Рубенса, Кранаха, Джованни Беллини, Андреа дель Сарто, Пуссена, Лоррена, Грёза, Буше, Робера, Рейсдала, Ромни и пять портретов Ван Дейка, оказавшихся потом в Ганновере), 52 редких образца мебели, 23 скульптуры и скульптурные рельефы (включая бюсты Вольтера и Дидро работы Гудона и известную скульптуру Фальконе «Купидон»), 4 гобелена 1781 года знаменитой парижской мануфактуры «Ателье Козетта», 4 фамильные иконы в дорогих окладах, китайский фарфор, уникальные жирандоли, торшеры, вазы, часы.

Более-менее приличную цену получили лишь портреты кисти Ван Дейка (157 080 долларов за пару). Остальное ушло за бесценок: «Христос и самаритянка» Рембрандта — за 49 980 долларов, «Портрет графа Воронцова с дочерью» Джоржа Ромни — за 11 900 долларов, «Адам и Ева» Лукаса Кранаха — за 11 186 долларов, «Аллегория вечности» Рубенса и «Вид Гарлема» Рейсдала — за 14 280 долларов, а бюсты Вольтера и Дидро были проданы за 10 710 и 6188 долларов. Всего за 256 вещей на аукционе было уплачено 613 326 долларов.

Гибель частных коллекций началась с первых послеоктябрьских дней, когда многие богатые особняки Петрограда и Москвы были разорены уголовниками и анархистами. После подписания декретов о национализации художественных ценностей был создан Государственный музейный фонд, где ставилось на учет и хранение и распределялось по музеям национализированное имущество. Проведение работ было возложено на Наркомпрос. Но начались они лишь к концу гражданской войны, когда многое уже пропало. К тому же из-за масштабности работ и дефицита специалистов возникло немало трудностей. Часто описи составлялись людьми непрофессиональными, не содержали необходимой информации, и в них закрадывались ошибки. Отсутствовала фотофиксация. Это были скорее инвентаризационные, чем музейные описи, и атрибутировать по ним то или иное произведение искусства (особенно прикладного) практически невозможно, за исключением вещей широко известных.

Знаменитый московский коллекционер князь С. А. Щербатов летом 1917 года уехал с женой за границу. Его дом на Новинском бульваре был отдан под учреждения Народного комиссариата по военным делам. Летом 1919 года сестра княгини Щербатовой обратилась с письмом к руководству означенного наркомата, где указывала, что «коллекции и родовое имущество князей Щербатовых подвергаются разграблению и порче». Однако только 30 июля 1920 года сотрудники Наркомпроса вывезли уцелевшие предметы художественного значения, а в сопроводительной описи было лишь сказано, что «уезжены ящики картин, фарфора, хрусталя, вазы мебели и ковров, для транспортировки которых с Новинского бульвара в 6. Английский клуб (где находилось хранилище ГМФ. — А. М.) потребовалось несколько лошадиных подвод». Это все, что сохранилось в архивах об имуществе князей Щербатовых.

В итоге к концу 20-х годов должным образом была задокументирована только часть вещей, переданных в центральные музеи Ленинграда и Москвы. Многие из того, что оказалось в провинции, погибли из-за отсутствия условий хранения и специалистов, ну, а хранилища Госмузейфонда представляли собой гигантскую свалку бесхозных сокровищ, которые стали легкой добычей альянса Наркомвнешторга, Антиквариата и западных коллекционеров. В период массовых репрессий реки конфискованного имущества потекли на склады ОГПУ — НКВД. Многие чиновные квартиры, дачи и кабинеты украсились за сей счет. Ну, а когда их хозяева сами оказывались на нарах, их собственность становилась добычей других чиновников, доносчиков и палачей.

Признаком хорошего тона для Сталина и лиц из его окружения считалось поднесение даров — без умысла, разумеется. Дарили царские драгоценности, музейное имущество. Дарили на официальных приемах и за дружеским завтраком, по случаю знаменательных дат и при посещении вернисажей. В 1933 году к юбилейной выставки «Художники РСФСР за XV лет» бесследно исчезла акварель Филонова «Итальянские каменщики», а вскоре пропала картина Петрова-Водкина «Матери», объявившаяся недавно в Италии.

Особым расположением Сталина пользовались дипломаты. Нужным из них создавался режим наибольшего благоприятствования в приобретении отечественных сокровищ. Причем интересно: продажа ценностей производилась на рубли по курсу 1 доллар = 45 руб., а с 1938 г. 1 доллар = 7 руб. Обмен

производился в специальных точках, которые дипломаты прозвали «черным рынком рублей». Одна из таких точек находилась в здании ГУМа. Только два года прожил в Москве американский посол Джозеф Дэвис, но за это время успел сколотить значительную коллекцию русского и советского искусства, включая двадцать первоклассных икон XVI—XVIII веков: 9 — из собрания Государственной Третьяковской галереи, 8 — из Киево-Печерской лавры и три — из бывшего Чудова монастыря в Москве. Для него и его супруги — Мариории Пост — устраивались «ознакомительные» экскурсии в закрома Антиквариата, в Феодосийскую картинную галерею имени Айвазовского и в музей Кремля, благодаря которым Джозеф имел возможность пополнять свою коллекцию живописи и прикладного искусства (включая шесть тарелок Владимирского орденового сервиза, купленных им за 200 рублей — за 4,5 доллара! — в Ленинграде), а Мариория — свое собрание русских императорских драгоценностей. Посильные услуги в этом деле ей оказывала незадолго до ареста жена Молотова (и это ей потом вменили в вину), через которую она получила в дар две роскошные вазы из Музея керамики в Кускове. Дары получали Аверелл Гарриман, английские, шведские, французские, германские дипломаты...

В наши дни продолжателем «славной» традиции стало Министерство культуры СССР. В 1972 году министр культуры Е. А. Фурцева подарила Арманду Хаммеру картину Казимира Малевича «Супрематическая архитектура» из собрания Третьяковской галереи, оцененную примерно в 1,5 миллиона марок. Через три года аналогичная участь постигла картину Малевича «Динамический супрематизм», которая ушла в частную коллекцию в Англию. Оба дара предполагалось сделать за счет Русского музея, но его директор В. А. Пушкирев ответил категорическим отказом, а вот его коллега из Третьяковской галереи не устоял.

Многие бесценные творения искусства спасли для нас лишь низкий уровень аукционных цен и то обстоятельство, что в эмиграции жили их бывшие владельцы, грозившиеся вернуть их себе. Только поэтому удалось собрать крупнейшее в мире собрание современной французской живописи из коллекций Морозова и Щукина. В те годы искусство импрессионизма и постимпрессионизма считалось у нас «эстетически малоценным» и «идеологически вредным», и от него решили избавиться. Поначалу стоговывали частями, а весной 1933-го «Ноудлер энд компани» вступила в переговоры с Антиквариатом о полной распродаже этих коллекций. Но тут вмешались наследники — и сделка века (похлестче меллоновской!) сорвалась, хотя два шедевра — «Портрет жены художника» Сезанна и «Ночное кафе в Арле» Ван Гога — все же были проданы в частные коллекции в США.

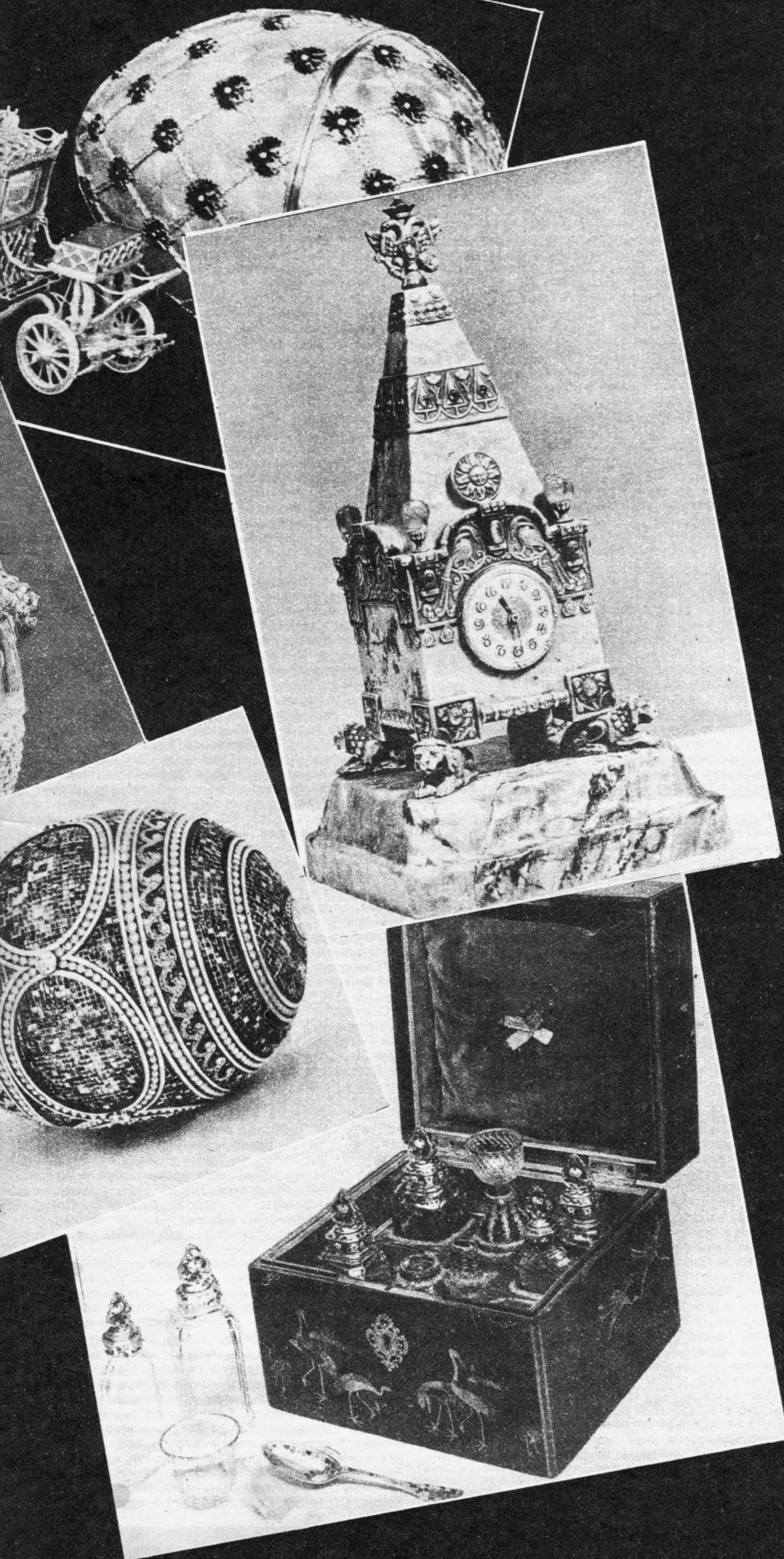
Чтобы оценить масштаб потерь, скажу, что на последних аукционах «Сотбиз» две куда менее известные картины Ван Гога были проданы за 37 и 53 миллиона долларов, что официально занесено в книгу рекордов Гиннеса. Непонятным образом оказались за границей еще некоторые картины из этих собраний (например, пейзаж Ван Гога). Какой-то пейзаж Сезанна из России приобрел тогда через Хеншеля и Матхайзенскую галерею филладельфийский коллекционер Альберт Барнс.

Продавали библиотеки: государственные, церковные, личные. Печальную известность на сем поприще приобрела организация «Международная книга». Экспорт на валюту нашего книжного богатства начался еще до революции, когда сибирский миллионер Геннадий Юдин из-за страха перед нею продал всего за 50 тысяч долларов уникальное собрание (80 тысяч томов!) редких книг и памятников славянской письменности. Дурной пример заразителен, и по его стопам направилась «Международная книга», на совети которой сотни тысяч вывезенных за границу ценнейших книг, архивов, рукописей.

В первую очередь громились библиотеки знаменитые. Через коммерческие букагазины Москвы и Ленинграда и представительства Наркомвнешторга были распроданы десятки реквизированных библиотек членов царской фамилии, высшей аристократии и буржуазии. Так, личная библиотека Николая II (более 1700 томов) в 1930 году перекочевала в Библиотеку конгресса США, куда двумя десятилетиями раньше уплыло юдинское собрание. Разорялись даже крупнейшие национальные книгохранилища — такие, как Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Среди проданных отсюда реликвий был один из величайших памятников человеческой культуры — старинная греческая рукопись Нового завета, дополненная двумя апокрифами, всемирно известная как «Синайский кодекс». Он был в свое время подарен Александру II и до конца 1933 года бережно хранился там, пока не был продан за 500 000 долларов Британскому музею. Продали и другой уникальный памятник средневековой культуры — Коран шаха Аббаса. А сколько исчезло памятников русского средневеко-



Изделия фирмы Фаберже, принадлежавшие императорскому дому. На одном из них — изображение детей Николая II. (Коллекция Тиссен-Борнеми-са, Хаммера, Куин Мэри.)



вья из разоренных монастырских библиотек?! А библиотеки богатых усадеб?

Неисчислимо продавалось современное русское искусство. Особая «заслуга» здесь принадлежит американскому журналисту, коллекционеру и общественному деятелю Кристиану Бринтону. Интерес к русской культуре он проявлял еще до революции, а вскоре после нее установил дружеские отношения с жившими за границей русскими художниками и, заинтересовав нью-йоркские музеи и галереи, организовал серию блестящих персональных распродаж: Бориса Анисфельда (1918), Николая Рериха (1920), Ильи Репина (1921), Натальи Гончаровой, Михаила Ларионова и Серафима Судбина (1922), Савелия Сорина, Бориса Григорьева и Николая Фешина (1923), Александра Архипенко (1924). За благотворительное участие художники-эмигранты окрестили Бринтона «святым патроном всех русских».

Первой официальной выставкой-распродажей работ современных художников стала «Первая русская художественная выставка», открывшаяся 15 октября 1922 года в одной из лучших галерей Берлина — Ван Димена. Она была детищем Рапалльского мирного договора и тщательно готовилась. В ее организации принимали участие дипломатические ведомства и общественные организации обеих стран, Наркомпрос во главе с А. Луначарским, ведущие художники-авангардисты: Штеренберг, Кандинский, Габо, Лисицкий, Альтман. Было отобрано свыше 200 лучших произведений «русского авангарда».

Зимой 1923/24 года начались контакты между официальными советскими представителями и Кристианом Бринтоном по поводу организации в Америке «Русской художественной выставки», заметную роль в которой сыграл директор Третьяковской галереи И. Э. Грабарь. В итоге переговоров за 10 процентов комиссионных Бринтон согласился помочь, и уже в декабре 1923 года гигантская экспозиция (940 картин, рисунков, акварелей и скульптур 84 ведущих советских художников) в сопровождении Грабаря отправилась в Нью-Йорк.

Выставка состоялась в 1924 году, и, хотя ее финансовый успех оказался скромным, дело пошло.

Весной следующего года было создано Всероссийское общество культурных связей с заграницей, возглавила которое сестра Троцкого Ольга Каменева. С этого момента начались взаимные ознакомительные визиты Кристиана Бринтона и деятелей ВОКСа, а в апреле 1927 года (не без участия того же Бринтона) в Нью-Йорке возникло «Американское общество за культурные связи с Россией»*, куда вошли известные деятели американской интеллигенции, симпатизировавшие СССР. Итогом всей этой деятельности явилось подписание 27 июня 1928 года соглашения с руководством ВОКСа об организации серии выставок-распродаж современного русского и советского искусства в США. Первые экспозиции открылись в Нью-Йорке в феврале 1929 года: «Выставка современного искусства Советской России» (живопись, графика) и «Выставка искусства и ремесел Советской России» (палехские шкатулки, резьба по дереву, фарфор, керамика, ковры, мелкая пластика, вышивка и т. д.). А потом последовали «Выставка русской живописи и скульптуры» в Вильмингтоне в 1932 году и три выставки в Филадельфии: «Выставка современного русского искусства» (1933 г.), «Лицо советского искусства» (весна 1934 г.), «Выставка советского графического искусства» (осень 1940 г.).

Конечно, Бринтон был не одинок.

Сотни произведений ведущих мастеров «русского авангарда», каждое из которых составляет целое состояние, караванами отправлялись по проторенному пути. Положение усугублялось тем, что многие авангардисты (Кандинский, Шагал, Бурлюк, Лисицкий, Архипенко и др.) жили и творили за рубежом, и, когда на родине их искусство стало подвергаться шельмованию, они остались в эмиграции, а вместе с ними — большая часть их творческого наследия. Долгие годы у нас авангард вообще не признавался за искусство и его без сожаления оптом и в розницу загоняли «темному Западу». Вот лишь одна история.

В 1927 году в Берлине намечалась обширная выставка Казимира Малевича. Он вывез туда свыше 70 картин, 50 графических работ и свой архив, включавший переписку и рукописи теоретических трудов. Неожиданно он возвратился обратно, оставив все на попечение своих немецких друзей, которых заверил, что вскоре непременно вернется. Но вернуться не смог. Началась травля Малевича, а в 1930 году он был арестован. Работы и архив художника остались в Германии.

Уйма злоключений выпала на их долю! Их хранили в банковских сейфах, прятали от гитлеровских штурмовиков, некоторые работы погибли. Значительная их часть оказалась в Ганноверской галерее, которая была разгромлена фашистами, но 22 полотна, спря-

* С 1931 года Американо-русский институт.

танных в ящике с обоями, смог оттуда вывезти директор нью-йоркского Музея современного искусства Бар. Буквально чудом сохранился и архив восемь лет (!) пролежавший в развалинах разбомбленного дома.

В начале 50-х годов «сокровища Малевича» оказались в руках у предприимчивого директора амстердамского Стеделик музеума Вильяма Сандберга, который отыскал их в разных уголках Германии...

Тяжелейшим ударом по культурному достоянию страны явилась утрата коллекций русского ювелирного искусства и в первую очередь фамильных сокровищ династии Романовых, которые насчитывали сотни тысяч ценнейших образцов изобразительного и прикладного искусства, орденов, оружия, редких книг, ювелирных украшений и императорских реликвий, включая беспримерную коллекцию русских коронных драгоценностей.

После революции почти все эти богатства были национализированы. Имущество и произведения искусства поступили в ведение Госмузфонда и различных музеев, а ювелирные ценности частью остались в Эрмитаже, а частью — вместе с реквизированными драгоценностями русской аристократии и буржуазии — были переданы в Государственное хранилище ценностей (Гохран), образованное 3 февраля 1920 года декретом Совнаркома и получившее название «Алмазный фонд РСФСР»*. Сразу же началось изучение этих исторических сокровищ. Группу ученых и экспертов возглавил академик А. Е. Ферсман. Но вскоре большая часть тех бесценных сокровищ навсегда была потеряна для нашего народа. В этой истории были замешаны многие банки, фирмы, частные лица, но ключевую роль сыграл человек, в рекомендациях не нуждающийся. Это Арманд Хаммер. О его жизни и взаимосвязях с нашей страной можно писать романы. Но я здесь изложу факты, о которых он поведал в книге «В поисках сокровищ Романовых», изданной в Нью-Йорке в 1932 году, и в недавно вышедшей у нас автобиографии**.

Хаммер пишет, что он появился в Москве голодной осенью 1921 года — начинающий бизнесмен и врач, сын американского миллионера, симпатизировавшего Советской России. Приехал он с особой миссией, как представитель «Объединенной компании медикаментов и химических препаратов». В записке, направленной В. И. Ленину 14 октября того года членом ЦК, читаем: «Рейнштейн сообщил мне вчера, что американский миллионер Хаммер, русский родом... дает миллион пудов хлеба уральским рабочим на очень льготных условиях... с приемом уральских драгоценностей на комиссию для продажи в Америке. В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 000 долларов. Этот сын был на Урале с Мартенсом и решил помочь восстановить уральскую промышленность. Доклад сделает вскоре Мартенс официально. Ленин».

Возникла идея концессии, которой Ленин придавал громадное значение, видя в ней «маленькую дорожку к американскому «деловому» миру». По его настоятельным просьбам уже 28 октября договор об учреждении концессии «Аламерико» по разработке Алапаевского асбестового рудника на Урале был подписан. Председателем правления концессии стал Юлиус Хаммер, а секретарем и помощником — его сын Арманд. И первой ласточкой советско-американских торговых отношений стала поставка хлеба для голодающих Урала и Поволжья.

Зимой 1921/22 года русская пушнина, кожа и черная икра были обменены на доллары — и пароходы с американской пшеницей стали прибывать в Петроград.

А в 1923 году на рынках Амстердама и Антверпена появились русские бриллианты, и местные дельцы сразу определили, что это, вероятно, часть российских коронных драгоценностей. Зарубежная пресса писала, что эти города и их банки используются Советским правительством для валютных операций с золотом, алмазами и церковными ценностями. В том же году через антикварный магазин в Стокгольме была реализована партия гобеленов, ковров, фарфора и других произведений искусства из национализированных частных собраний.

Подобные факты породили массу слухов о том, что «большевики расхищают русские коронные драгоценности». Чтобы сбить накал страстей и доказать, что романовские сокровища (по крайней мере их часть) целы, в 1924 году они были выставлены для обозрения в Колонном зале Дома союзов, а Наркомат финансов СССР предпринял специальное издание на иностранных языках «Драгоценные сокровища России».

Меры возымели воздействие, но с 1924 года вал распродаж художественных ценностей стал стремительно нарастать. В Ленинграде и Москве открылось множество антикварных магазинов Наркомторга, где за валюту или советские червонцы можно было ку-

пить все, что угодно: от трости Екатерины II до бриллиантового портсигара Александра III. В Ленинграде крупнейшие из них размещались в доме Вавельберга на Невском проспекте и в бывшей штабквартире ювелирной фирмы Фаберже на Большой Морской улице. В Москве выделялся антикварный магазин на Тверском бульваре, 26, куда ГМИИ имени Пушкина (тогда Музей изящных искусств) обязан был приносить ежегодную дань Антиквариату в размере более ста картин и произведений прикладного искусства. Посетить эти «магазины-выставки» иностранцев призывали рекламные объявления и плакаты. Антиквариатом в те годы забито было все: торговые лавки, гостиницы, рестораны, барахолка.

Первую покупку братья Хаммеры сделали на барахолке, где за трешку купили прекрасное блюдо из царского сервиза, изготовленное на Императорском фарфоровом заводе. Вскоре, обедая в одной из петроградских гостиниц, они обнаружили ценнейший банкетный сервиз Николая I, датированный 1825 годом. Он находился в общем пользовании, и директор ресторана жаловался, что тарелки слишком легко бьются. Арманд тут же обменял его у директора на новый фаянсовый столовый набор, который привел его в полный восторг. Примерно так же Хаммеры раздобыли известный сервиз Николая II «Птицы», первоначально состоявший из шести тысяч предметов, на изготовление которого ушло более шести лет. Потом к этому прибавились картины, иконы, произведения прикладного и ювелирного искусства, редкие книги — и через несколько лет тридцатикомнатный особняк Арманда Хаммера на Садово-Самотечной улице, 14, превратился в первоклассный музей. Особую слабость он испытывал к искусству царствовавшего дома, и особняк буквально ломился от драгоценностей и иных предметов личного обихода династии Романовых. Немногим уступал ему и московский особняк Виктора.

Летом 1928 года Арманд Хаммер, который к тому времени уже четыре года возглавлял в СССР концессию по производству и сбыту канцелярских товаров и представлял интересы 38 американских компаний и фирм, посетил известный нью-йоркский антиквар Е. Сахо. Он был потрясен увиденным. На Западе романовские сокровища пользовались спросом, и Сахо предложил Хаммеру партнерство, на что тот ответил, что «справится у своих друзей в Советском правительстве, которые намекали ему, что он сможет их вывезти, если заплатит пошлину», — и вскоре он заключил соглашение, по которому Хаммеры передавали Советскому правительству свою карандашную фабрику*, а в обмен получали право на вывоз и продажу в Америке произведений искусства.

Но грянул «великий биржевой кризис», и альянс с Сахо не состоялся. Тогда братья решили действовать самостоятельно. Первыми в дело вступили Гарри и Виктор. Весной 1931 года через галерею Уоллес Дэй они выставили небольшую коллекцию севрских фарфоровых ваз, фламандских гобеленов, обеденных сервизов, люстр, мебели, кружев, часов и картин. Но им фатально не повезло. Покупателями оказались в основном... американские домохозяйки — и аукцион с треском провалился, принес его организаторам лишь 69 136 долларов. Письменный стол императора Павла I — шедевр эпохи классицизма — был продан за 200 долларов; за такую же цену ушла дюжина тарелок императорского столового сервиза Николая I, а такие исторические реликвии, как кубок шведского короля Карла XII, подаренный Петру I, и прижизненный портрет самого Петра были проданы за... 57,5 и 50 долларов (!).

Тогда Виктор и Гарри обратились за помощью к Арманду, жившему в Париже, и он, по совету опытного дельца, придумал блестящий ход: распродать ювелирные ценности через обычные универсальные магазины — те самые, где продавалось все: от губной помады и зонтиков до фраков и башмаков. Он написал письма директорам крупнейших американских универсамов, предлагая им скидку в 40 процентов от реальной цены, и приступил к дополнительному отбору и вывозу сокровищ из Ленинграда и Москвы. Начались для многих тогда непонятные метания Хаммеров между Америкой, Европой и Россией, когда Юлиус Хаммер сообщал, что ему необходимо посетить Москву, чтобы «уладить дела фамильной карандашной концессии и приобрести антиквариат и произведения искусства для галереи Эрмитажа на углу 3-й Восточной и 52-й стрит в Нью-Йорке». Такого музея в природе не существует, но это был адрес «Арманд Хаммер энд компани», — а «Эрмитажем» назывался их фамильный антикварный магазин.

И хотя грандиозная затея едва не кончилась крахом, с осени 1932 года открылся еще один мост по перекачке культурных ценностей за океан — через систему универсальных магазинов в Сент-Луисе и в Нью-Йорке. Фанфарно открытые здесь в январе

1933 года торги назывались так — «Хаммеровская коллекция русских императорских сокровищ из Зимнего дворца, Царского Села и других великолепных дворцов»: парча, ткани, парадные одежды, серебро, фарфор, стекло, иконы, ювелирные изделия Фаберже.

Особую страсть к романовскому наследию проявили состоятельные американки, и среди них знакомая нам Мариория Пост. А отчего бы и нет, ведь уровень цен был фанатически мал! Например, миссис Лиллиан Пратт из Вирджинии приобрела несколько сотен вещей. Фотографические рамки из серебра и драгоценных камней фирмы Фаберже с изображением членов императорской фамилии стоили от 60 до 275 долларов. Золотые карманные часы с бриллиантами, нефритовые трости, шкатулки и портсигары из золота, серебра, лабрадорита, нефрита и цветных эмалей с множеством алмазов стоили от 150 до 850 долларов. Десять личных икон Николая II и императрицы Александры в дорогих серебряно-эмалевых окладах стоили: с алмазной инкрустацией — 3500 долларов, без оной — 95—450 долларов. Императорская коронационная медаль была продана за 30 долларов, большой серебряный кубок — за 300 долларов, а два уникальных императорских пасхальных яйца из золота и жадеита с десятками алмазов фирмы Фаберже — за... 450 долларов каждое! Для сравнения скажу, что в 1985 году на аукционе «Сотбиз» аналогичное пасхальное яйцо было продано за 1 миллион 760 долларов, а когда после смерти Лиллиан Пратт ее коллекция поступила в собственность Музея изящных искусств в Ричмонде, она стала его главной достопримечательностью и величайшей гордостью.

Как видим, хаммеровские торги постигла участь немецких аукционов. И причина та же: рынок был завален товаром, и уровень цен катастрофически упал. К тому же в разгаре был кризис, и Хаммерам нужно было поскорее реализовать все это, чтобы вложить вырученные средства в новое дело. Арманд ударился в алкольный бизнес, а Виктор увлекся созданием в Нью-Йорке галереи Хаммеров, которая бы экспонировала и продавала сокровища искусства, поступающие из России. И хотя затея с продажей национализированного имущества американцам шла не по душе, весной 1934 года галерея была открыта, и вскоре там прошла серия сенсационных выставок-распродаж: «150 лет русской живописи» (июнь 1935 года), «Семь столетий русской иконы» (лето 1937 года), «Императорские пасхальные яйца Карла Фаберже» (осень 1939 года).

Вскоре у Хаммеров появился надежный партнер — друг Арманда парижский маршан Александр Шаффер, которому он оформил визу в Советский Союз, — и теперь уже тот совершал челночные рейсы через океан, посещая музеи Ленинграда и Москвы и пополняя за их счет фонды галереи Хаммеров и Рокфеллер-центра в Нью-Йорке. В 1934 году Шаффер устроил собственный аукцион «Русские императорские сокровища», а в 1937 году — выставку своих приобретений, которая затмила даже то, что выставляли Хаммеры.

Хаммеро-шафферовские выставки и торги стали значительным явлением в культурной жизни Америки. Они одели романовскими сокровищами весь высший американский свет и породили моду «a la Russe».

Сначала Шаффер, а потом и другие стали строить феенебельные виллы — копии романовских дворцов Петербурга — и обставлять их подлинными вещами. Не скупилась даже на мелочи. Когда выжили Елагин дворец, так чтобы украсить в «ностальгическом вкусе» его американский двойник, позарились не только на все, что там висело, лежало и стояло, но даже на бронзовые дверные ручки и шпингалеты! Газетчики окрестили Арманда и Александра людьми, «наделенными шестым чувством в торговле», а журнал «Тайм» назвал их «двумя самыми поразительными характерами в мире искусства». Последней сделкой друзей была продажа в 1940 году египетскому королю Фаруку богатой ювелирной коллекции Фаберже, за что Хаммер удостоился титула «Поставщик его величества короля».

Конечно же, Хаммеры были далеко не единственными, кто увлекался «поиском сокровищ Романовых». Этим нетрудно было заниматься, поскольку по дешевке перепродавали все, что имело отношение к династии: одежду и оружие, ордена и медали, посуду и мебель, гобелены и ковры, серебро и бронзу, картины, иконы, ювелирные украшения, библиотеки, предметы рукоделия и личного обихода, исторические реликвии, детские игрушки и даже... прах членов императорской фамилии из Петропавловского собора в Ленинграде! Распродавалось имущество Зимнего и Мраморного, Ново-Михайловского и Марининского, Елагина и Аничкова дворцов, дворцов великих князей Владимира, Павла, Сергея и Алексея Александровичей, Михайловского замка, дворцов Гатчины, Ораниенбаума, Павловска, Царского Села, Ропши, Стрельны, Петергофа, дач и особняков Ка-

* С 1924 года «Алмазный фонд СССР».

** Арманд Хаммер. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М., 1988.

* Впоследствии карандашная фабрика имени Сакко и Ванцетти в Москве.

менного острова, Петергофской дороги и окрестностей Ленинграда. Когда в сентябре 1941 года к великому городу подошли фашистские полчища, его великолепные дворцы были в той или иной мере уже разорены, многие из них — до основания.

Особо тяжелые потери понесли непревзойденные коллекции императорских ювелирных украшений (кольца, браслеты, диадемы, ожерелья, перстни, броши, заколки, запоны, подвески) и императорских корон. Три из них уцелели в собрании Гохрана и музеев Кремля. Но ведь корон в России было значительно больше! Их число определялось функциональным назначением короны. В частности, были брачные и церемониальные короны, которые надевали во время свадеб, а также по случаю празднеств и торжественных церемоний.

Так вот, многие из этих корон исчезли. Одну из них я нашел в каталогах английской королевской коллекции, а другую — русскую императорскую брачную корону — удалось отыскать в коллекции Мариорини Пост. Эта корона была изготовлена в 1800 году из знаменитого алмазного пояса Екатерины Великой и включала в себя 1535 алмазов. По традиции ее надевали при венчании русские императрицы от Марии Александровны (1824—1880) до Александры Федоровны (1872—1918). В Хиллвуд корона попала с аукциона, организованного в Нью-Йорке 6—7 декабря 1966 года известной антикварной фирмой «Сотбиз». Судьба остальных императорских корон мне неизвестна, но в числе пропавших назову стальную бриллиантовую корону мальтийского ордена с надгробия Павла I в Петропавловском соборе.

В России процветали десятки великолепных мастеров и фирм ювелирного искусства, чья продукция славилась по всей Европе. И судьба их наследия оказалась драматической. Особенно опустошительные потери пришлось на всемирно прославленную петербургскую ювелирную фирму Карла Фаберже, которая в конце XIX — начале XX столетия была законодательницей мод в мировом ювелирном деле и оказала непреходящее влияние на последующее развитие ювелирного искусства. Мастера фирмы обслуживали все царствующие дворы Европы и были удостоены высших наград на многих международных выставках, а в 1900 году на Всемирной выставке в Париже Карл Фаберже получил Гран-при и был удостоен ордена Почетного легиона, а парижские ювелиры единодушно признали его Мэтром.

В 1918 году великой ювелирной фирмы не стало. Но сохранилось огромное наследство — бесмертные творения ее мастеров — от оригинальных бытовых вещей и всяких безделушек, вроде «цветов Фаберже» и фигурок животных из драгоценных металлов, алмазов и самоцветов, до роскошных золотомалевых сервизов, натальных украшений и подлинных чудес ювелирного искусства — как «императорские пасхальные яйца» или миниатюрная золотая модель трансибирского экспресса работы Михаила Перхина. Так вот, из десятков тысяч изделий фирмы, созданных ею за полвека, в собраниях наших музеев и частных коллекциях осталось лишь около трехсот (!).

Особенно жестокой явилась утрата «императорского Фаберже» — и в первую очередь коллекции «императорских пасхальных яиц». Это были сувениры яйцеобразной формы, часто с сюрпризом внутри по принципу русской матрешки, которые члены царствующего дома дарили друг другу на пасху. Первое такое яйцо было изготовлено в 1886 году в мастерской Михаила Перхина; всего же им или его учениками было сделано 54 таких сувенира*. На их изготовление шли редкие сорта красного, желтого, белого и зеленого золота, серебро и платина, сотни алмазов, сапфиров, рубинов, изумрудов, разнообразные эмали, подолочные камни, жемчуг. Они не имеют аналогов в мировой ювелирной практике. Фантазия и мастерство ювелиров здесь неподражаемы! Из всех императорских пасхальных яиц у нас чудом сохранилось несколько — в собрании Оружейной палаты. Остальные ушли за границу, в том числе одиннадцать — в коллекцию Хаммера.

Когда с его подачи подобные вещи появились на западных рынках искусства, это стало сенсацией и вызвало «бум Фаберже», который не утихает и поныне. Лихорадочно формируются коллекции Фаберже, устраиваются выставки его работ, публикуются солидные монографии. А после грандиозной выставки 1977 года в лондонском музее Виктории и Альберта этот бум достиг апогея. Сейчас Фаберже ценится выше, чем Челлини и придворные ювелиры французских королей, его шедевры почитают иметь за честь крупнейшие музеи мира. У нас за истекшие полвека имена Фаберже и его сотоварищей преданы почти полному забвению. Не было ни одной персональной выставки, не издано ни одной монографии. Есть лишь пара статей в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» и «Декоративном искусстве СССР» да небольшие абзацы в трудах общего характера. О Фа-

берже даже не упоминается в Большой Советской Энциклопедии(!!).

Сейчас толпы страждущих осаждают Алмазный фонд, желая лицезреть несметные сокровища России. И многие всерьез полагают, что эта камерная выставка на склонах кремлевского холма и есть ювелирное богатство огромной страны, накопленное ее имущими классами за сотни лет!

Теперь, чтобы поглядеть на сокровища России, нужно пересечь океан или поспеть на выставки, которые иностранцы великодушно привозят к нам. Одна такая — «Сокровища из золота и серебра коллекции барона Тиссен-Борнемиса» — свернула два года назад в Ленинграде и Москве. Там было немало вещей, купленных отцом барона из Государственного Эрмитажа и национализированных царских коллекций. Да что говорить, если только на двух швейцарских аукционах «Кристи» в апреле 1975 и в ноябре 1977 года я насчитал 471 шедевр русского ювелирного искусства: иконы в дорогих окладах (включая «Введение Марии во храм» — подарок Николаю II от Троице-Сергиевого монастыря в честь 300-летия дома Романовых), несколько табакерок Екатерины II и Александра III с его золото-бриллиантовым вензелем, бриллиантовый знак императорского ордена Андрея Первозванного, принадлежавший Александру II, 325 изделий фирмы Фаберже (это больше, чем во всех наших музеях!) и более ста — фирм П. Овчинникова, И. Хлебникова, П. Сезикова и других, которые тоже были поставщиками «высочайшего двора», тоже получали высшие награды на международных выставках и тоже разделили участь наследия «великого Карла». И такие аукционы там идут уже шестьдесят лет!

Резюмируя, можно сказать: продавалось все, что имеет отношение к культуре. За период с 1922 по 1940 год состоялось свыше 30 крупных аукционов, множество тайных и публичных распродаж. По данным Роберта Вильямса, только за первые три квартала 1929 года Советский Союз продал на аукционах 1192 тонны культурных ценностей**, а за аналогичный период 1930 года — 1681 тонну. За два года это почти 4 тысячи тонн, а за шесть «пиковых» лет (1928—1933) — более 6 тысяч тонн (!). И это без того, что было переплавлено, продано по индивидуальным сделкам, через антикварные, букинистические и комиссионные магазины, скупку и иным путем.

Джозеф Дьюин в те годы в сердцах произнес: «Я не понимаю, как может нация так торговать своими сокровищами. Они их продают словно груз медной или оловянной руды». И он был прав. Эшелонами уходили ценности на распродажу, десятками эшелонов — в переплаву...

11 апреля 1938 года Народный комиссариат иностранных дел направил всем посольствам в Москве депешу такого содержания*:

«Протокольный отдел Народного комиссариата иностранных дел имеет честь обратиться внимание членов дипломатического корпуса на следующее:

Советское правительство отмечает значительную утечку за границу предметов антиквариата и искусства, имеющих художественную ценность для Советского Союза. Поэтому Главному таможенному управлению отныне отдан приказ выдавать разрешения на вывоз таких вещей в строгом соответствии с инструкцией Главного таможенного управления № 120 от 28 сентября 1928 года, копия которой прилагается...»

Поднятый на многие годы шлагбаум был наконец опущен. Времена менялись, и то, чем вчера бездумно швырялись налево и направо, становилось государственной ценностью и национальным достоянием. И хотя по Америке еще катились последние волны «русских выставок», опустошительная «культурная эпопея» подходила к концу. Она становилась историей. Наступали новые времена, а с ними и новые опустошения, ведь у порога страны стояла война...

Окончание следует.



* Судя по всему, он пользовался данными страховых компаний: ведь произведения искусства перевозились в специальных вагонах и контейнерах, страховались, а в страховом договоре указывался вес груза.
** Дается в обратном переводе с английского.

СУД ЧЕСТИ

В вашем журнале № 48 за 1988 год опубликовано письмо читателя Д. Оськина из Темиртау, в котором он обосновывает необходимость создания партийной адвокатуры.

После XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции в нашей партии и обществе резко возросла критика негативных явлений. Но с ростом критики возросли и зажим критики и преследование за критику. Судя по многочисленным выступлениям центральной печати и по фактам, известным каждому из жизни, немало честных, принципиальных людей испытали горечь поражения. Тут нужна товарищеская помощь, а точнее — партийная защита.

Создание института, способствующего защите коммуниста от необоснованных обвинений, может рассматриваться сегодня как одно из проявлений демократизации жизни партии.

Сейчас в партийных комитетах всех уровней, начиная с районного, по решению XIX Всесоюзной партконференции создаются контрольно-ревизионные комиссии. При них могут работать на общественных началах авторитетные, эрудированные коммунисты, активные проводники перестройки. Назовем их партийными консультантами. Коммунист, в отношении которого в первичной организации заведено персональное дело, должен получить право обратиться за помощью к одному из таких партконсультантов, причем выбрать его по своему усмотрению. Партконсультанту надо предоставить право знакомиться в первичной парторганизации с материалами персонального дела своего подзащитного, а также выступать при рассмотрении этого дела с аргументами защиты, начиная с первичной, а при апелляции — и в вышестоящих партийных организациях. Но если при полной объективности аргументов защиты, по мнению партконсультанта, не окажется, он должен об этом прямо сказать своему подзащитному и присутствующим коммунистам.

Партконсультант высказывает свое личное мнение по существу персонального дела, и коммунисты первичной организации вправе с этим мнением не согласиться. К тому же участие партконсультанта не снимает персональной ответственности с обвиняемого коммуниста, по делу которого и будет принято соответствующее решение.

К. А. ОСИПОВ,
член КПСС с 1955 года,
ветеран труда

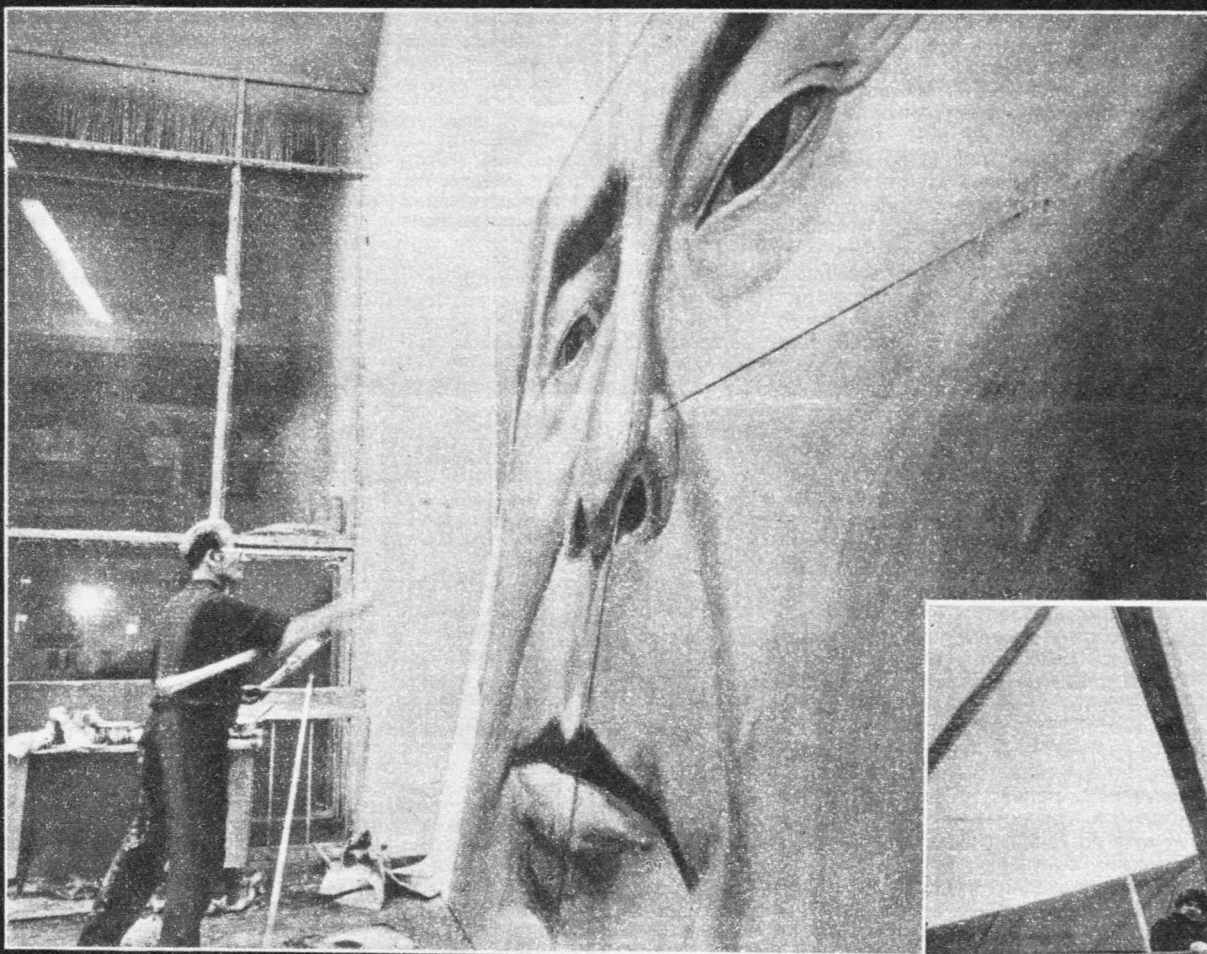
Согласен с Д. Оськиным, что разбор персональных дел порой становится судилищем, и обвиняемый коммунист не в состоянии защитить себя перед парткомиссией. Но из анализа вопроса в целом я делаю диаметрально противоположный вывод, отрицающий необходимость такой адвокатуры.

Вообще о партзысках необходим большой и серьезный разговор. Персональных дел в нашей партии слишком много. Я считаю недопустимой практику, когда взыскание выносятся не за партийные прегрешения. Нельзя решать, например, хозяйственные вопросы с помощью партийных «поощрений». А дело иногда доходит до курьезов. Некоторые наиболее активные и деловые хозяйственники имеют по три-четыре взыскания, из которых пара строгачей. Они сами с грустью относят их к почетным наградам. А бывает и так. В пылу административного угара партфункционер грозит: «Или партбилет на стол, или закончить в срок!» Вот и мается бедный хозяйственник, потому что в срок закончить дело все равно нет возможности. Все это не так смешно, как грустно.

Вся система партнаказаний — это пережиток сталинского режима. Она никак не вяжется с добровольным характером союза единомышленников, с демократическими принципами. Я против введения в партию адвокатуры, потому что за этим может последовать партпрокура и т. д. А это, извините, страшно, потому что напоминает мрачные времена, когда партзыскания вели к репрессиям, вплоть до расстрелов.

Предлагаю в порядке перестройки отказаться полностью от всего арсенала партнаказаний. А уж если совершит коммунист серьезный проступок перед партией, то рассматривать только один вопрос: достоин ли он оставаться в партии? В этом, увы, у нас явный недостаток, в партии остаются многие люди, запятнавшие ее своим поведением.

Б. ВОЛЬТЕР,
лауреат Государственной премии СССР,
доктор технических наук, профессор



РЕТРОВЕРНИСАЖ

Фотожурналист Валерий Щеколдин снимает острые социальные темы. В центре его творчества — современные проблемы человека. Сегодня у нас он выступает в стиле «ретро».



Но... плохо за часами наблюдали
Счастливые,
И нарочно Время замедляли
Трусливые,
Торопили Время, понукали
Крикливые,
Без причины Время убивали
Ленивые.

В. ВЫСОЦКИЙ

Песня об обиженном времени. 1975 г.

ДАМБА ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Волею обстоятельств мне почти одновременно пришлось заниматься историей первой жертвы СПИДа и письмами читателей, обеспокоенных ухудшением экологической обстановки в Ленинграде, протестующих против строительства так называемого комплекса защитных сооружений (в просторечии именуемого дамбой). Разные, казалось бы, далекие друг от друга проблемы. Однако невольное сопоставление их наводит на грустные размышления. О нас с вами. Нашей то ли беззащитности, то ли привычной покорности административной воле тех, кому сами же доверили право вершить свои судьбы. И сейчас, когда речь идет буквально о жизни и смерти, мы вновь оказались пассивной стороной, терпеливо ожидающей решения своей участи от равнодушных ведомств, для которых мы были, есть и будем абстрактными статистическими единицами.

Еще в первых генеральных планах развития Санкт-Петербурга архитектор Ж.-В. Леблон намечал обнести весь Васильевский остров по его периметру земляным валом, который поможет защитить горожан не только от вражеских набегов, но и от гнева морского царя.

Потом проектов было множество, наверное, не меньше, чем наводнений. И серьезных, и курьезных, вроде «атомного», автор которого, не мудрствуя лукаво, рекомендовал заложить в море, где-нибудь в районе Соснового Бора, сверхмощную бомбу. И в случае опасности — возникновении особо крупной нагонной волны — взорвать ее, чтобы лишняя вода ушла в образовавшуюся воронку.

Эффектно, не правда ли? А главное, дешево и сердито — не нужно что-то там изобретать, возиться со строительством. Ну а что до экологии, угрозы радиоактивного заражения, то автор просто душно советовал из двух зол выбирать меньшее, решать, что нам в критической ситуации предпочтительнее: либо тонуть, либо прятаться в бомбоубежище.

Из двух зол, по мнению многих, было выбрано... третье: несколько лет назад в районе поселка Горская начато строительство защитного комплекса. В отличие от бредовой идеи фантазера-любителя эта была подкреплена внешне солидными расчетами соответствующих НИИ и утверждена в самых авторитетных инстанциях. Что, однако, не помешало ее противникам отнестись к ней примерно так же, как нам с вами к «атомному» варианту. Среди противников новостройки были и проигравшие, те, кто обиделся на победителей только потому, что оказались отвергнутыми их собственные проекты. Но большинство все же составляли те, кто принципиально возражал против любого вмешательства в дела стихийные. Аргументы их были различны, но, в общем, все сходилось в одном: раз наводнения существуют, значит, они для чего-то нужны; ни звери, ни птицы не просили Петра Первого строить город именно в этом месте, но уж коли построили и живем, надо не спорить с природой, а мирно с ней сосуществовать и дань платить.

Эта дань, по некоторым подсчетам,

составляет 90,5 миллиона рублей ежегодно. Именно в такую сумму обходятся Ленинграду наводнения. В среднем. Рекордными оказались убытки 1924 года — 1 миллиард 270 миллионов рублей (в нынешних ценах). Еще больше — 4 миллиарда — заплатим, если подъем воды в Невской губе достигнет теоретически возможного максимума — 540 сантиметров выше нуля. Противостоят этому максимуму сможет только дамба.

Вроде бы экономические выкладки в пользу строительства выглядят весьма убедительно.

— Вот именно выглядят, — отмахиваются защитники природы. — Вероятность подобного катастрофического наводнения — один раз в 10 000 лет. А известно ли вам, что эпицентр взрыва Тунгусского метеорита, случись он чуть позже, находился бы где-то в районе Невского проспекта? Так давайте строить над городом сверхпрочный купол — где гарантия, что в следующий раз тот, кто запускает метеориты, промахнется? За десять тысяч лет всякое может случиться.

Ну а ежегодные убытки от рядовых наводнений?

— Докажите сначала, что они не завышены. К тому же вспомните хотя бы лето 1986 года и начните считать убытки, которые уже сейчас приносит дамба.

Тут крыть, как говорится, нечем — жаркое лето 1986 года существенно пополнило ряды противников строительства, стало печалью для тех, кто искренне озабочен судьбой природы.

Запашок у берега был еще тот. И грязи нанесло столько, что даже небрежливое мальчишки, готовые купаться в любом карьере, обходили привычные пляжи стороной. Ну а взрослые, недобрым словом поминая инициаторов стройки, штурмовали электрички, стремясь провести выходные как можно дальше от злополучной дамбы.

В общем, страсти разгорелись нешуточные, письма полетели во все инстанции, и в каждом упоминалось об экологической катастрофе, которая то ли уже случилась, то ли вот-вот произойдет. Стройку, естественно, предлагалось немедленно прекратить, а виновных — безответственных строителей, проектировщиков — строго наказать.

Волнения эти, с точки зрения «Ленгидроэнергоспецстроя», были совершенно напрасны — не ругать, а хвалить следовало управление за ударную работу. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось после выступления его начальника Ю. Севенарда на пресс-конференции, организованной руководством города.

Юрий Константинович Севенард убеждал журналистов, что дорога, проложенная до острова, — безусловное благо, и если ради поспешного ее сооружения чем-то и пришлось поступиться, то сделано это было во имя главной цели — скорейшего расширения фронта работ. «Строить надо быстро!» — вот лейтмотив его выступления.

«Поступиться», как водится, пришлось интересами природы. «Увлечшись прокладкой сквозной технологической дороги от Горской к Кронштадту, коллектив «Ленгидроэнергоспецстроя» не форсировал возведение водопропускных сооружений, предусмотренных проектом, не оставил и временных водообменных каналов в виде мо-

стов, за исключением того, что воздвигнут над северным фарватером», — так обрисовал сложившуюся ситуацию бывший тогда заместителем председателя исполкома Ленсовета Б. Суровцев. Сказано было достаточно мягко, ведь к людям увлеченным у нас относятся по меньшей мере снисходительно: романтики, мол, первопроходцы, с кем не бывает.

Однако романтики, как известно, в большинстве своем бескорыстны. Чего не скажешь о строителях, в погоне за пресловутыми «кубометрами» едва не задушивших Неву, перекрывших путь воде почти глухой перемычкой, что на какое-то время привело к почти полному перераспределению традиционных стоков. А тут еще нехоти для строителей грянула редкая в наших краях жара, и в атмосфере запахло не только гниющими водорослями, но и крупным скандалом со стороны обеспокоенной общественности.

Много, очень много народу кормится от этого пирога, и никому вокруг него не тесно — деньжищ-то прорва, на всех хватит, а не хватит, еще дадут, ибо деваться некуда: чем прочнее утверждается в заливе дамба, тем глубже увязает ответственный за эти средства чиновник, и каждый выигранный строителями день, каждый новый утопленный в Маркизовой луже червонец укрепляют уверенность заинтересованных лиц в необратимости происходящего. Идет, идет караван, и хоть тернист бывает путь, умные люди, стоящие во главе, пропасть ему не дадут. И не случайно, полагаю, ТАСС, который, как известно, бывает «уполномочен заявить» от лица всех нас, вместе взятых, заявил в своем отчете буквально следующее: «Однако, как и всегда вокруг крупных проблем, общественный настрой претерпевает изменения... Прежние годы были отмечены «единодушной поддержкой», когда нужна была немалая гражданская смелость, чтобы выступить с критикой проекта. Сейчас общественное признание легче завоевывается с позиций ниспровержения, мужество нужно уже для поддержки важного дела, объективного подхода к проблемам, затрагивающим каждого».

Такой вот пассаж... Если раньше «критиканам» грозили смиренной рубашкой, то сейчас им предлагается шутовской колпак искателей дешевой популярности. Носить, конечно, полегче, но престиж примерно тот же.

И тем не менее рискну утверждать, что сегодня (как и вчера) мужество нужно для того, чтобы остановить бульдозер. И признать очевидное: нельзя соваться в воду, не зная броду, нельзя продолжать эксперимент, последствия которого для города могут быть не менее катастрофическими, нежели падение Тунгусского метеорита.

Утверждаю это, исходя из презумпции невиновности природы перед человеком. И глубочайшей личной убежденности в том, что любой человек, поднявший на нее руку, непременно будет наказан. Если не сам, то в лице своих детей, внуков.

Несчастье этой стройки не в том, что еще на стадии проектирования были допущены какие-то стратегические ошибки, усугубленные в дальнейшем небрежностью исполнителей.

Беда в том, что ее вообще нельзя было начинать до тех пор, пока наука

не сможет дать абсолютно точный ответ о последствиях подобного вмешательства в экологию региона.

Сейчас же происходит нечто совершенно абсурдное: на строительстве комплекса освоено уже свыше 550 миллионов рублей капитальных вложений, и в то же время десятки НИИ по ходу дела лихорадочно латают дыры проекта, не ведая, что же из всей этой затеи получится.

Полагаю, то же самое, что получилось из постановления Совета Министров СССР от 16 июля 1976 года, где, в частности, намечались меры по обеспечению к 1985 году стопроцентной очистки городских стоков в Ленинграде. На котором, кстати, и основывалась работа по созданию проекта сооружения защиты.

Уж куда как серьезно было постановление, а Нева почему-то стала еще грязнее, и «стопроцентная очистка» по-прежнему остается миражем.

Более того, на глазах гибнет Ладога: некогда чистейшее озеро постепенно превращается в самую большую лужу Европы. Хорошо, конечно, что всеобщее разгоревшиеся страсти вокруг Приозерского целлюлозно-бумажного комбината позволили ликвидировать хоть одну сточную канаву. Но канав-то сотни!

Только Сясьский ЦБК ежегодно сбрасывает в бассейн Ладоги более семидесяти миллионов кубометров загрязненных стоков; свою черную лепту вносят десятки других крупных предприятий, посылые свинчат Агропром. Обнаружился и новый, совершенно неожиданный враг — гидроэлектростанции, действующие на Свири, Волхове, Вуоксе — реках, дающих озеру 85 процентов притока. Живая вода, проходя через их гидротурбины, становится, по сути, мертвой, не способной к естественному самоочищению.

И «зацвела» Ладога, повторяя печальную судьбу Цимлянского, Кременчугского, Харьковского и прочих рукотворных недоразумений, гордо именуемых «морями». Бывал я на их гнилых берегах, но и в страшном сне не мог представить, что подобная дурно пахнущая участь ожидает и родные северные водоемы.

Но Ладога — лишь начало скорбного пути... Жидкость, текущую в русле Невы, пока еще привычно называют водой, хотя классической химической формуле она, очевидно, уже не соответствует: великий «культурный» город добавляет в нее едва ли не всю таблицу Менделеева. И сам же, малость почистив, пьет эту смесь, умывается ею, использует на технические надобности. А отходы сливает у собственных ворот, все в ту же многострадальную Маркизову лужу, омывая ядовитыми стоками пригородные пляжи, всемирно известные ансамбли Петродворца, Ломоносова.

Невозможно представить степень экологической дикости бывших отцов города и уровень профессиональной нечистоплотности подведомственных им проектировщиков, ухитрившихся разместить выпуски очистных сооружений, по сути, в городской черте. Ведь знали же, что не «боржоми» или «Полострово» хлынет оттуда, а нечто, еще подлежащее обезвреживанию. И хлынуло...

Правда, принято решение Леноблсовета народных депутатов о мерах

по оздоровлению экологической обстановки и рациональному использованию природных ресурсов. Да вот беда — весь наш многострадальный путь к светлому будущему устлан благами намерениями. И потому нет никаких гарантий, что нынешнее решение местных властей окажется действенным вышеупомянутого постановления Совета Министров от 1976 года. Слова, они слова и есть, а здоровье Невы с каждым годом становится все хуже, поскольку нет у нее единого, ответственного за самочувствие реки, хозяина. И Ладоге только на то, чтобы залечить уже нанесенные раны, потребуется не менее тридцати лет.

Вот и думайте сами, можно ли было, не решив предварительно все эти проблемы, браться за строительство дамбы? Ведь как ни убеждай ленинградцев в том, что с ней им когда-то будет лучше, от здравого смысла никуда не денешься: куча песка и камней, сваленных в залив, — это прежде всего препятствие на пути нормального, природой установленного и выверенного стока воды, а уж потом «инженерное сооружение», целесообразность которого остается весьма сомнительной.

Причем сомнения эти не от тупого, бездоказательного упрямства: закрытые пляжи, рыба, которую невозможно есть, берега, заваленные гниющими водорослями, убеждают куда сильнее, нежели цифровые выкладки, свидетельствующие об относительном благополучии в акватории Невской губы.

Да и можно ли верить ведомственным цифрам и ученым разговорам о математическом моделировании одному богу известных процессов, зная, что компьютеры, к сожалению, сами сообщают еще не научены, обрабатывают лишь ту информацию, что заложили в них люди, по программам, составленным опять-таки не Пойейдоном. Уж на что, казалось бы, высок и в чем-то даже непрекращаем авторитет знаменитого ВНИИгидротехники имени Б. Е. Веденеева, ан глядя, на глазах разгорается новый высоконучный спор: не зависящие от гидротехнических интересов специалисты из Математического института имени Стеклова, взявшись за проверку используемых веденецевскими методик гидравлического исследования Невской губы, мягко выражаясь, усомнились в их корректности. Не берусь судить, кто кому чего докажет. Но разве не примечательен сам факт очередной дискуссии о надежности фундамента, когда небоскреба, считай, уже подведен под крышу? И таких несообразностей пруд пруди.

Удивляться этому не приходится. Ленинградская дамба — достойный памятник своему стаюному времени, построенный по его законам: без учета общественного мнения, на деньги, изъятые у народа. Полагаю, пришла пора разобраться, на что они потрачены. И крепко подумать, прежде чем снова допускать цепкую ведомственную ручку в наш и без того дырявый карман.

Миллионы, вылетевшие оттуда, уже не вернешь. Но еще можно, остановив строительство, с толком использовать оставшиеся, асигновав их на защиту Ладоги и Невы.

Что же касается судьбы комплекса, решать ее должно всем миром. Памятуя, что реально угрожают городу не волны, а министерский диктат.

С этой напастью можно справиться и без дамбы.

Когда материал был в наборе, пришло сообщение: творцы дамбы собираются осваивать новые миллиарды. Причем на этот раз в твердой заморской валюте. Под Ленинградом в Лисьем Носу (у северного окончания дамбы) предполагается возвести «большой центр» развлечений и аттракционов. Случайно ли выбрано место? И почему с такой поспешностью готовится заключение этой «сделки века»?

Рассказ о попытке «народного» обсуждения этого проекта читайте на 25-й странице.

Художница Фридл Диккер-Брандейсова родилась в 1898 году в Вене. Была известным дизайнером. В 1934 году после фашистского путча эмигрировала в Чехословакию. В 1942 году депортирована в гетто Терезин, где почти два года занималась с детьми рисованием. В октябре 1944 года в одном из десяти тысяч транспортных она была отправлена в Освенцим вместе со своими учениками. Погибла в Биркенау.

Елена МАКАРОВА

Рельсы, по которым «транспортеры смерти» увезли Фридл с детьми, заросли травой. Кое-где еще виднеется их тусклое, выжавшее железо. Эти же рельсы на рисунках детей обрываются у края листа, они никуда не ведут.

Терезин. Город в 60 километрах от Праги.

140 тысяч заключенных прошло «транзитом» через Терезин.

87 тысяч было транспортировано в лагеря истребления.

34 тысячи погибло в самом Терезине от болезней и истощения.

В 217 домах, казармах и в бараках проживало одновременно от 11 до 58 тысяч человек.

15 тысяч детей прошли Терезин. 1076 дождались в Терезине освобождения.

Привожу эти цифры для того, чтобы можно было себе представить (если такое можно представить!), в какой обстановке учила Фридл Диккер-Брандейсова детей.

И что еще более потрясает — она учила их систематически. В большинстве своем это были девочки десяти — шестнадцати лет из дома L-410. В Терезине не было названий улиц. Одни номера. Номеров было много — улицы, дома, блоки, нары, люди, — все строго учтено. Самый страшным из номеров был транспортный — тот, что выдавали перед отправкой на Восток.

Фридл жила в доме девочек, в маленьком закутке, в торце здания. Увидев эту «жилплощадь» сегодня, можно только удивиться, как мог здесь уместиться весь человек целиком. Но Фридл была маленькая, щупленькая, возможно, ей хватало места. Говорят, что там еще была табуретка и что выглядело все это даже уютно. Возможно. Например, знаменитый чешский писатель-юморист Карел Полачек жил в загоне для коз. И тоже был весьма доволен, что имеет такую «романтическую» квартиру. Вечерами он приходил к мальчикам из дома L-417, читал им лекции о русской литературе. Он любил Гоголя. Не с его ли подачи поставили в Терезине «Женитьбу»?

«Здесь можно было бы жить прекрасно, среди замечательных людей, если бы не постоянный страх, что нас отправят дальше», — писала Фридл в одном из последних писем.

В ночь перед отправкой в Терезин она красила полотно в разные цвета. О чем она думала в ту ночь, перед депортацией? А вот о чем: сразу же по прибытии поставить с детьми спектакль. Если дети спрячутся под зеленое полотно, будет лес... С такими идеями шла она пять километров от Богумишце до Терезина, неслась на себе 50 кг ноши — бумагу, краски, карандаши, ткани.

В благодарности за теплые вещи, что дал в дорогу Йозеф Вавричка, Фридл подарила ему картину. «Гитлер приглашает меня на свидание», — сказала Йозефу Фридл. Вавричка смутился —

слишком уж ценный подарок. «Что вы, я писала это всего четыре часа», — махнула рукой Фридл.

Уроки рисования происходили на чердаке дома. По воспоминаниям Евы Штиховой-Бельдовой, которая короткое время была ученицей Фридл и ее помощницей (помогала подписывать рисунки), на чердаке стояли стол и две лавки. Их смастерил муж Фридл, Павел Брандейс.

Детские рисунки, конспект лекции Фридл для учителей и педагогов — все это было найдено в домах и бараках Терезина после войны. Папки, в которые Фридл аккуратно складывала детские работы, не сохранились. И теперь невозможно воспроизвести ни очередность уроков, ни состав каждой группы.

За столом, на чердаке, размещалось от силы пятнадцать детей. Сколько таких занятий могло быть за вечер? Одно или два? За вечер — потому что дети от 12 до 16 лет обязаны были работать. Или в огородах (выращивали овощи для нацистов), или на территории Терезина. К прибытию Международного Красного Креста дети чистили асфальт своими зубными щетками.

Урок начинался с разминки. Ритмических упражнений. Здесь Фридл использовала метод своего учителя из Баухауса, Йоганеса Иттена: «Если я хочу почувствовать и пережить линию, я должен двигать рукой в соответствии с ходом этой линии, ибо я должен следить за линией в своих чувствах, т. е. двигаться в своей душе. Наконец, я могу ощутить эту линию духовно, узреть ее, и тогда я двигаюсь в духе».

«Метод ритмических упражнений призван сделать самого художника и его руку открытыми и гибкими... Благодаря этим упражнениям дети извлекаются из зрительной и мыслительной рутины, они уже предвкушают дальнейшую работу, полную веселья и фантазии. Выполнение упражнений сосредоточит детей, даст им общий импульс», — так комментирует Фридл начало, ввод в общее действо.

Голод, грязь, тиф, конвой, зона — все оставалось за пределами чердака. Голодные, измученные дети погружались в иное пространство. Подхватывали заданный Фридл ритм, выводили на оборотной стороне листа эллипсы, синусоиды, круги и кривые. Такая же работа проделывалась и с цветом — составлялась цветовая шкала, сбоку, на листе, именно этими цветами предстояло «манипулировать», причем в заданном на той же шкале ритме.

Тематическим урокам предшествовал рассказ. Рассказы были короткими, но эмоциональными. Часто дети должны были вообразить себе то, что никогда не видели, или видели, но забыли. Свободные темы чередовались с натюрмортами и копированием картин Боттичелли, Крампа, Джорджоне...

Будучи знаменитым дизайнером, изысканнейшим живописцем и графиком, Фридл владела целым спектром выразительных средств. Фридл-художник преображала мир своим уникальным зрением. Потребность что-то делать ру-



Фридл Диккер-Брандейсова. 1898—1944.

ками — шить, конструировать, лепить, рисовать — была у нее с раннего возраста. И потому еще ей было легко с детьми.

В ход шло все: нитки, обрывки бумаги, тканей, бланки, раздобытые в канцелярии. Из этих бланков дети творили чудеса. Чтобы держать ритм композиции, разграфленные обрезки сопрягались по вертикалям и горизонталям, каждая линия — графа бланка работала на ритмический строй целого.

«Занятия рисованием не ставят целью сделать из всех детей художников. Они призваны освободить и полностью использовать такие источники энергии детей, как творчество, самостоятельность, пробуждать фантазию, укреплять природой данные способности к наблюдению и оценке действительности... Чего следует ожидать от творческого рисования? Прежде всего — стремления ко всеобъемлющей свободе, именно в ней реализуется ребенок».

— Это написано в концлагере. Значит, и за колючей проволокой можно оставаться свободными.

«Тем, что мы предписываем детям их путь, детям, которые, помимо всего прочего, развивают свои способности резко неравномерно и разновременно, мы отлучаем детей от их собственного творческого опыта. ...Учитель должен придерживаться самой большой сдержанности в оказании влияния на ученика. Даже тот учитель, кто обладает вкусом и художественными задатками, может закрепить ребенка в его эффектно, но примитивном способе рисования, может привить ему прежнее академическое... Ребенок податлив и доверчив. Он жадно вбирает в себя указания взрослого. Следуя ему, он немедленно получает результат. И верит, что благодаря средствам, полученным от учителя в готовом виде, сможет выиграть в том соревновании, что навязано ему извне. Таким образом, ребенок отторгается от своих собственных задач. На этом пути он сначала теряет личные средства выражения, адекватные его жизненному опыту, а затем и сам этот опыт. Слишком раннее усвоение готовых форм ведет к закреплению личности».

...Полтора месяца ушло у меня на то, чтобы не только рассмотреть каждый рисунок, но и зарисовать в блокноте многие из них. Так было проще, естественней следить за графической мыслью маленьких художников и тем самым проникать в мысли Фридл. Она учила детей в концлагере компоновать... Иногда где-то сбоку в прямоугольнике ее рукой выстроена композиция будущей работы. Расставлены акценты, задан ритм.

...Что остается, когда не остается ничего?

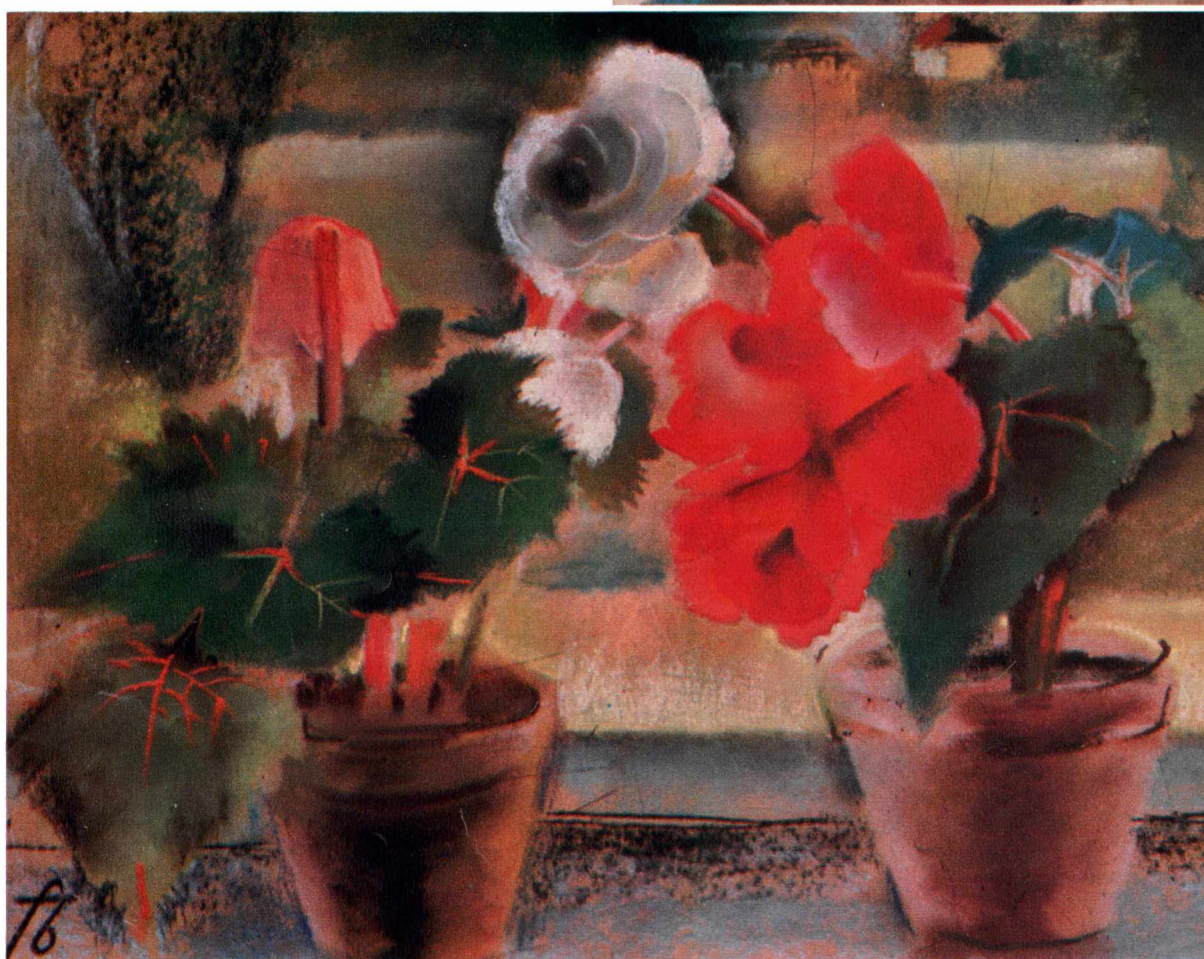
Воздух отравлен, земля смердит, уходит на Восток поезд смерти. Но еще есть клочки чистой бумаги, еще не все карандаши сточены, не все нитки вшиты в бумагу, и еще есть дети, еще не всех загрузили в скотские вагоны, еще не всё, не всё, не всё...



ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ. 1943—1944.



ЖЕНЩИНА
С ВЯЗАНИЕМ ЗА СТОЛОМ.
1938—1940.



БЕГОНИИ НА ОКНЕ. 1936—1938.



В начале это был семинар как семинар: авторы проекта подробно и скрупулезно излагали свою идею, приглашенные эксперты давали справки и обосновывали актуальность, чиновник из управления культуры сулил неисчислимыя блага для города. Но закончился семинар скандалом: председательствующий отключил микрофон, и академическое собрание обернулось незапланированным митингом и сбором подписей.

ЛИСИЙ НОС и ВОЛЧЬИ УШИ

Устроителей семинара было пять: Главное управление культуры исполкома Ленсовета, Институт культуры имени Н. К. Крупской, Высшая профсоюзная школа культуры, Ленинградский институт авиационного приборостроения и Дом ученых АН СССР. И тема звучала вполне респектабельно, хотя и громоздко: «Проблема создания нового Большого культурного туристского и развлекательного центра в районе Морская — Лисий Нос — Горская — Левашово в контексте социальной инфраструктуры Ленинграда».

Лисий Нос — это рядом с городом, как раз против Кронштадта. Там, где уже возведена в Маркизовой луже первая очередь дамбы. Там, где старинное название Финского залива оказалось пророческим: лужа зацвела, и купаться на бывших ее пляжах «категорически не рекомендуется».

Впрочем, сначала казалось, что сближение тут только географическое: почему бы «Большому культурному центру» не оздоровить и экологическую обстановку этих мест? Ведь организаторы еще в первый день семинара дали и экологическое, и даже гидрологическое обоснование своей идеи. А один из докладов вообще звучал: «Туристские подводные аппараты!»

Да и сам проект вроде бы не был сенсационной новостью. Первые публикации о нем пришли на самый конец застоя. Потом лет на пять о суперсовременном «городе удовольствий» забыли.

Мы забыли. Но где-то в тиши поскрипывали рейсфедеры, и завкафедрой Ленинградского института авиационного приборостроения М. Игнатьев (крестный отец и вдохновитель идеи) формулировал то, о чем общественность узнала, встав в очередь к газетному киоску на рассвете 19 декабря 1988 г. Опубликованная под рубрикой «Дерзкие проекты» статья в «Правде» называлась несколько странно: «У лукоморья в век двадцатый».

Но еще более странным был сам текст, для пущей наглядности снабженный перспективным рисунком недалекого будущего Лисьего Носа.

«Была бы хорошая идея, а миллиард другой всегда найдется», — восклицал М. Васин, автор этой публикации, и подробно излагал идею совместного (с фирмой американского бизнесмена Сайруса Итона-младшего) предприятия. Идею простую и незамысловатую: Ленинграду нужны деньги, и нам их дадут в твердой валюте, если мы построим у себя «Диснейленд». Разумеется, не типовой, а истинно российский.

Как добиться последнего, объяснялось наглядно.

Берем пушкинское «У лукоморья дуб зеленый...» и воплощаем на местности: дуб — дубовая Петровская роща (она уже есть). «кот ученый» — «деревня клоунов и мимов», которую еще надо построить на миллиарды заокеанского сказочника. «Избушка без окон, без дверей на курьих ножках» — это... ра-

кета. В проекте избушке соответствует «Космический уголок площадью в несколько гектаров, насыщенный соответствующей техникой».

Что дальше в пушкинском «перечне»? (Выражение М. Васина.) «Колдун несет богатыря» — «на северо-западе схемы имеется небольшой аэродром».

«Лес и дол видений полны» — стерео и компьютерные кинозалы.

«Тридцать витез» — сооружения для физкультуры и спорта.

Правда, не нашлось у классика прототипа «кибернетической горы — гибрида дворца форумов, торгово-сервисных зданий и спортивно-ландшафтных сооружений для пеших прогулок, катания на горных лыжах и санях».

Зато с иными материями все в порядке: «И наконец, «русский дух». Об этом позаботились, в частности, Музей этнографии народов СССР».

И все это будет воплощено в железобетоне году уже в 1992-м. Если, конечно, сделка века состоится.

А пока М. Васин делится и соображениями о будущем центра Ленинграда:

«В Петербурге была своя особая культура, о которой мы почти ничего не знаем. Между тем многое из этой культуры сохранилось. Сколько одних только дворцов!..»

Исходя из столь глубоких представлений о классическом наследии, автор статьи вслед за авторами проекта и предлагает план компьютерного «дворцового переворота»: «Почему бы для любителей старины не организовать своеобразный аттракцион «Блистательный Санкт-Петербург»? Но для этого (как, впрочем, и вообще для нормальной жизни ленинградцев) необходимо реконструировать центр города».

Прелесть? И каждая строка, словно отлита из того золота, которое Буратино закопал в известной сказочной стране. А «поле чудес» — это «аттракцион «Блистательный Санкт-Петербург», с реконструированным для пользы и нормальной жизни ленинградцев Невским, стрелкой Васильевского и Петропавловкой».

Не потому ли благодарные граждане и отправили в адрес центральных органов власти письмо, отрывок из которого мы и приводим:

«Развлекательный центр никогда не будет служить местом постоянного отдыха и занятий спортом для ленинградцев и ни в коей мере не восполнит колоссальную нехватку стадионов, бассейнов, клубов, районных культурных центров. Эта нехватка особенно болезненна для молодежи. Наивно полагать, что она будет проводить свой досуг в Развлекательном центре наравне с интуристами».

Печальный опыт экономической и экологически необоснованной гигантомании пока дал примеры, подобные Кара-Богаз-Голу, Аралу, БАМу, Киришам, Ладоге. Гигантский комплекс в Лисьем Носу резко ухудшит стоящую на грани катастрофы экологическую обстановку в восточной части Финского залива...

Приток иностранной валюты, которым авторы проекта намереваются заткнуть

дыры городского бюджета, немедленно прекратится, как только перегруженный нечистотами и промышленными выбросами залив перестанет быть притягательным для интуристов.

Вопреки всем правилам честного и объективного выбора варианта проекта не прорабатывались варианты альтернативные. Не было открытого конкурса и обсуждения идей. Предложенный группой Игнатьева проект отчетливо отражает узко ведомственные интересы такой организации, как «Ленморзащита». Именно ей будет поручено выполнение работ нулевого цикла. Именно она, завершив работы по строительству пресловутой дамбы, бросит свою технику и рабочую силу не на жилищное строительство в Ленинграде, а на варварское уничтожение Левашовской пустоши.

Леса, перелески и луга Левашовской пустоши дают кислород и оздоравливают воздушный бассейн северо-запада Ленинграда. Уничтожение даже одного гектара Зеленой зоны вокруг города — преступление. Лахтинская пойма является небольшим природным заповедником, расположенным непосредственно в черте города и планомерно разрушаемым строителями дамбы. Теперь ему грозит окончательное уничтожение.

Заросли камыша вдоль берега залива от Лахты до Горской — естественный фильтр, восполняющий совершенно недостаточную функцию очистных сооружений. Это место гнездования тысяч птиц, место нереста многих видов рыб. Болота Левашовской пустоши питают питьевой водой многочисленные поселки по обеим ветвям железной дороги.

Над Ленинградом нависла угроза острой нехватки питьевой воды. Многие иностранные туристы уже сегодня приезжают в Ленинград со своими запасами питьевой воды. В окрестностях Ленинграда после долгих поисков разведано только одно достаточно большое хранилище чистой питьевой воды. Оно в недрах Левашовской пустоши, под той землей, которая на 50 лет будет передана в полное распоряжение иностранных фирм...

Есть данные о том, что в Левашовской пустоши находятся захоронения людей, уничтоженных во время сталинского террора. После подтверждения этих данных Ленинград обретает свои Курапаты, и размещение здесь шоу-бизнеса можно рассматривать только как кощунство.

По любому из вариантов проекта подлежат сносу части поселков Лисий Нос, Горская. Не исключено, что поселки будут сметены и целиком. Люди сгоняются с мест, где они родились и выросли. Возможно уничтожение дорогих многим людям памятников: кладбища с братскими могилами, остатков Малой дороги жизни, обелиска на месте казни революционеров, дубовой рощи, посаженной Петром I.

Вся прибрежная полоса до поселка Ольгино включительно относится к зоне благоустроенной курортной земли. Такие земли подлежат особой охране».

Только под этим письмом 254 подписи.

На семинаре по проблеме создания «Большого центра», который 23 и 24 января проходил во Дворце культу-

ры имени А. М. Горького (узком и почти законспирированном), в защиту проекта выступали лишь чиновники из управления культуры исполкома да сами разработчики этого басурманского (даром, что в стиле а ля рус!) плана.

Есть у Д. С. Лихачева небольшая работа, где он убедительно показывает: Манилов — не просто мечтатель и не безобидный фантазер. Манилов — вполне конкретный тип николаевского чиновника, причем не мелкого, а очень крупного, государственного масштаба.

Видимо, Гоголь угадал здесь что-то такое, что надолго пережило и саму романовскую империю. Тип бюрократа, сумевшего-таки в иных социальных и исторических условиях воплотить свою заветную мечту о мосте (читай дамбе, БАМе, граде аттракционов) аж до самого Санкт-Петербурга и под конец задумавшего превратить в аттракцион и сам центр северной столицы. (Разумеется, реконструировав его по своему вкусу «для пользы народонаселения оно!»)

Вот и возникает в его мозгу «огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву» (Н. В. Гоголь), и «Большой центр» с «зонами всех флагов мира», и «небольшими морским и воздушным портами» (М. Васин).

Упорно он пытается воплотить в материале миражи ведомственных манилов.

Ленинградцы не против туризма. И не против аттракционов с самой современной электронной техникой. И от помощи западных фирм не откажутся.

«Диснейленд» — вещь полезная. Но не в Лисьем Носу. Еще и потому, что физически невозможно представить в алмазном венце Ленинграда (Петродворец, Ломоносов, Гатчина, Павловск, Пушкин) такой компьютерный «бриллиант».

Можно и нужно найти другое место, и необходимо объявить конкурс, поставив этим заслон дилетантшине и пошлости.

И только после заключения соглашения с тем же С. Итоном.

Это ясно прозвучало на семинаре, скажем, в выступлении архитектора Александра Семочкина, предложившего вместо технократической псевдосказки проект культурно-экологического и ремесленного центра Северо-Запада. И в выступлении художницы Татьяны Гоголевой, и во многих других выступлениях, наполненных болью и стыдом за один только факт существования «проекта века».

Может быть, впервые на этом семинаре публично прозвучал и другой голос: от имени ленинградской епархии настоятель Князь-Владимирского храма в Лисьем Носу протоиерей О. Бекаревич мягко, но недвусмысленно сформулировал отрицательное отношение православной церкви к проекту «Большого центра».

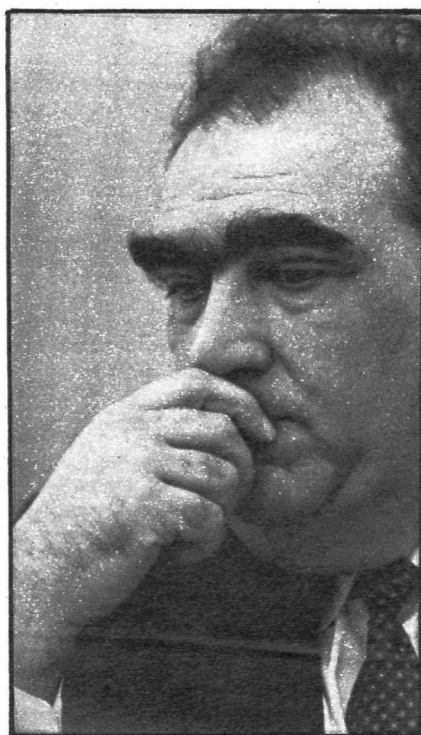
Но разводит руками мудрый чиновник: не хотят ленинградцы в их чудорай. А ведь для их же блага, для их блага проектировали...

Николай КОНЯЕВ
Андрей ЧЕРНОВ

Председатель Всесоюзного объединения «Совэкспортфильм» Олег Александрович РУДНЕВ дал интервью нашему корреспонденту Дмитрию БИРЮКОВУ.

ВОТ ТАКОЕ

«Совэкспортфильму» столько же лет, сколько и советскому кинематографу. Но так уж сложилось, что на протяжении десятилетий никто не ругал это объединение. Вернее, ругали, но это очень редко доходило до печати. Но вот в последний год-два критический тон в адрес «Совэкспортфильма» стал приобретать просто угрожающий характер. Речь шла о том, что из-за этой организации чуть ли не срывается выход наших фильмов на международную арену, и более того, что «Совэкспортфильм» препятствует закупке зарубежных лент. Разъяснить ситуацию мог только сам председатель Всесоюзного объединения «Совэкспортфильм» Олег Александрович Руднев. И мы рады будем, если обсуждение задетых в интервью вопросов продолжится нашими читателями, специалистами кинопроизводства и пропаганды кино.



— Олег Александрович, я знаю вас давно. В мире кино вы профессионал. Драматург, автор сценариев нескольких фильмов, в том числе и многосерийного «Долгая дорога в дюнах», лауреат Государственной премии СССР. К тому же вы были Председателем Госкино Латвии, а значит, знаете кино с обеих сторон: и как творец, и как функционер. Ну и наконец, я знаю вас как человека, обладающего способностью принимать нестандартные решения, что вы с успехом продемонстрировали еще на посту первого секретаря горкома партии Юрмалы. Объясните, пожалуйста, так все-таки что же происходит с «Совэкспортфильмом»? Вы действительно так виноваты?

— Что происходит? Во-первых, нам удалось разьяснить руководству, что «Совэкспортфильм» не самая вредная и не самая ненужная организация в нашей стране. Нас стали укреплять, стали уделять больше внимания, позволили даже перейти на хозрасчет. Кстати, за этот год мы подняли стоимость наших кинолент за рубежом на 48 процентов. Во-вторых, нас объединили с «Совинфильмом». Так что мы сегодня обладаем самыми широкими полномочиями.

— Таким образом вы стали монополистами?

— Нет. Сегодня киностудии имеют право самостоятельно заниматься внешнеторговой деятельностью.

— Все же я не могу понять, вы уже год работаете в новых условиях, вам предоставлены самые широкие полномочия, и, казалось бы, вы в первую очередь заинтересованы продавать за рубеж как можно больше наших картин, но вы этого не делаете.

— Нет, здесь вы не правы. Продаем мы очень много. Другое дело, как нас смотрят и знают за рубежом. Вот здесь

ситуация странная. Одна из ее причин — наши отношения со студиями. Нас можно сравнить с официантами, которых ругают за плохую работу ресторана. Конечно, официанты могут переодеться, сменить сорочку, могут начать быстрее бегать, улыбаться, станут сами стирать скатерти. Но, извините, а что они будут подавать на стол? Так, может быть, все дело в кухне? Давайте попробуем заглянуть на нашу отечественную кинокухню. Предлагаю вам несколько высказываний. Элем Климов на пленуме Союза кинематографистов заявил, что мы в последние пятнадцать—двадцать лет залили советский экран серым потоком бездарности. Андрей Смирнов на совместном заседании секретариата Союза кинематографистов и коллегии Госкино СССР заявил, что сегодня 90 процентов наших кинопроизведений не привлекает советских зрителей, потому что они бездарны. Секретарь Союза кинематографистов Роман Быков на том же заседании с горечью отметил, что нам надо думать не о завоевании мирового экрана, а о восстановлении авторитета у собственного зрителя. Спрашивается, что же нам остается? Залить этим серым потоком зарубежный киноэкран? Мы, как и наши зарубежные партнеры, надеялись, что, когда будут сняты все запреты, из ящиков столов полезут сценарии, режиссеры и актеры, воодушевленные этими сценариями, создадут наконец настоящие произведения. Ничего этого не произошло. То, что мы называем лучшим, не нашло интереса у зарубежного кинозрителя.

— Так уж и не нашло?

— Даже наши самые ударные картины, такие, как «АССА», «Завтра была война», «Холодное лето 1953...», не завоевали зарубежные аудитории. Я уж не говорю о «Ворах в законе». По «Холодному лету 1953...» американцы



ответили определенно: «Если это вестерн — делайте как вестерн. Если драма — то как драму. Но вы же все смешали в одну кучу — и не интересно, и не страшно».

— Так, может, для них специально надо делать фильмы?

— Боже упаси. Наш, к сожалению, богатый (в этой области) опыт показал, что любая картина, сделанная якобы для них, обречена на неудачу. Как только мы говорим о себе, не выдумывая, не фальсифицируя, — то все в порядке.

— А может, они просто не хотят смотреть советские картины?

— Что ж, вопрос очень справедливый и принципиальный. Да, многие не хотят. Уж больно долго и последовательно мы отбивали у них это желание. Впрочем, как и у советских зрителей. Знаете, мне всегда становится холодно, когда я думаю, в каком мы долгу перед советским и особенно перед зарубежным зрителем.

— Почему особенно перед зарубежным?

— Да потому, что наши люди хотя бы понимали, из-за чего мы ловчим, изворачиваемся или просто лжем. А зарубежный зритель... Тот просто ничего не понимал и представлял нас монстрами. К сожалению, этого не понимают некоторые наши творцы. Как же так? Я же своими глазами видел, как рвутся на наши фильмы. Здесь следует объяснить, что своего зрителя за рубежом находит практически любая лента. Даже самый, самый худой фильм посмотрят в министерстве обороны, кино-критики, русскоговорящая интеллигенция и люди, которым просто по специальности необходимо знать все, что у нас происходит. Именно эта аудитория очень часто вводит в заблуждение наших создателей фильмов. Ой, говорит мне один режиссер, ты бы видел, как плакали, когда смотрели мой фильм. Почему ты не продал его? Почему мой фильм не видит вся Америка или вся Франция?.. Никогда не забуду, как покойный Сергей Юткевич добивался, чтобы мы широко представляли в коммерческой сети Франции его ленту «Ленин в Париже». Не помогали никакие доводы и аргументы. Фильм у нас не брали даже бесплатно. Мы же должны были заставить французов смотреть его в кинотеатрах. В таких случаях кое-кто прибегает к испытанным, не очень честным приемам: «Не хотите рекламировать мой фильм — не умеете работать».

Что ж, с рекламой, и не только фильмов, у нас дело действительно обстоит плохо. Хотя сейчас в этом плане предпринимаются серьезные шаги. Но хорошо бы понять самое главное: тому, кто покупает фильмы, реклама не нужна, ему нужен товар. Реклама нужна для зрителя. Особенно реклама на советские фильмы. Что же касается умения работать — трудно не согласиться. Если бы умели, не потребовалась бы перестройка, не пришлось бы говорить, кричать о катастрофе в советском кинематографе. Будем учиться, будем уметь. Но и здесь хочется отметить одну деталь. «Знаете, — признался мне на недавней встрече директор лос-анджелесского кинорынка господин Розенфельд, — я занимаюсь кино более сорока лет и не устаю поражаться творцам. Если фильм идет с успехом — это их заслуга. Если его не смотрят — то во всем виноваты прокатчики».

К сожалению, факты остаются фактами. Аудитория специалистов — это не массовый зритель. В массовом прокате в США ни один советский фильм на равных с их собственными никогда не был, за исключением «Москва слезам не верит». Можно винить в этом «Совэкспортфильм», можно говорить о том, что Запад препятствует показу наших лент по идеологическим мотивам. Но давайте все же отойдем от догм и начнем придерживаться здравого смысла. Допустим, что западный мир хочет ограбить себя от проникновения нашей идеологии. А страны социалистического содружества? А советский зритель?

— А вы сами знаете, почему создается такое положение?

— Да, мы нередко задаем себе эти вопросы. Впрочем, не только себе, но и нашим коллегам за рубежом. Ведь кому, как не им, лучше знать, что хочет их зритель. Вот что сказал мне известный японский киновед:

«Ваше кино жестоко, невероятно жестоко. Вы не представляете себе, как оно неприятно нашему зрителю. Вы все время в фильме говорите на несколько



тонов выше. Ваши диалоги начинаются с решительного «нет». У вас даже муж с женой в кадре разговаривают в повышенных тонах, без конца выясняя отношения. Мы не понимаем, когда вы воинственно, активно, напором, а не разумом пытаетесь утвердить истину. Мы, японцы, когда разговариваем, даже в глаза друг другу не смотрим, чтобы не оскорбить какой-то тенью во взгляде. Научитесь слушать. Мы тоже не всегда соглашаемся друг с другом, но мы умеем слушать. Вы не слушаете — вы утверждаете, причем утверждаете криком».

А вот что сказал Жан Луи Рубен, президент компании «XX век Фокс»: «Не буду с вами лукавить, не обижайтесь только. Зрителю неприятно то, что вы проповедуете. Неприятна сама философия ваших фильмов с воинственной уравниловкой. Тот образ жизни, который вы создаете на экране, не привлекает».

Вот два мнения специалистов. Мы можем их отвергнуть, с ними не согласиться. Но можем ли мы что-либо возразить, причем сделать это со знанием дела? Нет, не можем. Мы никогда не изучали зрительского восприятия за рубежом и не проводили никаких исследований в этой области. А действительно интересно, как в том или ином регионе мира зритель воспринимает советские картины — понимает ли, соглашается ли? К этой работе мы приступаем только сейчас.

— **А как объяснить то, что, несмотря на отсутствие научных данных, наше документальное кино пользуется**

ся популярностью во многих странах?

— Потому что документальное кино способно оперативно, точно и доступно ответить на массу неясных для зарубежного зрителя вопросов. Но когда наши документалисты говорят, что Запад готов принять все наши сегодняшние фильмы, — это не так. Интересуют только те ленты, где затрагиваются проблемы, волнующие аудиторию той или иной страны.

— **Олег Александрович, а может быть, хозрасчет решит все проблемы.**

— Меня беспокоит то, что у некоторых наших кинорежиссеров представление о хозрасчете носит примитивный, я бы сказал, даже вульгарный характер. Ведь окупаться и самофинансироваться мы можем только благодаря своему таланту, своей способности увлечь зрителя. При этом мы должны хорошо помнить, что человеку для его полноценного развития, созидания и отдыха нужна самая широкая программа кинопроизведений — веселых и грустных, сложных и простых, для широкого круга и для эстетов. Единственно, чего ему не надо, так это скуки и вранья. Он уже сыт этим по горло. Казалось бы, вот здесь нам и задуматься о своем творчестве, ведь только оно может принести нам желаемые дивиденды, и моральные, и материальные. Нет, наши главные промыслы — как делить доходы, как прижать друг друга. И при этом всем не дает покоя, манит и зачаровывает блеск доходов американской кинематографии.

— **Но ведь именно хозрасчет сдвинул в свое время американское кино.**

— Во-первых, мне даже неловко сравнивать условия, в которых находилось и находится американское кино, и наши возможности. Достаточно назвать среднюю цену производства одного фильма в США: она составляет свыше 20 млн. долларов. Трудно даже представить, сколько американцы вложили средств в пропаганду и утверждение своего кинематографа.

Но даже при этом из всего фильмопроизводства США (а это примерно 350 картин в год) окупается лишь 60 фильмов. Американское кино получает колоссальные пожертвования, которые идут от государства или из благотворительных фондов. И об этом не следует забывать. Коль скоро вы заговорили о деньгах, то давайте представим себе фантастическую ситуацию. Предположим, Совет Министров выделяет нам столько миллиардов рублей, сколько и американцы. На лучшую пленку, на лучшие монтажные столы, на оплату труда, а нам дает право арендовать любые кинотеатры в любом городе мира. Можем мы в этом случае обещать, что весь мир станет смотреть наши фильмы? Я в этом не уверен.

— **Я тоже. Ведь нужна реклама, а с рекламой у нас дело обстоит плохо. Кстати, масса претензий к «Совэкспортфильму» основана на том, что за рубежом просто не знают, какие у нас выходят картины.**

— Не могу с вами согласиться. Существуют международные профессиональные правила о системе информации, которых придерживаемся и мы. Прежде всего мы изготавливаем каталоги художественных, мультипликационных и документальных фильмов и тут же отправляем их всем нашим зарубежным партнерам. Около шестидесяти фильмов мы отправляем за рубеж нашим представителям на пленке (имеются в виду новые фильмы, всего же мы отправляем за рубеж значительно больше — свыше 500), записываем картины на видеокассеты и также рассылает своим партнерам, участвуем во всех мало-мальски серьезных кинорынках, приглашаем за свой счет в Москву десятки делегаций для отбора наших картин, устраиваем каждый год по пять закупок для соцстран и т. д. и т. п. При этом картины наиболее известных советских режиссеров последовательно и упорно направляем с рынка на рынок.

— **Вы можете привести пример?**

— Пожалуйста: «Чучело», «Плюмбум», «Или Опасная игра», «Иди и смотри», «Тема», работы Параджанова, Сокурова.

Кстати, сейчас в рекламе советских фильмов принимают участие и зарубежные компании. Совсем недавно подписано соглашение, по которому «Юни Франс» взяла на себя обязательство пропагандировать советское кино во Франции — первый случай в истории этой организации. Советскому кино полностью или в больших размерах посвящают свои страницы «Вэраити», «Голливуд рипортер», «Скрин интернэшнл». Вчера это еще казалось немислимим. Говорить о том, что наши фильмы за границей не знают, не приходится. Не покупают — это другое дело. Все упирается в качество. Вот сейчас мы готовимся к крупнейшему лос-анджелесскому кинорынку. С чем мы туда поедем, я, честно

говоря, не знаю — брать пока нечего.

— **Предположим, как председатель Всесоюзного объединения «Совэкспортфильм» вы меня убедили в том, что продажа наших фильмов целиком и полностью зависит не от усилий вашего объединения, не от желания наших зарубежных партнеров, а от качества наших картин.**

Так что же происходит с нашим кинематографом? Как кинодраматург, как член Союза кинематографистов вы это просто обязаны знать.

— Я не хотел бы, чтобы вы меня поняли именно так, будто от нашего объединения ничего не зависит. Зависит, и очень много. К сожалению, ошибок и просчетов в нашей работе еще хватает. А вот насчет того, что происходит в кинематографе... Я боюсь, что за годы культа личности, за годы застоя мы потеряли настоящего художника — человека, способного свободно мыслить, свободно высказывать свое мнение, причем не в кулуарных беседах, а в своих работах. Вы обратите внимание, как мы вообще ведем разговоры об искусстве. Нам не кажется странным, когда мы говорим, что «художник обязан», когда мы пытаемся определить его функции, его качество. Обратите внимание, что директивное начало в такого рода обсуждениях воспринимается совершенно естественно. Я не знаю, как скоро мы сумеем создать настоящего художника. Но, по-моему, надо начинать с возвращения человеку человеческого достоинства. Когда на протяжении не одного десятилетия мы страхом выбивали из человека все человеческое, трудно моментально осознать себя человеком, жить и действовать как человек.

— **Все, что вы говорите, касается и вас лично?**

— Я никогда не считал себя трусливым. И так получилось, что всегда у меня была определенная конфронтация с вышестоящими органами, руководством (и на партийной работе, и когда я работал в латвийском кино). Но каждый раз я испытывал страх, каждый раз готовился словно к бою, когда пытался с чем-то не согласиться, что-то отстоять. Боялся, потому что волю или невольную память воскрешала все то, что я видел. Много я лично не пережил, но видел, как переживали другие. Помню, как-то еще в Юрмале у меня произошла резкая стычка с одним высокопоставленным работником ЦК КПСС. Вполне могло бы так случиться, что на этом моя карьера и завершилась, но судьбе было угодно распорядиться иначе. Тогда мэр города Юрмалы Арнольд Деглав, ныне покойный, очень интересный человек, настоящий могучий латыш, трижды исключенный из партии и трижды восстановленный, сказал: «Э, парень, не битый ты, поэтому такой смелый. Вот когда тебя исключат и предъявят дикие обвинения и ты не сможешь ничего объяснить, когда ты поймешь, что беспомощен и бесправен, вот тогда ты испугаешься и начнешь думать. Начнешь думать — говорить или не говорить и будешь волноваться, не зная, чем твоё выступление закончится. Вот тогда я посмотрю на твою храбрость...» К сожалению, он оказался во многом прав. Иногда я себе даже внутренне командую: ну, раз, два, три... ну, будь же ты человеком, встань. Командую и... не всегда встаю.

Вместо художника зачастую действует очень осторожный конъюнктурщик, который долгое время создавал «магию

искусства», «магию творчества», «гражданского начала», «социалистического патриотизма». И поэтому сегодня часто выходит вперед ремесленничество, конъюнктура. Я думаю, что в правовом государстве должны быть особые правовые гарантии для художника. Если мы не добьемся этого, нам очень-очень трудно будет жить и работать.

И еще один аспект, о котором просто нельзя не сказать. Нам бы поменьше сводить счеты друг с другом, доказывать, кто из нас более предан кино и делу перестройки, а действительно делать фильмы. И хорошо бы о действительности. Особенно это касается наших ведущих мастеров. Они восхищены работами документалистов, их гражданскому и художественному долгу. А что же сами? Или нашей гражданской позиции только и хватает, чтобы поддерживать того или иного документалиста? В свое время Маяковский, Эйзенштейн, Блок и другие занимали свою собственную позицию, утверждали собственное мнение.

— **Но разве не было в прошлом достойных произведений, разве не было в прошлом людей, которые жили и работали по законам подлинного художественного творчества?**

— Да, были. Если хотите мое мнение — это было отклонение, которое я бы назвал феноменом Сахарова.

— **Тогда, может быть, вы знаете, с чего нужно начать?**

— Думаю, есть ряд вопросов, к которым нам необходимо найти ответы. Я в прошлом партийный работник, окончил Высшую партийную школу, но не всегда мог ответить себе на некоторые вопросы. Почему партия игнорировала рекомендации Ленина? Меня приучили к мысли, что партия боготворила Владимира Ильича, что партия верила каждому его слову. Почему же мы доверили свою судьбу Сталину? И еще одно: в 17-м году мы начертали на своих знаменах самые заветные для всего человечества слова. Дадим людям землю, свободу, утвердим на земле мир, равенство, братство. Об этом мечтали все и будут мечтать. Другое дело, в идеале это ни у кого пока не получилось. Мир с затаенным дыханием, даже те, кто нас ненавидел, кто с нами воевал, смотрели и наблюдали за нами с огромной надеждой, злостью, ненавистью, с опаской. Мы были самой большой загадкой, в том числе в литературе и в кино. Поиск, творчество — это был взрыв самовыражения, огромная широта взглядов. Тогда рождались кинопроизведения, которые ошеломяли весь мир! Весь мир слушал наши песни, читал наши книги, вслушивался, всматривался в нас. Ну а потом, мы прекрасно знаем, чем это кончилось. А западные киноведы теперь говорят о том, что наше советское кино существовало только до 1937 года и дальше нас вообще не изучают. В киноакадемии в Лос-Анджелесе, просматривая картотеку научных трудов, я обнаружил, что там нет ни одной работы, посвященной советскому кинематографу после 1937 года.

Сегодня за нами очень пристально наблюдают. Я мог бы привести очень много примеров, доказывающих нарастание этого интереса. Я бы не поверил, если бы несколько лет назад мне сказали, что в Париже (сразу в девяти кинотеатрах) каждый вечер будут идти советские фильмы. Я бы не поверил, если бы мне сказали, что все крупные кинокомпании Соединенных Штатов Америки захотят с нами сотрудничать, будут подписывать с нами контракты и прокатывать наши фильмы по всему земному шару.

Но каждый раз, как мы садимся за стол переговоров, первым следует вопрос: «А вы это всерьез, а вы не обманете, а вы больше не подведете, а с вами можно разговаривать, а вы не отступите, а вы не откажетесь?» Мы успокаиваем, обещаем. Но этот вопрос жует и меня самого. В 87-м году я дол-

жен был отчитываться на коллегии о работе «Совэкспортфильма». Решил начать неоригинально: «Сегодня растет интерес к советскому кино». Привел убедительные факты и примеры, но, как человек самокритичный, вписал и такую фразу: «Но сегодня наши партнеры отмечают необязательность советских киноорганизаций, плохое качество нашей пленки, неоперативность в поставке наших материалов». И вдруг, просматривая архивы, я нахожу отчет председателя «Совэкспортфильма» перед Советом Народных Комиссаров в 1937 году. Там написано: «Сегодня нарастает интерес к советской кинематографии». Приводятся убедительные факты того, как советские фильмы идут на экранах Парижа, Мадрида, Берлина. «Но сегодня, — читаю в документе, — советское кино зарекомендовало себя как необязательное, неоперативное, с плохим качеством исходных материалов». А ведь прошло 50 лет. И поэтому, когда я слышу: «А вы действительно изменились? А вы действительно хотите сотрудничать? А это не очередная пропагандистская кампания?» — я начинаю понимать, как все сложно.

— **Что вы имеете в виду?**

— Я просто хочу понять, почему на такой длительный срок произошел уход от здравого смысла? От невежества или от лицемерия и фальши, которые стали нормой? Неужели мы всерьез полагали, что отправленные за рубеж миллионные издания Брежнева — это идеологическая работа? Неужели мы всерьез полагали, что фильм «Победа», отправленный бесплатно в 114 стран мира, переворнет все и изменит убеждения зрителей на Западе о Великой Отечественной войне, о нашем идеологическом превосходстве, могуществе? Неужели мы всерьез верили в массу тех представлений, которые мы утверждали в нашей жизни и в нашей внешней пропагандистской деятельности? Страшно подумать, если это делалось осознанно. Я вспоминаю, как нам не позволяли, да и сейчас косо смотрят, когда мы произносим слово «коммерция». Как долго «Совэкспортфильму» было трудно работать только потому, что нам в одном доме не разрешали произносить слово «идеология», а в другом — не разрешали произносить слово «коммерция». В одном доме нас утверждали как коммерсантов, в другом — как пропагандистов. И мы все время должны были соблюдать какой-то странный, непонятный баланс, чтобы успокоить собственное ханжество. Так сколько нам потребовалось лет, чтобы понять главное — вне коммерческого пути невозможно достичь идеологического эффекта? Зритель должен обязательно увидеть фильм. А как этого можно достичь, не показав его в кинотеатре. Американцы очень интересно оценивают идеологическую эффективность внешнеполитической пропаганды. Например, показ фильма в посольстве Соединенных Штатов за рубежом — это один балл, потому что приходят люди, которые обязаны прийти, обязаны улыбаться, обязаны смотреть. Показ американского фильма за рубежом в Доме дружбы — уже три балла, потому что это уже несколько иная публика. Показ американского фильма за рубежом в синематике — это уже пять баллов. Но даже один показ в обычном кинотеатре — это 20 баллов, потому что это выход к массовому зрителю.

— **Неважно, какого фильма?**

— Абсолютно неважно, просто американского. Пока мы произносили красивые речи, пока мы доказывали, что создали самое сплоченное, многонациональное государство и решили все национальные проблемы, пока мы пели о стране, в которой так хорошо и хорошо дышит человек, и утверждали, что у нас самый высокий уровень жизни, в это время американский кинематограф захватил 80 процентов всех зрителей на земном шаре. Вот вам и конкретный идеологический эффект.

В Англии, к примеру, смотря амери-

канские фильмы 92 процента зрителей. Единственная страна в Европе — Франция, которая долго гордилась тем, что пытается противостоять американской экспансии, тоже уже сдалась. Большинство французов с прошлого года предпочитают смотреть американские фильмы. Вместе с этим в разных странах постепенно начинают предпочитать американскую музыку, американскую жвачку, американские джинсы, американские автомобили и, самое главное, завидовать американскому образу жизни и философии. А мы упорно пытаемся решать подобные вопросы лозунгами, декларациями и полагаем, что именно это и есть решение.

— **Ну, а может быть, зарубежный зритель отличается от нашего?**

— Конечно, отличается. Вместе с тем зарубежный зритель на 95 процентов принимает то, что и советский. На 95 процентов не принимает то, чего не принимает и советский. В 5—6 процентов входят лишь фильмы, которые абсолютно специфичны, то есть понятны лишь русскому человеку, такие, как «Левша» или «Небыльщина» Овчарова, к стати, картины высочайшей художественной пробы.

— **Вы говорите, что зарубежный зритель отличается от нашего. Наверное, это совершенно естественно. Ведь советский зритель столько картин просто никогда не видел.**

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Знаете, недавно на первом советском кинорынке меня вдруг спросили: «А почему мы «Бинго-Бонго» не покупаем?» Я даже сразу не понял, о чем идет речь, потому что «Бинго-Бонго» более чем посредственный фильм. Спасает его только одно. Там обезьяну играет Челентано. Тогда я встал и спросил (а в зале сидят одни специалисты, человек триста), кто за то, чтобы мы купили картину «Бинго-Бонго»? Три четверти присутствующих подняли руки. Знаете, и мне стало и больно, и обидно, и даже страшно. Наш зритель не принял такие фильмы, как «Амадеус», «Повет над гнездом кукушки», «Френсис», «Восемь с половиной». США приняли, а наш зритель не принял. Его бы учить, ему бы помочь. Хватит уже легенд о самой читающей стране. А люди, отвечающие за кинопрокат, требуют «Бинго-Бонго». Не понимают? Все понимают, но им план надо выполнить. А выполнять нечем.

— **А может быть, все-таки не вы, специалисты, а сам зритель разбирается, плохой или хороший фильм «Бинго-Бонго»?**

— Но необходимо хорошо осознавать, что каждый фильм — это немалая сумма денег в валюте. Купив «Бинго-Бонго», мы отложим на потом другой действительно хороший фильм.

— **Хороший, плохой — слова очень неопределенные. Как все же происходит отбор фильма?**

— Принципы закупки фильмов заключались всегда в следующем. Необходимо познакомиться советского зрителя с тем, что делается в Чехословакии, в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше и в других соцстранах. Затем на втором месте шло знакомство советского зрителя со всем прогрессивным, что есть в капиталистических и развивающихся странах. Речь шла о фильмах — победителях тех или иных фестивалей, киносмотров. Но когда дело доходило до практики, то быстро складывалось мнение, что картины Иштвана Сабо, венгерского режиссера, не все надо показывать советскому зрителю. Когда доходило до Анджее Вайды, то начинались сомнения, а нужно ли показывать его «Человека из мрамора» или «Дантона». Точно так же мы заявляли, что никогда не будем приобретать фильмы, где есть расовая дискриминация, проповедование милитаризма, насилия, порнография, человеконенавистничество. Но оказалось, что правильные слова позволили тем, кто определял политику закупки, находить в любой картине не одно, так другое.

И утверждать, что именно эта картина и есть источник всех зол.

— **Скажите, но кто определял, годится или не годится фильм?**

— Давайте я расскажу все по порядку.

— **Хорошо, давайте по порядку. Но сначала скажите, а были ли картины, о существовании которых «Совэкспортфильм» не был информирован, не знал, что они появились?**

— Нет, таких картин не было и не может быть. Даже если б наши представители в странах были нерадивы и не информировали нас — то ничего страшного не произошло бы. Мы имеем абсолютно все каталоги, всю оперативную информацию о выходе новых картин. Кроме того, мы участвуем во всех кинорынках, бываем на всех фестивалях. Более того, получаем ежегодную рекомендацию Союза кинематографистов, Института кино, ведущих киноведов о том, что следует покупать. И наконец, мы направляем специальные закупочные комиссии на отбор фильмов в Соединенные Штаты Америки, во Францию, в Италию, в Индию, то есть в основные кинопроизводящие страны. Так что обвинять нас в том, что это из-за нас зрители не увидели много хороших фильмов, так же неправильно, как говорить, что в культуре личности повинен только Сталин. Суммируя все мнения, мы передавали фильмы на закупочную комиссию, которая, как правило, состояла из представителей ведущих газет, журналов, из киноведов, из кинокритиков, актеров, режиссеров и драматургов...

— **Вы можете назвать хотя бы несколько фамилий, ну, хотя бы кто представлял газеты?**

— Пожалуйста, Александр Борисович Чаковский, Юрий Александрович Жуков. К стати, мы никогда не выбирали сами. Есть еще представители МВД, ЦК ВЛКСМ. Честно говоря, я в эту комиссию никогда не верил. На мой взгляд, она существовала как своеобразное прикрытие. В случае чего можно было сказать, что так решила комиссия. Не было в мире значительной картины известного режиссера, победителя того или иного фестиваля, конкурса, которую бы «Совэкспортфильм» не ставил на рассмотрение закупочной комиссии. Это я заявляю официально. Можно даже архивы поднять.

— **Но закупочная комиссия все же отвергала фильмы?**

— Конечно. Например, разными составами были отвергнуты все фильмы Формана, «Гражданин Кейн», «Коттон-клуб», «Кабаре». Но я вас прошу не забывать, что закупочная комиссия — это только рекомендательный орган. Решала коллегия Госкино СССР, а после нее свою подпись ставил председатель Госкино СССР, который мог учесть, а мог не считаться с мнением комиссии.

— **Скажите, сейчас, наверное, все по-другому?**

— Нет, цепочка сохранилась та же самая. Несколько изменилась ситуация. Комиссия стала работать более принципиально, к тому же люди стали хотя бы ходить на заседания комиссии. Разбор картины принимал активный и в то же время демократичный характер, да и результаты совершенно иные.

— **Ну а сами-то вы как считаете?**

— Мне кажется, что нам отгораживаться от всего земного, закрывать глаза на все то, что происходит вокруг нас, — неправильная политика, которая рано или поздно приведет к очень плохим последствиям. Я думаю, взрыв политического пессимизма, рост наркомании, насилия, вандализма — это, наверное, и результаты наших попыток от всего отгораживаться, не говорить честно, не говорить открыто, не дать возможность сопоставлять и самим сделать выводы. Я очень хорошо помню, как мы кричали, указывая пальцем на Запад, что там безобразия, что там порнография, а у нас все так целомудренно и хорошо. Оказалось, что у них и коли-

чество разводов меньше, и нравственности больше. Может быть, потому, что они сумели сделать выводы, сумели определить, что хорошо, что плохо. Возьмите сейчас ту же самую Америку. Она все меньше пьет и меньше курит. Курящий мужчина — уже определенная редкость, а курящая женщина — уже почти неприлично. Я считаю, отгораживаться от того, что есть вокруг, невозможно, так же невозможно, как и брать на себя роль судьи, что смотреть, а что не смотреть.

— Раньше очень часто можно было услышать, что западные картины стоят так дорого, что мы их не в состоянии купить. Что это — отговорка или реальное положение?

— Вы знаете, мы вместе со специалистами составили списки долгов перед советским зрителем. Проблема в том, что многие картины из этого списка нам и по сей день не по карману. Замечательный фильм «Унесенные ветром» оценивается в 3 миллиона долларов. Кстати, цена не снижается вот уже несколько лет. То же самое происходит с диснеевскими мультфильмами. В ценах на свои фильмы американцы последовательны и упорны. Наверное, считают, что их товар с годами ценнее не подлежит.

— Если западные картины стоят очень дорого, а наши, как я понял, идут неважно, то как же вы тогда решились перейти на хозрасчет?

— Решились, потому что надлежит работать в экономических пеленках. Раньше, например, мы никогда не были прокатчиками собственных картин. Мы их просто продавали, не заботясь об их дальнейшей судьбе. Чтобы наши фильмы смотрели, напоминали — весь процесс нужно держать под собственным контролем. И здесь не обойтись без мощной рекламы с активным подключением ведущих газет и журналов, телевидения. Давно уже пора арендовать кинотеатры и даже покупать их. Конечно, на все это нужны средства и немалые, которых в обычных условиях нам бы никто не дал. Вот так мы пришли к выводу, что самостоятельность нам просто необходима как воздух. Смешно сказать, но раньше дело доходило до анекдота. У нас были средства на дублирование, которые мы не имели права потратить на другие нужды. Несмотря на всю очевидность выгоды хозрасчета, нам многие предсказывали финансовый крах, пугая не только нас, но и, естественно, начальство.

Но мы перешли на хозрасчет в январе 1988 года и до сих пор живы и здоровы. Как председатель «Совэксспортфильма» я раньше планом каждый день занимался. Каждый день были оперативки, которые иногда превращались в многочасовые скандалы. И 31 декабря мы каждый год были в холодном поту — выполнен или не выполнен план. Только в 12 ночи облегченно вздыхали — слава богу, есть три цента сверх плана. А сейчас я могу похвастаться читателям «Огонька», что в прошлом году мы ни разу на совещаниях планом не занимались. Сейчас «Совэксспортфильм» заключил договор со всеми киностудиями, и я надеюсь, что все организации, с которыми мы сотрудничаем, увидят тоже конкретную выгоду от того, что мы перешли на хозрасчет.

— Скажите, а вы оглядываетесь назад, сравниваете, как было и как сейчас?

— Когда мы начали работать по-новому, то с ужасом увидели, как много мы не делали. Сегодня я не могу даже представить, как мы работали без экономической службы, без адвокатов. Сейчас у нас договорно-правовой отдел учитывает каждый контракт. Теперь, когда начинаются переговоры, и я, представляя участников, сообщаю — это наш адвокат, следует неизменная реакция: «У, русские дожили до того, что они уже с адвокатами работают, у них уже и проект договора готов!» Господин президент, спрашивают, какая цена этого фильма? Ну откуда же я знаю, говорю спокойно, у нас есть

отдел. Там все рассчитают и вам сообщат. Я же не знаю, сколько в фильме метров, какой язык, какая сложность постановки. «Ах вот оно что?!» — лица у всех удивленные-удивленные. Если вы думаете, что я хвастаюсь, — напрасно. Я вам даже признаюсь в самом сокровенном: чем больше мы постигаем глубину своей профессии, тем меньше себе нравимся. Многочему надо научиться, многое освоить заново. Само дело предъявило суровый счет нашим сотрудникам, очень наглядно продемонстрировало, кто есть кто. Многим пришлось покинуть насиженные места. И хотя оставшиеся тоже не семи пядей во лбу, у нас есть страстное желание научиться работать по-новому, победить недуг. Только благодаря такому нормальному для делового мира подходу мы за один год подняли цены на советские фильмы на 48 процентов.

— Так сколько же вы заработали?

— Извините, но это секрет фирмы.

— А количество сотрудников в «Совэксспортфильме» тоже секрет?

— Нет. Раньше в «Совэксспортфильме» и «Совинфильме» работало 262 человека. Сегодня — только 120.

— Да это же больше, чем 50 процентов сокращения. Извините, но мне понравилось выпытывать тайны. Можете назвать фильм, который вы выгоднее всего продали за последнее время?

— «Покаяние» Тенгиза Абуладзе.

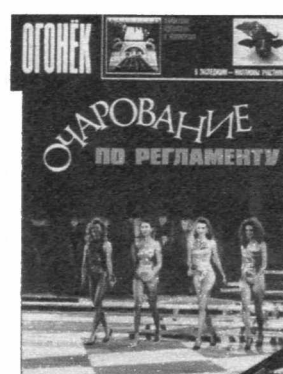
— Ну а какой фильм лидирует?

— «Война и мир» Сергея Бондарчука.

— А сколько стоил самый дорогой зарубежный фильм?

— Извините, но это тоже секрет. И вы должны меня понять. Мы на хозрасчете и практически только начинаем разворачиваться. Нам предстоит еще много чего сделать. Например, создать за рубежом своего зрителя. Пусть вначале это будет три, пять, пятнадцать зрителей, но это уже будет аудитория, которая будет ждать советский фильм. Мы очень хотим уйти от роли официанта. И начать вмешиваться в работу кухни. Если раньше мы работали по принципу — что есть на студии, то и давайте, то сегодня «Совэксспортфильм» начинает предлагать конкретные темы, зная, в чем прежде всего заинтересованы наши партнеры. Так мы помогли японцам снять фильм о Советской Армии, который, кстати, в Японии посмотрело 30 миллионов человек. Сейчас по просьбе той же компании хотим сделать фильм об истории советско-японских отношений. А ведь, помимо этого, заказов просто уйма. Простая задача о союзных республиках, о перестройке, о демократизации, о плюрализме.

Конечно, для реализации таких планов потребуется много средств, и для этого мы создаем смешанные компании. Смешанные компании по прокату советских фильмов уже созданы в Финляндии, в Западной Берлине, в Австралии, в Индии. Решается вопрос о создании компаний с ФРГ, США, Канадой. Конечно, в чем-то мы ошибаемся, разбиваем носы, и это естественно — мы многого не умеем. Но здесь нельзя не сказать еще об одном: нам надо наконец начать работать по международным правилам; научиться вкладывать средства и не думать о ежeminутных выгодах; не только навязывать свою продукцию, но и активнее приобретать зарубежную; добиться того, чтобы кинорынок Московского фестиваля стал подлинно международным. И еще. Нам всем нужно не разбегаться, а объединиться, поменьше кричать о своей принципиальности, а больше делать конкретного и помнить — путь будет долгим и тяжелым. Я убежден, на этом пути окрепнут духом те, кто верит в перестройку, появятся новые художники, а зритель сам разберется кто есть кто и каждому воздаст по заслугам. Вот это и будет наш самый главный хозрасчет.



ЖЮРИ КОНКУРСА «ОЧАРОВАНИЕ-89»

ОТ УЧЕНИЦЫ 10-го КЛАССА
МАШИ ДМИТРИЕВОЙ

Уважаемые товарищи!

Пишу вам это письмо, хотя и не совсем уверена, что поступаю правильно. Насколько я поняла из короткого репортажа по телевидению, многие известные люди являлись членами жюри международного конкурса «Мисс Очарование-89». Но не поэтому я решила написать. Вы хорошо знаете, что если от великого до смешного один шаг, то между красотой и очарованием целая пропасть. Можно вывести формулу красоты, измерив объем груди, бедер и т.д., что и делали на конкурсе. Но причем здесь очарование? Его сантиметром не измеришь. Красота имеет стандарты, очарование — дар божий. Я надеюсь, что меньшинство мужчин, разделяет мою точку зрения. Но тогда зачем столько уважаемых людей принимали участие в этих антропометрических действиях? Вы это серьезно?

Вам ли не знать, кроме прочего, что очарование не имеет и цены. Это за красоту надо платить. И платили. За вход на конкурс 25 рублей (а их еще где-то надо взять!).

Маша Дмитриева,
Москва

«КОНСУМЭКСПО» — ВОЛЬНЫЙ РЫНОК?

Впервые проведена в нашей стране
международная выставка товаров
массового спроса

Павильоны выставочного городка на Красной Пресне напоминали супермаркет. Тут можно было присмотреть все: от керамических ножиц «Золингена» до японской автомашины; от «сосок для питания младенцев, успокаивания детей» (привожу формулу варшавской фирмы «Инэкс») до детских конструкторов датской фирмы «Лего»...

«Огонек» вместе с Всесоюзным институтом конъюнктуры и спроса, при деятельном участии объединения «Экспоцентр» провел на «Консумэкспо-89» экспресс-конкурс. Цель — выявить товары-фавориты. Не изделия высоких технологий, не штучный товар, а адресованные массовому потребителю вещи и вещицы... Это был первый опыт такой работы. Не нам судить о ней. Но фирмы-призеры остались, кажется, довольны.

Знатоки-эксперты и посетители заполняли обстоятельные анкеты, специально разработанные во ВНИИКСе к этому конкурсу. Отмеченными оказались изделия из ГДР и Франции, Дании и Польши,

Венгрии и ФРГ... В одном из ближайших номеров мы подробнее расскажем о том, что связано с этой необычной выставкой. Сейчас же, поздравляя призеров, хотим сказать слова благодарности предприятиям, учредившим призы и другие знаки отличия лучших товаров. На Первом московском часовом заводе были сделаны очень элегантные часы, на московском ювелирном заводе отчеканили специальную медаль, с кислородской фабрики сувениров привезли изумительной работы фарфоровые изделия, а из Львова, с объединения «Радуга» — вазы и набор хрустали. Свои призы и дипломы — в рамках нашего конкурса — учредили телевизионное объединение «Рубин», Калининский стекольный завод, известный каунасский универсам «Меркуриус», ВНИИКС...

«Огонек» признателен Министерству торговли СССР, «Экспоцентру», «Союзторгпрокламе», ВНИИКСу за содействие и помощь.

К. БАРЫКИН



2 февраля редакцию журнала «Огонек» посетил американский политический деятель, один из кандидатов на пост президента США на прошлых выборах Джесси Джексон. Встретившись с редколлегией журнала, он расспрашивал о перестройке, о гласности, проводником которой, по его мнению, является журнал «Огонек». «Нам в США тоже нужна перестройка», — сказал Джесси Джексон, активный участник борьбы за гражданские права, характеризуя положение цветного населения в США. В заключение беседы главный редактор журнала В. А. Коротич вручил гостю памятный подарок — электронные часы с эмблемой «Огонька», сделанные на Первом московском часовом заводе.



НАЗВАТЬ ВСЕ ИМЕНА

В картотеке Информационного центра УВД, где я работаю, хранятся учетные карточки на осужденных лиц. В каждом из нескольких сотен карточек с пометкой «справок не давать» — на лиц, репрессированных в 1937—1938 и других годах. Исходя из этого можно сделать вывод, что число репрессированных только за 1937—1938 годы по нашей Челябинской области превышает 20 тысяч человек. Ежедневно подвергались репрессиям 25—30 человек. Из них более половины либо казнены, либо умерли на каторжных работах. На документах злоевающие резолюции: «расстрелять», «подвергнуть каторжным работам», «сослать в концлагерь». Эвфемизмов этим терминам, хотя это не меняет сути, в лексиконе палачей не было. Причем термин «концлагерь» появился у нас еще в начале 30-х годов.

Как правило, в течение одной-двух недель невинный человек подвергался аресту, наказанию и казни. Расстрелы носили массовый характер, по несколько десятков человек в день. Приговоры приводились в исполнение и в такие дни, как 7—8 ноября и 1 января. Помимо партийных и хозяйственных руководителей, интеллигенции, были уничтожены лесорубы, хлеборобы, шахтеры, путейцы, сталевары. Расстреляны целые семьи, родственные группы, пенсионеры в возрасте до 80 лет, инвалиды гражданской войны, юноши и девушки, в том числе 18-летняя ученица средней школы.

При реабилитации в 50-е годы не было даже попытки сказать родственникам казненных правду. В официальных сообщениях о реабилитации были скрыты фактические последствия: казнь и дата ее исполнения. Причиной смерти указывались надуманные диагнозы болезней: «разрыв сердца», «инфаркт легких» и т. д. А дата наступления смерти заменялась более поздней — 40-ми годами. Такие ложные сведения родственники репрессированных продолжают получать и в наши дни, так как все еще в силе ведомственный запрет: «справок не давать». Таким образом, миллионы наших соотечественников, да и многие зарубежные граждане, не только не знают о факте расстрела, но и дату смерти своих близких. Многие из репрессированных до сих пор не реабилитированы.

Представляю данные учетных карточек на некоторых казненных: Балабанов Федор Васильевич, 1858 года рождения, уроженец Оренбургской области, адрес: г. Миасс Челябинской области, прошлое — середняк, социальное положение — служащий, занятие — зав. кассой пенсионеров, беспартийный. Харак-

тер преступления — повстанец. Статья — 58^{2,8,10,11}. Арестован 27.10.1937 г. Постановление тройки УНКВД от 15.XI.1937 г.: расстрелять. Пометка: исполнено 28.XI.37 г. Реабилитирован 21.02.58 г.

Котельников Павел Владимирович, 1896 года рождения, уроженец г. Челябинска, адрес: г. Челябинск, ул. Васенко, 81. Профессия — экономист, отрасль — облнуптротг, социальное положение — служащий, партийность — эсер, национальность — русский. Статья — 58^{2,7,8,10,11}. Арестован — 28.11.37 г. Постановление тройки УНКВД от 2.12.37 г.: расстрелять (на четвертый день после ареста) — Г. И.). Пометка: исполнено 21.12.37 г. Реабилитирован 18.06.56 г.

Котельникова Елизавета Ивановна, 1895 года рождения, уроженка г. Троицка Челябинской области, адрес: г. Челябинск, ул. Васенко, 81. Занятие — преподаватель средней школы № 1, прошлое — крупная домовладелица (если это тот дом № 81, снесенный в 50-х годах, то он несколько не «крупнее», чем чья-то современная дача. — Г. И.), социальное положение — служащая, национальность — русская, беспартийная. Характер преступления — контрреволюционная организация. Статья — 58^{10,11}. Арестована — 12.12.37 г. Постановление тройки УНКВД от 27.12.37 г.: расстрелять. Пометка: исполнено 1.01.38 г. Реабилитирована 15.02.58 г.

Котельникова Татьяна Павловна, 1919 года рождения, адрес: г. Челябинск, ул. Васенко, 81. Социальное положение — учащаяся средней школы, прошлое — дочь крупной домовладелицы, национальность — русская. Характер преступления — контрреволюционная организация. Статья — 58¹⁰. Арестована — 12.12.37 г. Постановление тройки УНКВД от 27.12.37 г.: расстрелять. Пометка: исполнено 1.01.38 г. Реабилитирована 15.02.58 г. (таким образом, мать и ее юная дочь — ученица, вслед за мужем и отцом были арестованы и казнены в один и тот же день. — Г. И.).

Губин Павел Васильевич, 1372 года рождения, уроженец г. Челябинска, адрес: г. Челябинск, ул. М.Набережная, 52, занятие — скотник, прошлое — владелец кирпичного завода, социальное положение — кулак, национальность — русский, беспартийный. Характер преступления — контрреволюционная агитация. Статья — 58^{2,10,11}. Арестован 29.12.37 г. Постановление тройки УНКВД № 23 от 2.01.38 г.: расстрелять. Пометка: исполнено 11.01.38 г. Реабилитирован 8.02.56 г. После реабилитации отметка: «Умер 25.10.43 г. от дистрофии легких. Смерть зарегистрирована в ЗАГСе Челябинска. Свидетельство

о смерти выдано жене, Губиной А. Д. 2.06.56 г.»

23 сентября 1988 года внук казненного Губина П. В. Пономарев Борис Михайлович, проживающий в г. Челябинске, ул. Байкальская, 31, кв. 32, на свой запрос получил из Управления КГБ Челябинской области такое же ложное извещение, что его дед «умер 25 октября 1943 года от дистрофии легких».

Я предлагаю:

Отменить запрет на выдачу справок о всех без исключения незаконно репрессированных гражданах.

В каждой республике, области, крае из числа юристов, статистиков и других специалистов образовать комиссии, которым разрешить доступ ко всем материалам о репрессиях. Поручить им восстановить количество и имена всех безвинно осужденных и казненных и составить их списки. Уголовные дела на нереабилитированных представить для пересмотра в соответствующие судебные инстанции.

Монументы памяти жертвам репрессий воздвигнуть в каждом республиканском, областном и краевом центрах. В местах проведения массовых репрессий и гибели репрессированных воздвигнуть монументы скорби.

Под эгидой Президиума Верховного Совета Союза ССР или Президиума Верховного Суда СССР издать списки безвинных жертв репрессий с указанием их года рождения и даты гибели. Эти списки, как составную часть, приложить к мемориалу. Такие же списки издать и в отношении безвинно осужденных на каторжные работы в концлагерях, ссылке и т. д.

Г. ИЖБУЛЬДИН,
юрист
Челябинск

Как нам сообщили в Челябинском обкоме КПСС, работа по пересмотру дел жертв необоснованных репрессий ведется прокуратурой области, облсудом и управлением КГБ СССР по Челябинской области.

Недавно бюро обкома на своем заседании обсудило этот вопрос. Создана Комиссия при обкоме КПСС во главе с первым секретарем обкома А. А. Костиным, в задачу которой входит изучение и проверка дел жертв необоснованных репрессий с целью их гражданской, правовой реабилитации, а также восстановление культурных ценностей. В состав Комиссии, помимо работников обкома, суда, прокуратуры, КГБ, вошли также представители профсоюзных, культурных и общественных организаций области.

ЗАТЯНУВШЕСЯ

ОЖИДАНИЕ

Михаил МАМАЕВ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА
и Александра СЕЛИФОНЬТЕВА.

КАК ГОТОВИТСЯ НОВЫЙ ЗАКОН О ПЕНСИЯХ

Прежде чем отправиться в соответствующие учреждения, я сидел над грудой писем: «Когда, наконец, опубликуют у нас проект обещанного нового Закона о пенсиях?», «Почему не выполняются решения съезда о повышении пенсий?», «Сколько можно ждать?»...

11 сентября 1986 года Политбюро ЦК КПСС признало целесообразным приступить к подготовке нового закона о пенсионном обеспечении трудящихся. Но нигде не говорится, когда именно новое законодательство войдет в силу. Так что сведения многих наших читателей относительно этого ошибочны. Тем не менее тревога их вполне обоснована. Старый Закон о пенсиях от 14 июля 1956 года и Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов 1964 года безнадежно устарели. И если те, кто пока по молодости о пенсии не задумывается, то для пенсионеров каждый месяц на учете, и об этом нельзя забывать.

Мы везде, где только можно, говорили и с не меньшим энтузиазмом продолжаем говорить о роли наших ветеранов в воспитании подрастающего поколения, в перестройке. Но разве можно пробудить в молодых людях подлинное к ним уважение, когда ни для кого не секрет, что даже максимальная пенсия позволяет едва сводить концы с концами. То есть когда само государство низводит этих заслуженных, исполнивших свой долг перед обществом людей в ранг наиболее низкооплачиваемых, вынужденных либо дополнительно подрабатывать, либо находиться на иждивении.

— Когда был принят закон 1956 года, максимальная пенсия — 120 рублей — в 1,6 раза превышала уровень средней заработной платы, — рассказывал мне заслуженный юрист РСФСР, член коллегии, начальник Главного управления пенсий и пособий Министерства социального обеспечения России В. МИХАЛКЕВИЧ. — То есть тот, кто работал лучше других, и на пенсии заметно отличался в плане финансовой обеспеченности. За последние три-

дцать лет средний заработок у нас в стране увеличился почти втрое, тогда как «потолок» пенсии фактически остался без изменений. Престиж пенсионеров упал. В то же время в 1,7 раза повысился минимальный размер пенсии, иными словами, произошла нивелировка различий в оценке прошлого труда людей. Проявились уравнилельные тенденции. Этот опыт учит нас тому, что новый Закон должен быть динамичен, он должен «дышать» вместе с экономической обстановкой в стране и ориентироваться на заработную плату. Будет повышаться средняя зарплата — значит, пусть повышаются максимальные размеры пенсии. Будет повышаться минимальный заработок — значит, соответственно пусть повышается и минимальная пенсия, потому что она будет исчисляться в процентах к минимальному заработку.

— **А что со стажем?**

— Я думаю, что новый Закон, вернее, проект Закона, сориентирует величину пенсии главным образом на длительность стажа. Чем больше стаж, тем больше будет пенсия. А в настоящий момент, если у меня стаж даже сорок лет, это не влияет на размер моей пенсии, что, по-моему, несправедливо. Существует точка зрения, что необходимы какие-то ограничения относительно максимальной пенсии...

— **Не в ограничениях социальная справедливость. Скажем, человек на Севере работал, а не на юге...**

— Возможны разные точки зрения. Прежде чем принять Закон, его вынесут на всенародное обсуждение, чтобы каждый мог выразить свое отношение к нему. Но ближе к теме. У нас решались проблемы, связанные с заработком, из которого надо исчислять пенсию. Я, например, считаю, что, сколько бы человек ни заработал в сумме — будь то работа по совместительству или сверхурочные — все должно идти в зачет, должно браться для исчисления пенсии. И это за пять подряд из последних десяти лет работы. Но здесь есть и другая сторона. Почему обязательно пять из последних десяти лет? У вас, скажем, пик работоспособности пришелся на возраст 40—45 лет. Разве вы виноваты в том, что распределение сил и здоровья сложилось у вас таким образом? А у кого-то иначе. Может быть, выбирать эти пять лет произвольно? Существуют разные точки зрения. Мне кажется, целесообразным напечатать несколько вариантов принципиальных положений Закона, чтобы люди могли сравнить и предложить лучший.

— **Многие читатели нашего журнала выражают недоумение по поводу того, что для пенсионеров существуют ограничения в зарплате при устройстве на работу. Для рабочих — это 300 рублей, для служащих — 150 вместе с пенсией.**

— Мы тоже получаем много писем с этим вопросом. Пенсионеры говорят: «Дайте нам возможность работать с полной отдачей сил. Пусть будут стимулы. Мы еще многое способны сделать». Действительно, с одной стороны, об этом же говорится с самых высоких трибун, а с другой... Сегодня, на мой взгляд, система выплаты пенсии работающим гражданам забюрократизирована, усложнена и решается социально несправедливо. Возникает много трудностей при переходе с одной работы на другую. В связи с этим часто происходят задержки выплаты пенсий. Мы считаем, что в новом Законе (и этого надо добиться обязательно!) необходимо закрепить право человека получать свою пенсию в полном размере независимо ни от чего: работает ли он или оставил работу. Если пенсионер работает и он нужен предприятию — пусть он зарабатывает столько, сколько может, сколько ему платят.

— **В нашей редакционной почте есть письма, в которых читатели упоминают зарубежный опыт, в частности стран Скандинавии, где есть пенсии по старости, которые вообще не**

включают в себя ни стаж, ни уровень заработка.

— Мы называем их социальными. Правда, они предусматриваются не очень большими. Примерно в половину минимальной обычной пенсии. Социальные пенсии внесены нами в проект Закона. Люди, которые достигли определенного престарелого возраста (он, очевидно, окажется чуть побольше, чем необходимый для получения обычной пенсии), — так вот эти люди будут получать пенсию независимо от того, сколько времени они работали и работали ли вообще. Но, знаете, таких людей у нас мало. Большинство хоть какое-то время, но все-таки работало. Следовательно, по новым правилам, если они будут приняты, пенсия таких людей станет исчисляться пропорционально выработанному стажу.

Что касается сроков появления проекта нового Закона на страницах газет, на это Виталий Николаевич затруднился ответить. Министерства социального обеспечения РСФСР и союзных республик лишь помогают в сборе материала и различного рода рекомендациями в выработке проекта. Основную же работу выполняет Госкомтруд СССР. Но практическая реализация нового Закона, по его словам, потребует опубликования, а еще лучше принятия этого Закона за 1,5—2 года до вступления в силу. Это необходимо для подготовки программ для ЭВМ, чтобы обработать почти 33 миллиона пенсионных дел.

«Когда же все-таки...?» — с этого вопроса начался наш разговор с заместителем начальника Управления социального обеспечения Госкомтруда СССР Ю. ЛЮБЛИНЫМ.

— Давайте определимся сразу, что такое проект Закона, — сказал Юрий Зиновьевич. — Допустим, вот у меня есть рабочий материал, выработанный нами проект. Но проект Закона, который должен выноситься на всенародное обсуждение, далеко не это. Думаю, что над ним надо еще работать и работать.

Могу сказать, что почти вся наука, занимающаяся у нас в стране социальным обеспечением, участвует в этой работе. Один из главных и наиболее острых вопросов, стоящих перед нами, — сколько государство будет платить по новому Закону или, иначе говоря, сколько будет стоить новый Закон. Понятно, что на это можно ответить только с учетом финансовой обстановки в стране. А она, в свою очередь, как известно, сейчас нестабильна. Посмотрим на вещи здраво. Чтобы новый Закон обладал, если хотите, запасом прочности, отвечал требованиям жизни не один десяток лет, на него надо на править солидные ресурсы, скажем, миллиардов пятнадцать — двадцать. Пенсии же надо за счет чего-то повышать. Кто хоть мало-мальски знаком с экономикой, знает, что все ресурсы распределяются в начале пятилетки. Исходя из этого, по моему мнению, новый Закон может вступить в силу только в следующей пятилетке, то есть не ранее 1991 года.

— **Мне, как человеку молодому, сразу хочется заглянуть в будущее. Где гарантия, что пройдет еще тридцать лет и сегодняшние пенсионные проблемы не повторятся? Насколько я понимаю, система финансирования пенсий в любом случае останется без изменений, то есть их выплата будет осуществляться из общественных фондов потребления. Не раз приходилось слышать, что в своей работе вы активно используете опыт капиталистических стран. А ведь там встречаются различные источники финансирования.**

— Мы это учитываем. Например, с января прошлого года у нас в стране введено добровольное страхование дополнительных пенсий. Страхование производится в обычном порядке. Размер выплаты зависит от величины пенсии, на которую вы застраховались, и от возраста, в котором вы это сделали. Если мне не изменяет память, на



пенсию в 50 рублей, застраховавшись в возрасте сорока лет, ежемесячно нужно платить около 15 рублей. Что бы там ни было, эта пенсия пожизненная.

— **А если я всю жизнь нигде не работаю?**

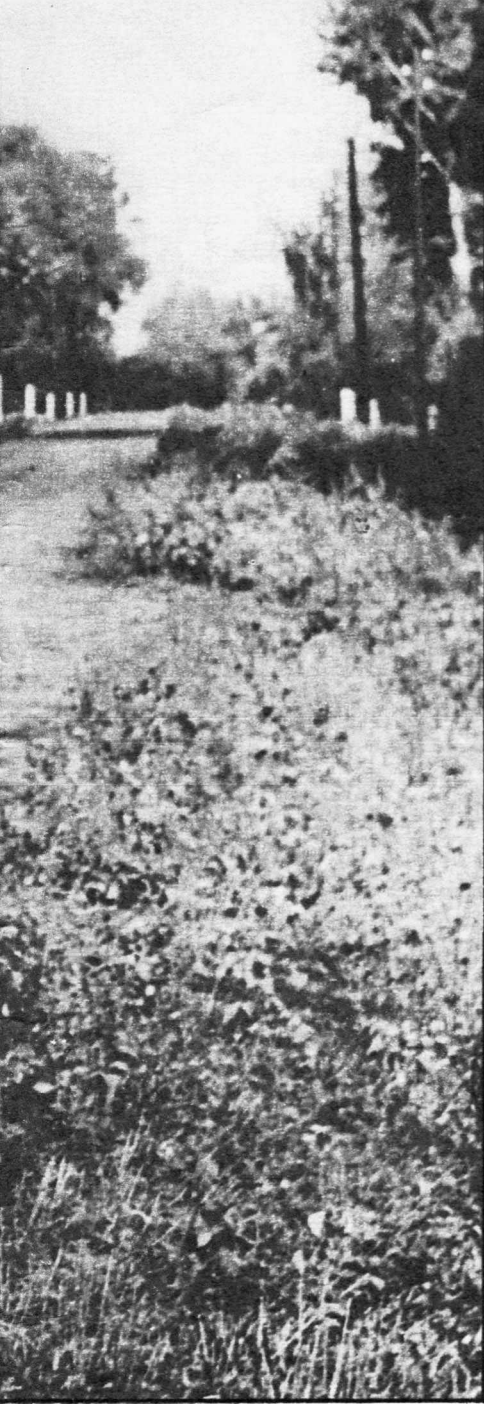
— Предусмотрена и такая ситуация, когда родители захотят платить за детей, чтобы обеспечить им не только беззаботную молодость, но и счастливую старость. Нет, добровольное страхование дополнительной пенсии касается только работающих, а также инвалидов и матерей, занятых уходом за детьми. Если, например, вы платили пять лет и вам разонравилось, вы можете забрать деньги назад, как в сберкассе. В случае смерти плательщика выплаченная сумма возвращается семье. Чем такая система, на мой взгляд, выгоднее услуг сберкассы? Во-первых, мало кто станет ежемесячно ходить в сберкассах из-за пятнадцати рублей. Во-вторых, государство через сберкассу дает 3 процента годового вклада, тогда как страховка дополнительной пенсии — 50 процентов. Потому что тех денег, которые человек вносит в течение жизни, ему хватает для того, чтобы в течение шести лет получать их в виде пенсии. Максимум — в течение семи. В среднем пенсионеры живут на пенсию 14—16 лет. Но это дело несколько отдаленное. Его сейчас руками не пощупаешь. Оно касается не столько нынешних пенсионеров, сколько нас с вами.

Другая проблема — это реформа ценообразования. Проблема не разовая — при полном хозрасчете цены могут расти и в январе, и в феврале, а могут и снижаться. С учетом мировой практики предлагается такое решение:

необходимо пересматривать пенсии раз в пять лет, причем все, а не только маленькие, как сейчас. Не секрет, что вчерашние десять рублей — это не сегодняшние десять рублей. Естественное старение денег как таковых. Общемировая практика — когда через какое-то время пенсии пересматривают на какой-то индекс. Для этого необходимо знать индекс цен. Иными словами, если сегодня ботинки стоят десять рублей, а завтра 15, то он составит 1,5 процента. В Финляндии, например, в 1986 году он составлял где-то 3 процента. Финны называют это темпами инфляции. Следовательно, пенсии и зарплату они также поднимают на три процента. У нас пока официальной цифры индекса цен нет. Если мы говорим об оздоровлении экономики, то должны все считать — и индекс цен, и прожиточный минимум, и рациональный потребительский бюджет. Думаю, что реформа ценообразования без таких показателей далеко не уедет. Я к чему это говорю. Мне кажется, в новый Закон необходимо внести положение, согласно которому государство гарантирует рост пенсий в связи с реформой ценообразования.

— **Интересно было бы узнать, насколько демократично проходит работа над выработкой проекта. Могли ли, скажем, я, имея какие-то идеи, участвовать в ней на данном этапе, либо надо ждать публикации?**

— Помимо огромного потока писем и людей, пришедших к нам на прием (приемная работает каждый день), мы провели путем анонимного анкетирования социологическое исследование с участием около 15 тысяч трудящихся,



в разных регионах страны организовали серию деловых встреч представителей государственных и хозяйственных органов, научных коллективов, общественных организаций, в той или иной мере соприкасающихся с этой тематикой. Были созданы рабочие группы по отдельным направлениям нового Закона, куда вошли как ученые, так и практики. Понимаете в чем дело, пожелания трудящихся мы знаем достаточно хорошо, а ведь вас, в частности, это интересует. Другое дело, насколько эти пожелания осуществимы в сегодняшней ситуации. Это могут решить только специалисты.

— Не могли бы вы рассказать о концепции нового Закона, представленной в Совет Министров СССР год назад, и какова ее судьба?

— Здесь надо, наверное, сказать, что в первоначальном виде концепция оказалась слишком однозначной и не отражала все многообразие точек зрения и возможных вариантов. Она была переработана и, по существу, содержит в общем виде многое из того, о чем мы только что говорили. Допустим, надо усилить связь пенсии с трудовым вкладом. Предполагается определять средний заработок для исчисления пенсии не за один год, как сейчас, а за пять из последних десяти. Возможное в связи с этим снижение общего уровня пенсий сопровождалось бы повышением их основного размера с 50 до 55 процентов заработка, а также поощрением продолжительного стажа из расчета 0,5 процента пенсии за каждый год работы от 20 до 30 лет женщинам и от 25 до 35 лет мужчинам. За каждый последующий год работы пенсия увеличивалась бы на 1 процент.

Другой момент — это различие систем исчисления пенсий работников колхозов и государственного сектора. Например, недавно к нам обращался за помощью Патрикеев Владимир Григорьевич из Одессы. Он не получал пенсию потому, что имеет официально 23 года и 4 месяца трудового стажа, в который не включается, согласно нынешнему Закону, время его работы в колхозе. Таких примеров очень много. Новый Закон ликвидирует две параллельные пенсионные системы, не оправданные в настоящее время ни с позиций социальной справедливости, ни с точки зрения возможностей общества, определенных уровнем его развития. Система будет единая.

Существует большая категория людей, получающих льготные пенсии. Это еще одна очень сложная проблема в Законе. С одной стороны, у нас ежегодно тратятся колоссальные деньги на улучшение условий труда. Вредного производства пока еще очень много. Во всем мире оно есть — никуда от этого не денешься. С другой — улучшаются условия труда, приводятся в соответствие с санитарными нормами, следовательно, прекращает действовать льготный стаж, нормальный, а не увеличенный, становится отпуск и т. д. А люди требуют, чтобы их вновь назначили на вредные для здоровья участки. И крайне недовольны, когда их рабочие места приводят в соответствие с санитарными нормами.

Или еще одна проблема, требующая обсуждения, — пенсионный возраст для матерей. Сегодня возраст выхода на пенсию тех из них, кто воспитывает пять и более детей, снижен до 50 лет. Поступают предложения нивелировать возраст выхода на пенсию женщин, имеющих одного, двух, трех и четырех детей. В связи с этим напрашивается вопрос: может и должен ли пенсионный Закон играть активную роль в демографической области?

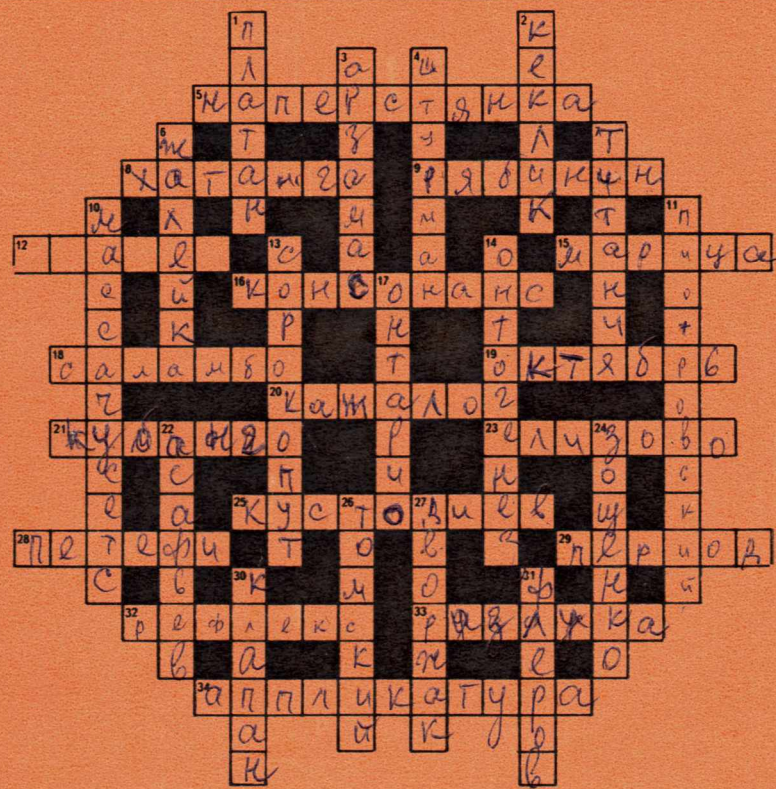
Разумеется, проблемы демографии в первую очередь нужно решать, усиливая заботу о семьях с детьми. Необходимо создать женщинам оптимальные условия для сочетания материнских обязанностей с участием в общественном производстве. Но снижение пенсионного возраста женщинам в зависимости от числа детей вряд ли та мера, поскольку речь идет о возрастной льготе в тот период, когда женщина уже не обременена воспитанием несовершеннолетних детей. Видимо, следует отдать предпочтение другому предложению — за каждого ребенка добавлять женщине один год к имеющемуся трудовому стажу (не считая положенного ей отпуска по уходу за ребенком). В этом случае прибавка к пенсии обеспечивается через увеличение продолжительности стажа. Такое решение можно было бы принять в отношении первого, второго и третьего ребенка в семье. Начиная с пятого ребенка, считает Люблин, стоит по-прежнему предоставлять многодетным матерям льготы по возрасту выхода на пенсию, снижая его на пять лет...

Мы с Ю. Люблиным спустились на первый этаж, где на стульях около двери с табличкой «Приемная» сидели люди, в основном пожилые. Картина достаточно привычная для всех приемных, куда ходят советоваться и искать правду.

«Когда же он будет принят, новый Закон о пенсиях?», — прозвучал все тот же вопрос теперь уже из уст одной из посетительниц. Ю. Люблин ответил, что, по его мнению, проект нового Закона с учетом необходимой доработки мог бы быть опубликован в нынешнем году.

Что ж, нам остается только выразить надежду, что эта «доработка» слишком не затянется. Очень уж это нужный Закон. А то, каким он станет, во многом зависит от всенародного обсуждения. Иными словами, от нас с вами.

Только проскальзывают в письмах сомнения — зависит ли?



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Травянистое лекарственное и декоративное растение. 8. Река в Восточной Сибири. 9. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Достигаев и другие». 12. Крупная морская медуза. 15. Оперетта И. Кальмана. 16. Благозвучие в музыке. 18. Роман Г. Флобера. 19. Месяц года. 20. Перечень однородных предметов. 21. Река в Южной Африке. 23. Город в Камчатской области. 25. Советский живописец, театальный художник. 28. Венгерский поэт, революционный демократ. 29. Этап общественного развития. 32. Реакция организма на внешнее раздражение. 33. Стихотворение А. С. Пушкина. 34. Способ расположения пальцев при игре на музыкальном инструменте.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Южное лиственное дерево. 2. Каменная куропатка. 3. Город в Горьковской области. 4. Специалист по вождению судов, самолетов. 6. Русский народный духовой инструмент. 7. Спутник Урана. 10. Залив у восточного побережья США. 11. Археолог и востоковед, академик, директор Эрмитажа. 13. Хищная птица. 14. Индивидуальное развитие организма. 17. Озеро в США и Канаде. 22. Советский музыковед, композитор, академик. 24. Советский писатель, сатирик. 26. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 27. Чешский композитор и дирижер. 30. Деталь, регулирующая расход газа, жидкости. 31. Физик, академик, Герой Социалистического Труда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

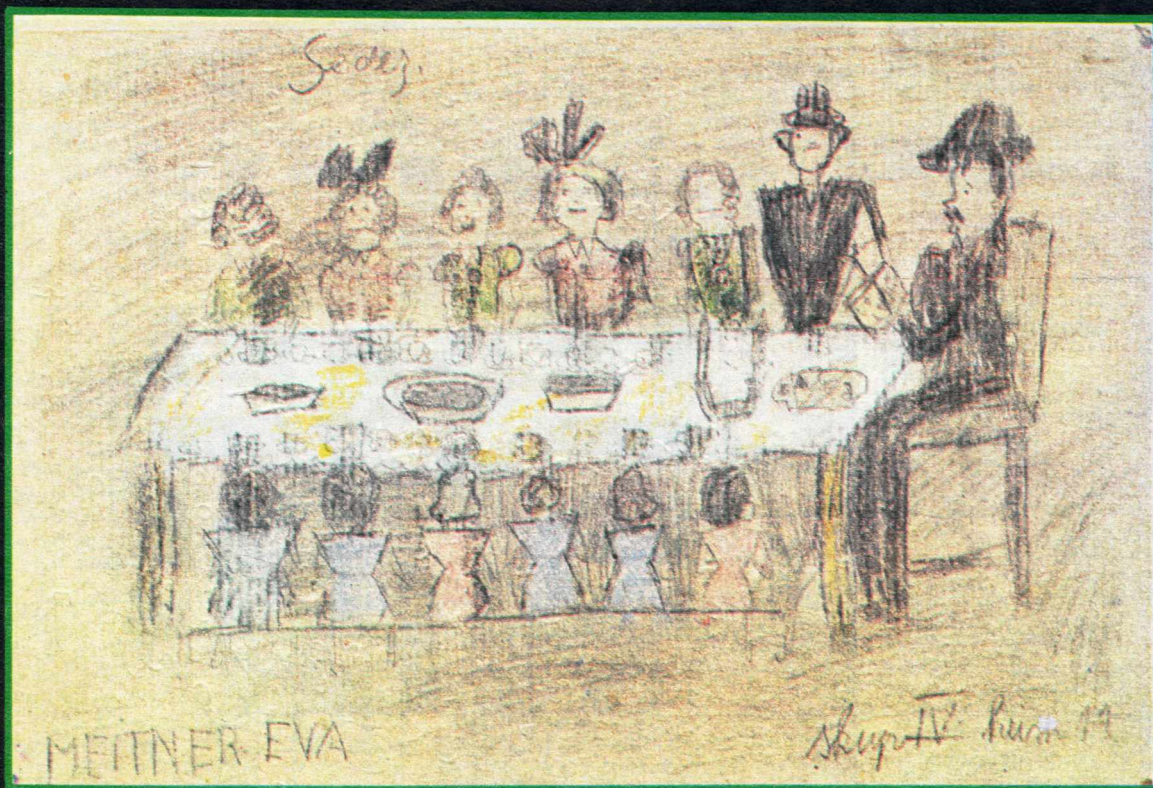
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Сервис. 5. Корунд. 7. «Утро». 8. Ледоруб. 9. Медведь. 10. Поликарпов. 12. Гонг. 13. Брюква. 15. Ржев. 16. Амфибрахий. 19. Рави. 20. Ратмир. 23. Кюри. 24. Невельской. 27. Мартини. 28. Ротонда. 29. Соло. 30. Акцент. 31. Вектор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сверло. 2. Гродно. 3. Степанов. 4. Субтитр. 5. Комаров. 6. Дудинцев. 10. «Пигмалион». 11. Верейский. 13. Буфер. 14. Архар. 17. Панорама. 18. «Трубадур». 21. Аметист. 22. Инсаров. 25. Енисей. 26. Оптика.

Как мы уже сообщали, начиная со второго квартала нынешнего года «Огонек» намерен открыть новую рубрику «Библиотека зарубежного детектива». В ней мы попытаемся дать ретроспективу лучших образцов этого жанра. В портфеле редакции уже есть рассказы, повести, романы А. Конан Дойла, А. Кристи, Д. Ле Карре, Ф. Форсайта, Дж. Х. Чейза, Д. Гарднера, К. Воннегута, Э. Фишера, Д. Фрэнсиса, Д. Хаммета, Ж. Симеона, С. Жапризо и других. Учитывая, что круг авторов широк, а возможности журнала ограничены объемом, мы сочли целесообразным провести читательский референдум, чтобы вы сами предложили, с какими авторами хотели бы познакомиться в первую очередь.

Ждем ваших писем!

Отдел литературы



Перед нами четыре детских рисунка из Терезинского гетто. Четыре — из четырех с половиной тысяч. Они хранятся в архиве Государственного Еврейского Музея в Праге.

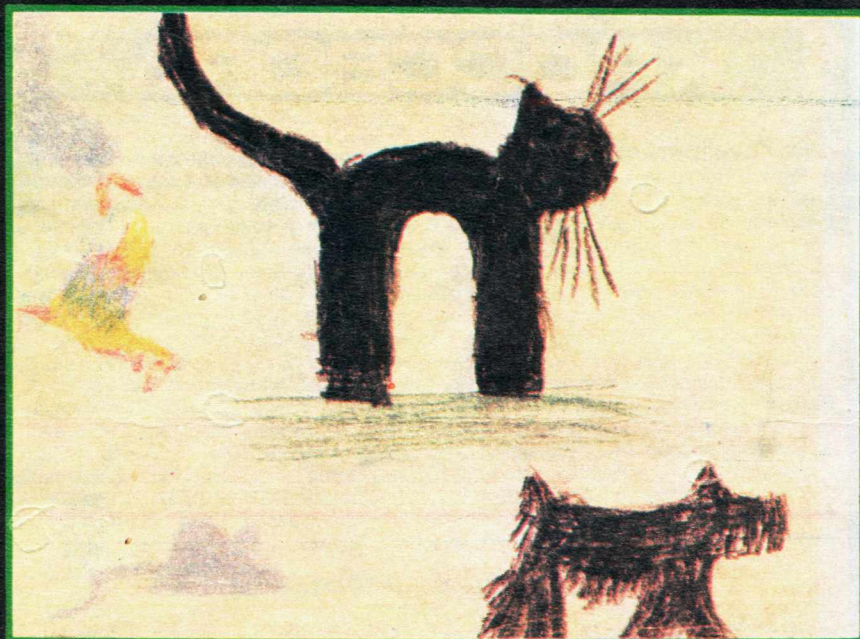
Многие из работ сделаны на чердаке дома L-410, где с детьми занималась рисованием Фридл Диккер-Брандейсова.

После гибели детей осталось:

4500 детских рисунков, журнал «Ведь» (750 страниц), шесть номеров журнала «Бонако», несколько номеров журналов «Рим, Рим, Рим!» и «Новины», дневники, тетрадки девочек с пожеланиями друг другу, приглашительные билеты на вечера поэзии и на спектакли да куклы.

Искусствотерапия, которой Фридл занималась с детьми в гетто, была в первую очередь направлена против страха, она исцеляла детей духовно, давала им ощущение свободы, приводила в порядок их чувства и мысли.

Ежедневные апелли (пересчет заключенных), от голода и усталости люди валяются запертво. Старики, дети и взрослые часами стоят под откры-



тым небом, выстроившись в шеренги, — они замерзают зимой и обливаются потом в летнюю жару. Очереди за миской супа, очереди за водой, очереди на транспорт...

Отрывок из Терезинского дневника Хельги Хошковой-Бейссовой:

«Кто забудет о них, о тех, кого мы каждый день встречали у кухни, слепых, на костылях, с блюдецками в ладонях, просящих чуточку кофе, супа, выскребаящих немытые корыта и посуду после еды или копающихся в куче гнилой картошки, коже и отбросах? Сколько их доедет, сколько вернется? Погребальные возы грохочут по мостовой. Куда доедут эти человеческие развалины? Где сбросят эти тела? Никто над ними не заплачет, никто о них не пожалеет. Если когда-нибудь в хрестоматии по истории упомянут о них, то единственным подходящим заголовком к статье будет: «Заживо погребенные».

(См. в номере материал Е. Макаровой)

Ева Мейтнерова. 1931—1944.
Мальвина Лёвова. 1932—1944.
Дорис Вейсера. 1932—1944.
Автор неизвестен.